ФАНТ-ХАБАР

2026

32

ФАНТ-ХАБАР

2026
8 (32)

3 Календарь. 2026. Сентябрь
25 Такие дела. Август 2026
32 Голоса из Сетей
138 Источники

Первая страница:
Жуткие создания от художника Mark Tedin

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
https://t.me/bratrazum
https://bvi.livejournal.com
http://bvi.rusf.ru/fx/fx032.pdf

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Сентябрь

1 сентября: **Учитель пишущих людей**

115 лет назад родился **Михаил Петрович МИХЕЕВ** (1911-1993), русский писатель, автор сборников «Которая ждёт», «Вирус В-13», «Далёкая от Солнца», «Милые роботы», «Год тысяча шестьсот...».

Владимир Ларионов о ещё одной ипостаси Михаила Михеева:

«Учителем пишущих людей» (по выражению Геннадия Прашкевича) Михаил Михеев действительно был в самом прямом, буквальном смысле. В 1977 году писатель организовал в Новосибирске клуб любителей фантастики. Первое занятие КЛФ «Амальтея» прошло 4 декабря 1977 года на станции юных техников. Поначалу клуб посещали только школьники, но со временем в «Амальтею» пришли студенты, инженеры, взрослые увлечённые читатели и собиратели фантастики. С 1978 года «Амальтея» при содействии Михеева стала проводить заседания под эгидой Новосибирской писательской организации и в её помещении. Дискуссионный клуб постепенно превратился в литературный, члены КЛФ выпускали рукописный журнал, составляли библиографию сибирской фантастики, контактировали с писателями и переводчиками, сами сочиняли фантастику. Михаил Михеев бессменно руководил литературным объединением «Амальтея», уделяя особое внимание становлению молодых сибирских фантастов. Фактически Михаил Петрович стал основателем школы сибирской фантастической и приключенческой литературы, которая была заметным явлением в восьмидесятых и начале девяностых. Среди известных выпускников михеевской «Амальтеи» – Александр Бачило, Игорь Ткаченко, Василий Карпов, Евгений Носов, Виталий Пищенко, Владимир Титов, Александр Шалин, Александр Ярушкин и др.

1 сентября: **В разных мирах**

75 лет назад родился **Тимоти ЗАН [Timothy ZAHN]** (р. 1951), американский писатель, автор романов «Планета по имени Тигрис», «Шелкопряд», «Тайные миры», «Пульт мертвеца», «Звёздные всадники», «Ангелмасса», «Дар Юпитера», «Зелёные и серые», циклов «Чёрный спецназ», «Кобра», «Завоеватели», «Приключения драконников», «Икар», «Фрэнк Комптон».

Помимо собственных циклов, Тимоти Зан с удовольствием погружается и в чужие миры. Так, он написал 15 романов, несколько повестей и рассказов по расширенной вселенной «Звёздных войн», которые принесли ему мировую славу. Его книги породили целую волну последователей, собственно,

именно книги Зана и положили начало фанфикам о «Звёздных войнах». Также он принимал участие в написании сценариев для комиксов по «Звёздным войнам» и в создании карточной игры на эту же тему. Там он изображает придуманного им персонажа Тэлона Каррде, контрабандиста и торговца информацией.

2 сентября: **Что читал Аркадий Стругацкий?**

120 лет назад родился **Александр Петрович КАЗАНЦЕВ (Мариан СИЯНИН)** (1906-2002), русский писатель, автор романов «Пылающий остров», «Арктический мост», «Купол надежды», «Клокочущая пустота», «Острее шпаги», дилогии «Звезда Нострадамуса».

Станислав Мешавкин, редактор журнала «Уральский следопыт», вспоминал, как Аркадий Стругацкий поднял тост за Александра Казанцева на банкете по случаю вручения первой премии «Аэлита»:

«– Я был тогда пацаном, – начал Аркадий Натанович звучным красивым голосом, – но до сих пор хорошо помню, с каким нетерпением ждал заключительного звонка, а нередко и убегал с последнего урока. Дело в том, что к обеду нам домой приносили почту, в ней «Пионерская правда», в которой печатался роман Казанцева «Пылающий остров». С продолжением, понимаете? И меня снедало нетерпение: что же дальше произойдёт с героями?

Память у Стругацкого оказалась великолепной. Он приводил малейшие детали публикации, а когда затруднялся, то вопрошающе смотрел на Казанцева, и тот подсказывал ему тихим голосом. Я видел, как тают настороженность и холодок в глазах Александра Петровича, как над столом гаснут, разряжаясь, электрические заряды».

2 сентября: **Хоббит, похожий на меня**

100 лет назад родился **Евгений Павлович ЛЕОНОВ** (1926-1994), русский актер, исполнитель

ролей в спектаклях «Снежная королева» (Сказочник), «Антигона» (Креон), «Человек из Ламанчи» (Санчо Панса), «Тиль» (Ламме Гудзак), к/ф «Снежная сказка» (Старый год), «Тридцать три» (Иван Сергеевич Травкин), «Снежная королева» (Король), «Легенда о Тиле» (Ламме Гудзак), «Обыкновенное чудо» (Король), «Дом, который построил Свифт» (Глюм), «Слёзы капали» (Павел Иванович Васин), «Уникум» (Директор НИИ), «Кин-дза-дза!» (Уэф, чатланин), «Убить дракона» (Бургомистр).

В 1981 году в новогодней передаче «Для вас, родители» Евгений Леонов рассказывал: «Как-то в Ленинграде, на одной из премьер фильма, в котором я снимался, ко мне подошёл человек и подарил вот эту книгу. Нет, это был не автор этой книги. Автор – известный английский писатель, учёный, Джон Толкин. А подарил мне эту сказочную повесть про хоббита художник Михаил Беломлинский. Оказалось, он изобразил героя этой сказки, Бильбо-хоббита, очень похожим на меня. Взгляните, как вам это понравится? Эти сказочные приключения стоит почитать. Во всяком случае, с тех пор, как мой сын прочитал эту книжку, она дома не задерживается. И всем детям она была интересна, и доставила много весёлых минут».

Говорят, Беломлинский очень волновался, как Леонов отнесётся к огромным волосатым ногам «своего» героя.

4 сентября: **О культурных артефактах**

85 лет назад родилась **Валентина Сергеевна КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА** (р. 1941), русская переводчица произведений Дж.Блейлока, Х.Л.Борхеса, Дж.Браннера, Э.Дансейни, Л. Спрэг де Кампа, Г.Лавкрафта, У.Ле Гуин, С.Лема, М.Метерлинка, Т.Старджона, М.Суэнвика, Э.Тоффлера, К.Уиллис и др.

Валентина Сергеевна с 1971 года является научным сотрудником сектора истории антропологических учений Института философии РАН и не только переводит работы различных философов, но и сама

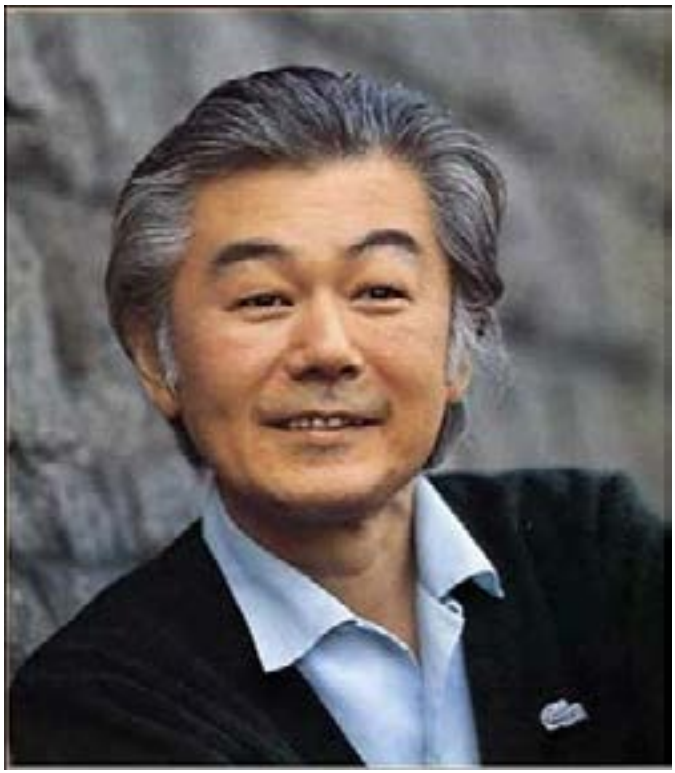
публикует статьи по философской антропологии. Короткая цитата из статьи «Философия и искусство: ключ к постижению человека» (в соавторстве с Наталией Кротовской): «Все имеющиеся данные указывают на то, что представители Homo sapiens «трансформируются» в «самих себя» в процессе усваивания естественного языка и способностей, формирующихся в силу культурных особенностей. Это, несомненно, означает, что на восприятие человека влияют культурные факторы, которые его меняют. Так, например, восприятие человеком картин является культурным артефактом, который не может быть объяснён исключительно нейрофизиологией или посредством феноменализма. По этим причинам человек характеризуется как гибридное существо, чьи первоначальные биологические признаки трансформируются в процессе усвоения языка общества, в котором он растёт. В этом случае само человеческое «Я» становится культурным артефактом. Гибридная натура также обозначает успешный уход в сторону от ограничивающих рамок дуализма и редукционизма».

6 сентября: **Король короткого рассказа**

100 лет назад родился **ХОСИ Синъити [星新一]** (1926-1997), японский писатель и редактор, основатель первого японского фэнзина «Утюдзин» («Космическая пыль»; с Такуми Сибано), автор романов «Сеть голосов», «Цель: кошмар», более 1000 рассказов.

Несколько фактов из японской Википедии:

Его имя, Синъити, является сокращением девиза его отца Хадзимэ: «Доброта прежде всего». В декабре 1941 года, когда он учился в средней школе при университете, началась война с Соединёнными Штатами. Предвидя, что английский станет вражеским языком и будет исключён из вступительных экзаменов, он полностью пренебрёг изучением английского, сосредоточившись вместо этого на других предметах, о чём позже сильно жалел. В 1949 году он опубликовал свой первый короткий рассказ «Вздох лисы». Хоси был глубоко тронут романом Рэя Брэдбери «Марсианские хроники». Он вспоминает, что без этой встречи не стал бы заниматься научной фантастикой. Испытывая отвращение к суровым реалиям жизни, Хоси заинтересовался фантастической концепцией «летающих тарелок» и вступил в «Общество исследований летающих тарелок», в состав которого также входили Юкио Мисима и Синтаро Исихара. В 1957 году он вместе с Такуми Сибано и другими, с кем познакомился в «Обществе исследований летающих тарелок», стал одним из основателей первого в Японии



научно-фантастического фэнзина «Утюдзин». Его рассказ «Секистра», опубликованный во втором номере, привлёк внимание Утаро Ситы и был перепечатан в «Хосеки», который тогда редактировал Эдогава Рампо, что ознаменовало его дебют. В 1963 году он участвовал в создании Японской ассоциации писателей-фантастов под руководством Масами Фукусима. С тех пор к нему относились как к «мастеру и старейшине» в мире научной фантастики. Он был первым президентом Ассоциации писателей-фантастов Японии с 1976 по 1977 год. Осенью 1983 года он достиг отметки в 1001 рассказ. Однако, поскольку он публиковал эти рассказы одновременно в различных журналах, с которыми поддерживал тесные связи, невозможно определить, какой именно рассказ был 1001-м.

6 сентября: **Болгарский фэн Сандро**

75 лет назад родился **Александр Георгиев КАРАПАНЧЕВ** (1951-2021), болгарский писатель, журналист, критик, редактор, издатель, деятель фэндома, один из организаторов издательства «Аргус», автор сборника «В эпоху УНИМО», составитель антологий «Холод и пламя», «Новая болгарская фантастика-91», «Чудесные горизонты», «Сумасбродные горизонты».

Один из самых известных болгарских фэнов Сандро Георгиев, он же Саша Карапанчев, реально участвовал в большинстве событий фэндома Болгарии с середины 1980-х годов, был одним из основателей клубов любителей фантастики в Софии «Золотое перо» и «Иван Ефремов», редактором журнала «ФЭП – фантастика, эвристика, прогностика», работал в издательствах «Ролис», «Орфия» и «Аргус», состоял в жюри многочисленных конкурсов, был секретарём Содружества болгарских фантастов «Терра Фантазия», посещал десятки конференций

фантастов как в Болгарии, так и за рубежом, мы и познакомились в Свердловске, на «Аэлите-90», опубликовал множество рассказов, стихотворений, статей, очерков, рецензий, интервью в различных журналах и газетах, занимался энигматикой и библиографией, составил больше дюжины антологий, в последние годы активно сотрудничал с сетевыми и электронными изданиями. Из наших рядов его вырвал ковид.

12 сентября: **В борьбе с акулами капитализма**

105 лет назад родился **Станислав Герман ЛЕМ [Stanisław Herman LEM]** (1921-2006), польский писатель.

Из письма Виргилиусу Чепайтису от 29 декабря 1969 года: «В Берлине капиталистические кровопийцы были ко мне нечеловечески милы, как всегда, когда хотят присвоить себе исключительные права, залапать, чтобы потом высосать до дна. Заплатили мне большие деньги; на них я купил себе Автомобиль (для Томаша, детский), перочинным ножичком разобрал его в отеле, купил в этом проклятом городе самый большой чемодан и упаковал детали, а в Кракове собрал заново – я ведь был

автомехаником во время II мировой войны! Пустые места между деталями автомобиля я заполнил туалетной бумагой розового, голубого, жёлтого и золотистого цвета – ну не МЕРЗОСТЬ? Хищные рыбы капиталистического мира приглашали меня на обеды (суп из ласточкиных гнезд; пулярка; старое божоле; эти вещи я должен был есть и пить, хотя и знал, что это в чистом виде материализованная прибавочная стоимость, результат сдирания седьмых шкур с масс). Чтобы пустить мне пыль в глаза, эти бандиты заполнили магазины и универмаги разным дешёвым добром, поэтому, желая отыграться на них за войну, за оккупацию, а особенно за то, что сожгли Варшаву, я со своей стороны награбил что смог; много добра не увёз, потому что уже не такой крепкий, как во времена работы механиком, но всё-таки нахапал этих марципанов, этих швейцарских шоколадок, этих кальсон (кальсоны эти военные преступники делают цветными: предрассветное небо, заходящее солнце, полная луна, пробивающаяся через серебряные облака; и тому подобное), этих чудовищных носков, рубашек и прочих таких вещей; а также познакомился с бандой тамошних интеллектуалов, купил чудовищно тяжёлый, оправленный в фальшивый золотой переплёт альбом репродукций Сальвадора Дали – 47 долларов! – ух! – эх! – произведения Л. Виттгенштейна, и ещё кое-что эти мошенники сами мне добавили, и даже влезли в купе поезда и насильно всучили бутыль французского бургундского. Негодяи! Вообще там ужасно».

13 сентября: **Сказочник номер один**

110 лет назад родился **Роальд ДАЛЬ [Roald DAHL]** (1916-1990), английский писатель, автор романов «Однажды никогда: притча для сверхчеловеков», «Мой дядюшка Освальд», «БДВ, или большой и добрый великан», «Вельмы», «Полёты в одиночку», «Матильда», «Мой год», сборников «Перехожу на приём», «Кто-то вроде вас», «Хозяйка пансиона», «Ночная гостья», «Ах, эта сладкая загадка жизни!», «Абсолютно неожиданные истории», «Ещё одни

невероятные истории», детских книг «Джеймс и гигантский персик», «Чарли и шоколадная фабрика», «Чарли и огромный стеклянный лифт».

Борис Невский писал в «Мире фантастики»: «За Роальдом Далем закрепилась репутация блестящего автора полных чёрного юмора историй с элементами детектива, хоррора и мистики. Сборники писателя издавались по всему миру огромными тиражами, он стал знаменитым. Но постепенно на первый план вышли его книги для детей. В 1961 году появилась повесть «Джеймс и гигантский персик». Затем вышел небольшой роман «Чарли и шоколадная фабрика» (1964), который поначалу разругали критики, но восторженно приняли юные читатели. И эти, и последующие детские произведения Даля стали бестселлерами, принесли ему много наград (включая Всемирную премию фэнтези) и репутацию «сказочника номер один». День его рождения отмечается во многих странах как День Роальда Даля».

14 сентября: **Заглядывать вперёд**

120 лет назад родился **Леонид Дмитриевич ЛОМАКИН (Леонид ПЛАТОВ)** (1906-1979), русский писатель и журналист, автор романов «Архипелаг исчезающих островов», «Страна Семи Трав», киноповести «Птица Маук» (по мотивам романа В.Обручева «Земля Санникова»), сборника «Каменный холм».

«Ещё 20-30 лет назад, – писал Леонид Дмитриевич Геннадию Прашкевичу, – можно было подилетантски подходить к научной фантастике, искупая отсутствие твёрдых знаний богатством выдумки и т. д. Сейчас, сам понимаешь, этого нельзя. Ты можешь быть биологом, а написать об астрономии, это не исключено. Но научное мышление у тебя будет уже выработано, найден метод

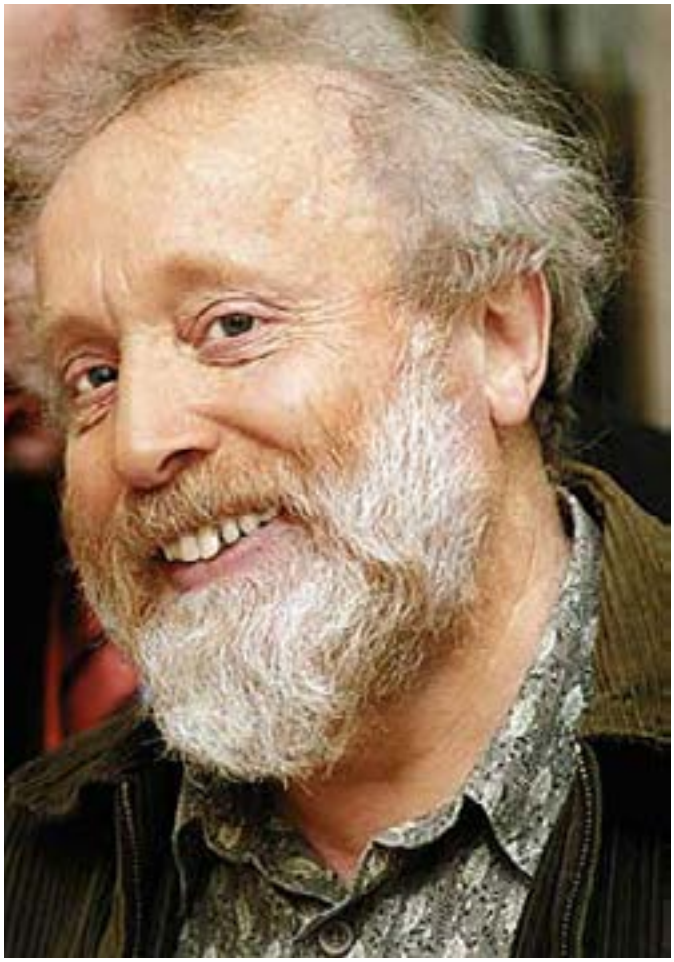
обработки материала. А затем уж идут фантазия, образный яркий язык, умение представлять характеры людей в сложных жизненных ситуациях, и т. д. Мой совет тебе: живи с широко раскрытыми глазами и ушами, обдумывай жизнь, присматривайся к людям (к людям, а не к проблемам – это относится и к научной фантастике), в центре задуманного произведения поставь человека: учёного, борца, открывателя, новатора. И пиши каждый день – для тренировки. Задача современной советской научной фантастики, по-моему, приобщить широкого читателя к миру науки, научить дальше видеть, заглядывать вперёд...»

14 сентября: **Пишет фантастику для конспирации**

50 лет назад родилась **Карина Сергеевна ШАИНЯН (Грэй Ф. ГРИН)** (р. 1976), русская писательница, автор романов «Долгий путь на Бимини», «С ключом на шее», «Саспыга», книг из межавторского цикла «Этногенез», сборника «Жизнь чудовищ» (с Дмитрием Колоданом).

Автобиография: «Карина Шаинян родилась 14 сентября 1976 года в Грозном. Зимой считала чаек в городе Охе на севере Сахалина, летом – удодов на Кавказе, весной и осенью уходила либо в себя, либо в учёбу – уж как повезёт. В 1993 году закончила школу, перебралась через Татарский пролив и принялась за московских ворон и галок, изредка отвлекаясь на эквадорских попугаев, алтайских кедровок и камбоджийских соек. Авгур Боливийского Военно-Морского флота honoris causa. Для конспирации делает вид, что пишет фантастику».

15 сентября: **Норштейн и Миядзаки**



85 лет назад родился **Юрий Борисович НОРШТЕЙН** (р. 1941), российский художник-мультипликатор, постановщик м/ф «Сеча при Керженце», «Ёжик в тумане», «Сказка сказок», «Шинель».

Создатель «Ежика в тумане» давно дружит с японским коллегой. Хаяо Миядзаки не раз говорил, что творчество Норштейна служило для него вдохновением на протяжении карьеры. Норштейн

признался, что видит своим наследником именно Хаяо: «Мне надо будет успеть завещание составить, чтобы ни в коем случае никуда, ни в какой киномузей [не отдали работы]. Пусть в Японию отдадут. В Японию, в музей Ghibli, в музей Миядзаки. Ну, Миядзаки, если он будет жив... Мы с ним ровесники, ему тоже в этом году 85». Юрий подчеркнул в интервью, что очень любит Японию, которую впервые посетил в 1993 году. Он нашёл в японской культуре уважение и интерес к созиданию.

16 сентября: **Технологии и фантастика**

70 лет назад родился **Кирилл Юрьевич ЕСЬКОВ** (р. 1956), русский ученый и писатель, автор повести «Евангелие от Афрания», романов «Последний кольценосец», «Америка (reload game)», «Rossija (reload game)» (с Михаилом Харитоновым), трилогии «Баллады о Боре Робингуде», статьи «Наш ответ Фукуяме», учебника «Удивительная палеонтология: История Земли и жизни на ней».

Из статьи «Наш ответ Фукуяме»: «Или взять, к примеру, мобильники; они ведь появились в карманах малиновых пиджаков напрямую, минуя всякие свои книжные прообразы. Помните, как общались между собою герои романов о будущем? Правильно: посредством цветных, стереоскопически-стереофонических (а иной раз, помнится, даже воспроизводящих запах), – но всегда стационарных видеофонов; они установлены в каждой квартире и конторе, а если на улицах – то в особых кабинах. В принципе такие видеофоны можно было бы наделать хоть сейчас, – только это оказалось на хрен никому не нужно, а нужны простенькие и дешёвенькие мобильники... При этом нельзя сказать, чтоб идея персональной мобильной связи вовсе никому не приходила в голову; конечно, приходила – но как! Вот, к примеру, «Жук в муравейнике»: кульминация секретной операции, судьба мира на волоске, и разбегающиеся спасать планету руководители спецслужбы уговариваются: «Связь через браслет!»; по контексту ясно, что такой сорт связи у них там, в 22-м веке, даже эта категория работников практикует не каждый день... Кстати, раз уж к слову пришлось: помните, сколько времени требовалось крутому чекисту Каммереру на получение справки по сети Большого Всепланетного Информатория? Два часа! Скажите-ка это школьнику, лазящему по Интернету, – он обхохочется...»

17 сентября: **Мне всегда нравилась магия**

110 лет назад родилась **Мэри Флоренс Элинор СТЮАРТ [Mary Florence Elinor STEWART]** (1916-2014), английская писательница, автор «Цикла о короле Артуре», романов «Это странное волшебство», «Маленькая ведьма», «Торнхолд», «Башня из слоновой кости», «Розовый коттедж».

Из интервью писательницы 1989 года: «Не могу сказать, что меня сразу привлекала легенда Артура. Она, в конце концов, средневековая, а этот период никогда меня не интересовал. Мне была любопытна Римская Британия, а книга Гальфрида Монмутского «История королей Британии» была тем, что послужило стартовой точкой. Я сидела в своей библиотеке, читала её – не помню почему. Добралась до части, где юного Мерлина, около 17 лет, привели к Вортигерну, который собирался принести его в жертву. И я подумала – вот моя история. Персонаж Мерлина привлёк меня потому, что никто с ним раньше не работал, – кроме Т. Х. Уайта, но в его книге Мерлин совсем другой, он сделал его традиционным средневековым заклинателем. Я подумала, что это моё, потому что здесь используется магия, которая всегда мне нравилась, как вы можете видеть в других моих книгах. Я нашла своего героя. После этого, всё, что мне оставалось, – отыскать, что о нём известно. И сведений было немного. В любом случае, «Хрустальный грот» почти чистая выдумка, с очень малой долей традиционной истории».

18 сентября: **Выдумывал поэтов**

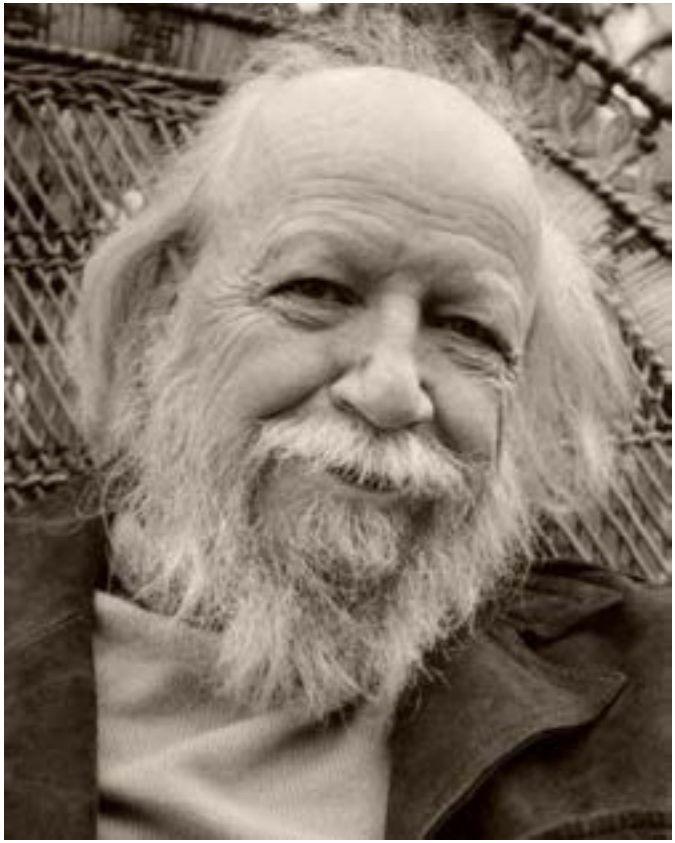
120 лет назад родился **Семён Исаакович КИРСАНОВ (Самуил Ицекович КОРТЧИК)** (1906-1972), русский поэт, автор поэм «Золотой век», «Поэма о Роботе», «Небо над Родиной», «Эдем», «Дельфиниада», «Зеркала».

В 1939 году Семён Кирсанов начал публиковать «Поэму поэтов», в которую вошли стихи шести вымышленных авторов, которых автор наделил своими склонностями и увлечениями. В предисловии «От автора» он писал: «С поэтом Сметанниковым я познакомился в дни, когда его выдумал. Этот рыжий высокий юноша, студент сельскохозяйственного института в волжском городе, ежевечерне заставлял меня перевоплощаться в него. Потом из ребра одного сметанниковского стихотворения я создал его Еву – девушку-поэта Варвару Хохлову. Вскоре я забыл о себе и стал шестью поэтами, и бывали вечера, когда в одном углу моей комнаты шептал александрийские строфы слепой Андрей Приходько, а в другом углу поэт Богдан Гринберг приносил русский синтаксис в жертву богу необыкновенного. Кружок моих друзей разросся. Они удобно устроились в воображении автора, и среди них уже начались обычные для реального быта отношения – роман Сметанникова с Варей, поездки, встречи и приключения».

19 сентября: **Космический оптимист**

115 лет назад родился **Уильям Джеральд ГОЛДИНГ [William Gerald GOLDING]** (1911-1993), английский писатель, автор романов «Повелитель мух», «Наследники», «Чрезвычайный посол», «Шпиль», сборника «Бог-скорпион».

Из Нобелевской речи Уильяма Голдинга: «Двадцать пять лет назад на меня легкомысленно наклеили ярлык пессимиста, не понимая, что этот титул прицепится надолго, так же, как, к примеру, к имени Рахманинова прицепилась знаменитая до-диез минорная прелюдия. Ни одна аудитория не отпускала его со сцены до тех пор, пока он не исполнит её. Так и критики вчитываются в мои книги до тех пор, пока не найдут что-нибудь, что кажется им без-



надежным. И я не могу понять почему. Сам я не чувствую этой безнадежности. Размышляя о мире, которым правит наука, я становлюсь пессимистом... Тем не менее, я оптимист, когда вспоминаю о духовном мире, от которого наука пытается меня отвлечь... Нам надо больше любви, больше человечности, больше заботы».

19 сентября: **Фантаст о дельфинах**

90 лет назад родился **Виктор Дмитриевич КОЛУПАЕВ** (1936-2001), русский писатель, автор сборников «Случится же с человеком такое!», «Качели Отшельника», «Билет в детство», «Зачем жил

человек?», «Поющий лес», «Седьмая модель», «Весна света», «Волевое усилие», романов «Фирменный поезд “Фомич”», «Сократ сибирских Афин», «Безвременье» (с Ю.Марушкиным).

В Новосибирске на «Белом пятне» в 1994 году мне удалось пообщаться с Виктором Дмитриевичем. Мы просидели в его номере несколько часов, и он с удовольствием вспоминал всякие любопытные подробности своей молодой жизни. Как подрабатывал во время учёбы в Томском политехническом: клал печи в частных домах, делал самодельные зеркала, коих был дефицит в 50-е годы. Как купил по дешёвке совершенно разбитый рояль, настраивал его и играл, практически не зная нотной грамоты и не имея музыкального образования. Обругал все фантастические книжки про дельфинов, которые выходили в то время: «Да они вообще не видели никогда дельфинов!», а когда начал рассказывать о своих первых впечатлениях от этого морского народа, разволновался. «Кожа дельфина – очень мягкая, упругая, очень приятная на ощупь, как... как... – искал нужную аналогию и не находил. – Как грудь девушки!» Спустя 30 с лишним лет помнил все детали первого катания на дельфине, общения с ними (он хоть и работал там в качестве технаря, обслуживал электронику, но любой свободный момент использовал для общения). Он не сомневался, что дельфины разумны. Что в дельфинариумах остаются лишь специальные контактёры, выделенные дельфиньим сообществом для общения с людьми. А обычные дельфины, попавшие в сети случайно, или сбегали при первой возможности, или кончали жизнь самоубийством – разбивались о сетку, выбрасывались на сушу.

21 сентября: **Как открыть зелёную дверь?**

160 лет назад родился **Герберт Джордж УЭЛЛС (Реджинальд БЛИСС) [Herbert George WELLS (Reginald BLISS)]** (1866-1946), английский писатель, драматург и мыслитель, основоположник современной НФ, автор романов «Машина времени», «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Война миров», «Первые люди на Луне», «Когда Спящий проснётся», «Люди как боги», «Пища богов» и др.

Маленький мальчик шести лет, гуляя по городку, случайно находит удивительную зелёную дверь на белой стене. Ему страстно захотелось открыть эту дверь и посмотреть, что скрывается за ней. Зашёл,

обнаружил там чудесный сад, в котором мирно играют дети и хищные пантеры, познакомился с хорошими людьми, пролистал книгу о самом себе. А потом вернулся в обычный мир, в последующем несколько раз видел эту дверь, но никогда более не смог зайти в тот замечательный сад.

Это краткий пересказ рассказа Герберта Уэллса «Дверь в стене», который много лет не даёт мне покоя. Выросший мальчик не смог ещё хотя бы раз открыть зелёную дверь, потому что не мог её найти, когда хотел, а вот когда оказывался рядом с этой дверью, ему было просто некогда, важные и неотложные дела не позволяли ему вернуться в тот заманчивый сад. Как быть? Где взять в себе силы и смелость, чтобы отринуть гнёт суматохи взбаламошных будней, чтобы рискнуть и найти свой райский уголок? Сколько раз каждый из нас проходил вот так мимо своей зелёной двери? А может быть, так и надо? Может быть, важнее и правильнее не гнаться за мифической синей птицей, а честно исполнять свои обязанности и дела? Хотя это скучно и однообразно. Беда в том, что у нас нет возможности «переиграть» свои поступки, выбрать из веера расходящихся тропок ту единственную, пройдя по которой, мы сможем органически и цельно использовать свои потенции и получить за это заслуженную награду.

21 сентября: **Слишком критическое направление ума**

110 лет назад родился **Залман Афроимович ХРАПИНОВИЧ (Зиновий Ефимович ГЕРДТ)** (1916-1996), российский актёр, исполнитель ролей в спектаклях Центрального театра кукол «Маугли» (Чтец), «Чёртова мельница» (Люциус, чёрт первого разряда), «Божественная комедия» (Адам), «По щучьему велению» (Глашатай / Воевода / Медведь), «Волшебная лампа Аладдина» (Визирь / Аладдин), «Ночь перед Рождеством» (Старый чёрт / Чуб / Остап / Князь Потёмкин), в к/ф «Человек с планеты Земля» (Персонаж Жюля Верна), «Город мастеров» (Художник), «Шаг с крыши» (Синяя Ворона, голос), «В тринадцатом часу ночи» (Баба-Яга), «Тень» (Министр финансов), «Укрощение огня» (Артур Матвеевич Карташов, руководитель ГИРДа), «Райские яблочки» (Дирижёр), «Бегство мистера Мак-Кинли» (Эйнштейн), «Орех Кракатук» (Мастер-часовщик), «Ослиная

шкура» (Оревуар, поэт), «Мэри Поппинс, до свидания» (Адмирал Генри Бум), «На златом крыльце сидели» (Водяной царь), «Простодушный» (Франсуа-Мари Аруэ, узник Бастилии), в телеспектаклях «Божественная комедия» (Адам), «Гёте. Сцены из трагедии ”Фауст”» (Мефистофель), «Сказочное путешествие мистера Бильбо Беггинса Хоббита» (Рассказчик), озвучивал к/ф и м/ф.

Гердт о себе: «Я знаю людей, фанатически служащих идее театра. Себя к ним не причисляю, может быть, потому что у меня слишком критическое направление ума. Я достаточно самокритичен, никогда не бываю на сцене, на экране – до самозабвения, никогда не забываю себя, контролирую. Иногда выслушиваю комплименты в свой адрес: талант, иногда ещё страшней говорят. Это, видите ли, чистая... Как бы сказать поприличней? Просто знаю, что не без способностей, не более, всё остальное – знание ремесла. Очень хорошо знаю, как не надо. Конечно, какие-то вещи без сердца, без душевных волнений не происходят, но не так самозабвенно, как бывает у гениев».

21 сентября: **Возможные модели завтрашнего дня**

85 лет назад родился **Владимир Кириллович ПИНИГИН** (1941-2015), украинский художник, автор серии работ «Предчувствие катастроф», иллюстраций к книгам А.Беляева, В.Бережного, Р.Брэдбери, П.Буля, Ж.Верна, С.Лема, К.Саймака, Г.Уэллса, К.Чапека.

Художник так отвечал на вопрос, чем его привлекала фантастика: «Люди делятся по отношению ко времени на несколько типов. Кто-то ориентирован на настоящее, кто-то – на прошлое, а я, судя по всему, на будущее. Меня занимали все возможные модели завтрашнего дня. Добротная фантастика –

это моделирование будущего, сценарии развития. Кроме того, такая литература ставит перед иллюстратором предельно сложную задачу – делать зримой абсолютно неизвестную, выдуманную реальность. А для художника достигать трудных целей – соблазнительно. И в те времена фантастика давала иллюстратору больше свободы по темам, по форме».

22 сентября: **Излишне интеллигентная внешность**

85 лет назад родился **Игорь Николаевич ЯСУЛОВИЧ** (1941-2023), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Город мастеров» (Фирен, лесной стрелок), «Айболит-66» (Белый клоун), «Солдат и царица» (Иван, сапожник), «Руслан и Людмила» (Финн), «Легенда о Тиле» (Предводитель слепых), «Тридцать первое июня» (Магистр Джарви / Доктор Джарвис), «Могила льва» (Дмитрий, брат Всеслава), «Тот самый Мюнхгаузен» (Слуга герцога), «Через тернии к звёздам» (Торки), «Мери Поппинс, до свидания!» (Ф.Смит, парковый сторож), «Кин-дза-дза» (озвучил две роли), «Предчувствие любви» (Давидюк), «Гостья из будущего» (Электрон Иванович), «Подземелье ведьм» (Конрад), «Золотые рыбки» (Александр Грубин), «Шанс» (Александр Грубин), «Друг» (Андреич), «Лиловый шар» (Кащей), «Мио, мой Мио» (Эно / выбиватель ковра), «Сказка о купеческой дочке и таинственном цветке» (Греческий купец), «Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского» (Борис Бухгольц), «Обратная сторона Луны» (Гурвиц, поэт), «Человек-ветер» (Человек-ветер).

У этого актёра практически не было главных ролей («Когда речь заходила о главных ролях, мне говорили, что я не вписываюсь в визуальные стандарты. Мол, внешность излишне интеллигентная», – вспоминал Игорь Ясулович в одном интервью),

и он снимался в ролях эпизодических (более 260 ролей в кино), озвучивал и дублировал как советские, так и зарубежные фильмы (более 160 фильмов), до конца жизни играл в театре (сначала в Театре-студии киноактёра, затем в Московском ТЮЗе). Артист говорил, что его не обижало отсутствие первых ролей на экране: маленькие роли не менее интересны и в них есть «свой азарт». В «Гостье из будущего» герой Ясуловича Электрон Иванович сопровождает говорящего козла Наполеона. Игорь Николаевич беспокоился, что не сладит с животным, а нужно было, чтобы Наполеон бежал за Электроном Ивановичем. Дрессировщик успокоил артиста: «Подойдёт время – узнаешь, что к чему». А на съёмках попросил Ясуловича достать сигареты и поманить козла. Тот, к удивлению съёмочной группы, побежал за актёром, едва увидел сигарету.

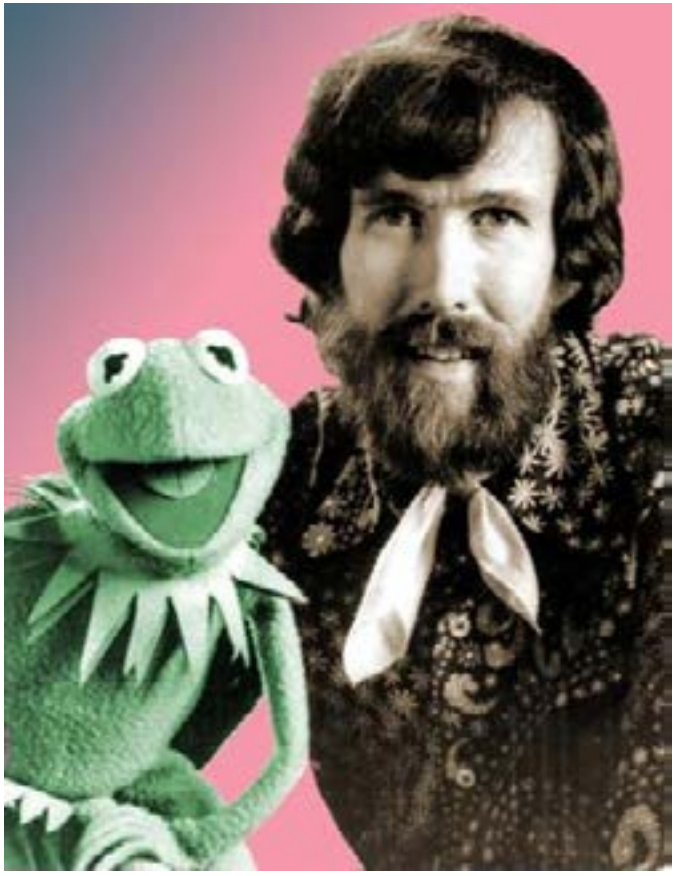
24 сентября: **Гость страны Фантазии**

130 лет назад родился **Фрэнсис Скотт Ки ФИЦДЖЕРАЛЬД [Francis Scott Key FITZGERALD]** (1896-1940), американский писатель, автор романа «По эту сторону рая», рассказов «Забавный случай

с Бенджамином Батоном», «Алмаз величиной с отель “Риц”».

Большинство фантастических произведений писателя было издано в сборнике «Фантастические и мистические истории Ф. Скотта Фицджеральда» в 1991 году. Конечно, этот автор не фантаст, а потому именно в сборнике с названием «Гости страны Фантазии» издательства «Мир» в 1968 году и была опубликована странная история жизни Бенджамина Баттона. Люди-контрамоты (то есть живущие в противоположном направлении во времени) в фантастике не редкость, но как разительно отличается поведение Баттона, смиренно поддающегося своей судьбе, от героя повести Владимира Михайлова «Не возвращайтесь по своим следам», который борется и побеждает в совершенно безнадёжной ситуации.

24 сентября: **Ученик Образцова**



90 лет назад родился **Джеймс /Джим/ Мори ХЕНСОН [James /Jim/ Maury HENSON]** (1936-1990), американский актёр, режиссёр, сценарист и продюсер, создатель проектов «Маппет-шоу» и «Улица Сезам», режиссёр и автор сценариев к/ф «Лабиринт», «Тёмный кристалл».

В 1984 году Хенсон побывал в Москве, где снял фильм о Сергее Образцове. Знаменитого советского кукольника он называл своим учителем и отцом международного кукольного театра. Хенсон также представил старшему кукловоду четыре куклы, чтобы добавить в Кукольный музей Московского театра Образцова: Фрэггла, Скекси, Бьюгарда и лягушонка Робина. «Они счастливы быть в такой восхитительной компании», – сказал Хенсон, и вспомнил, что, когда он начинал, всё, что он знал о кукольном театре, он почерпнул из книг, и Образцов был первым, кого он прочитал. Образцов в шутку упомянул Хенсона как «своего сына» в традициях кукольного театра.

24 сентября: **Душа книги – редкость**

80 лет назад родился **Анатолий Васильевич КОРОЛЁВ** (1946-2025), русский писатель, автор романов «Блюстители неба», «Охота на ясновидца», «Голова Гоголя», «Человек-язык», «Быть Босхом», «Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несёт в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе», «Инстинкт № пять».

Из интервью писателя о будущем литературы: «Литература – базовый элемент цивилизации, и, конечно, она будет продолжена в будущем, – странно было бы мне, писателю, отрицать это, – но только она вернётся к нормальному масштабу, примерно так, как было на стыке старой и новой эры. На весь европейский мир существовал один книжный центр – Александрийская библиотека, вокруг которой кольцами силы группировались и читатели, и знатоки. И это вполне нормальная схема концентрация книжного знания в одной-двух точках планеты. Что-то подобное нас ожидает в ближайшем будущем. Ничего страшного я в этом Олимпе

не вижу. Книг и так слишком много, в книжном магазине меня уже подташнивает от исполинского разнообразия. Это ненормально. Душа книги – редкость, потрясение, рукопись, инкунабула. А чтение есть совершенно особая форма бытия человека. В моей домашней библиотеке больше 5 000 книг. Жуть. Из них мне едва ли необходимы сегодня сто штук. В годы книжного дефицита в СССР я превратился в книжного алкоголика. Вернуть иерархию ценностей, аристократизм духа и неравенство смыслов – вот, на мой взгляд, правильная реакция на то разливанное море братства и политкорректности, в котором мы оказались».

25 сентября: **Роль сценариста сильно изменилась**

90 лет назад родился **Владимир Иванович ВАЛУЦКИЙ** (1936-2015), русский сценарист, автор сценариев к/ф «Дознание пилота Пиркса» (с М.Пестраком), «Мэри Поппинс, до свидания!», «Заклятие долины змей» (с В.Нижиньским и М.Пестраком), м/ф «Сокровища затонувших кораблей», «Пёс в сапогах», «То ли птица, то ли зверь», «Хорошо забытое старое» (по мотивам повести Михаила Булгакова «Роковые яйца»).

Автор более ста сценариев в конце жизни так говорил о своей профессии: «Роль сценариста сильно изменилась. И азы тоже. В кино пришёл Продюсер. Человек, умеющий добывать деньги и полагающий, что он так же хорошо умеет генерировать идеи. И подмял под себя всех творцов фильма – и, в первую очередь, сценариста. Почему именно сценариста в первую очередь? Да потому что написание сценария – это ещё не производство фильма, оно стоит во много раз дешевле, по сути – это бумажная «работа с документами», которая может длиться бесконечно долго, в зависимости от настроений, прихотей и фантазий продюсера. Продюсер, «по умолчанию» сразу становится как бы соавтором сценариста, причём соавтором с правом направляющего и решающего голоса. А ты из полноценного автора, тоже «по умолчанию» превращаешься в наёмную рабочую силу, которая, в силу своего положения, вынуждена слушаться начальства. Конечно, сценарист бунтует в наёмном работнике, спорит, не соглашается, доказывает свою правоту и неправоту продюсера – и, в лучшем случае, добивается какого-то формального компромисса. Но из такого компромисса в искусстве, как правило, ничего хорошего не получается».

25 сентября: **Вечный Люк**

75 лет назад родился **Марк Ричард ХАМИЛЛ [Mark Richard HAMILL]** (р. 1951), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чародей» (Иэн Кифер), «Звёздные войны» (Люк Скайуокер), «Удивительные истории» (Джонатан), «Поток» (Уилл Таскер), «Флэш» (Джеймс Джесси), «Гайвер» (Макс Рид), «Любовь и магия» (Брэд Трэвис_, «Земной ангел» (Уэйн Стейн), «Подводная Одиссея» (Тобиас Леконт), «Бегущий во времени» (Майкл Рейнор), «За гранью возможного» (Доктор Сэм Стейн), «Деревня проклятых» (Преподобный Джордж), «Падение дома Ашеров» (Артур Пим), «Жизнь Чака» (Алби Кранц), «Долгая прогулка» (Майор), озвучивал множество мультфильмов и видеоигр.

Актёр думал, что роль Люка Скайуокера осталась давно в прошлом, но в последние годы старая франшиза была вновь возобновлена, и Марку пришлось играть пожилого джедая в седьмом, восьмом и девятом фильмах эпопеи, а также в фильмах «Мандалорец» и «Книга Бобы Фетта», действие которых разворачивается во вселенной «Звёздных войн». В «Последних джедаях» герой говорит: «Джедаям пора положить конец». Актёр объяснял в интервью, почему его герой так сильно изменился: «Думаю, такая радикальная перемена объясняется

желанием студии удивить зрителя чем-то новым. По «Звёздным войнам» выходило огромное количество книг, комиксов и игр, – мой сын ознакомился с большинством из них и рассказывал, насколько силён стал в них Люк. Настолько, что, наверное, может с помощью Силы управляться с парой дюжин световых мечей одновременно. Помню, думал, что если в новых эпизодах решат показать его в таком стиле, то мне вообще ничего не придётся делать – надо будет просто стоять на фоне зелёного экрана и водить руками, а остальное дорисуют с помощью компьютерных эффектов. И потом, когда я предлагал какие-то идеи, мне часто говорили, что это уже было в той или иной книге или комиксе. А студия хотела показать Люка таким, каким его раньше не видели».

27 сентября: **Представитель метареализма**

80 лет назад родился **Рафаэль Залманович ЛЕВЧИН** (1946-2013), русский поэт, писатель, драматург, переводчик, эссеист, художник, актёр, один из основателей киевского фэндома, автор мини-романа «Сумерки предателей» (с А.Тамразовым), сборника стихов «ВОДАогонь», сборника фантастической прозы «Окончательный текст и другие идиллии».

В одном из интервью Р.Левчин отметил: «Для меня нет принципиальной разницы между литературой и фантастикой, равно как между живописью и фантастикой, кинематографом и фантастикой, театром и фантастикой: и если уж на то пошло, между жизнью и фантастикой, любовью и фантастикой!». И добавил: «А не нравится мне большинство писателей, и не только современных. Причём сам не всегда понимаю, чем я руководствуюсь. Ну вот Пелевин – понятно, откровенно коммерческий автор; но вот и Макс Фрай вроде бы коммерческий,

разве нет? А мне он нравится, и всё! Значит, дело в другом. Стиль? Да, стиль имеет значение, но не решающее. У Сорокина прекрасное владение стилем, и если бы мне пришлось выбирать между ним и Пелевиным, я бы не колебался. Но Сорокин мне, конечно, точно так же не нравится, как и прочие писатели такого рода, околоконцептуалисты несчастные... А уж современную фантастику вообще читать невозможно, за очень редкими исключениями. Как услышу, что кто-то всерьёз относится к какому-нибудь Перумову, так не знаю, плакать или смеяться».

29 сентября: **Будоражит воображение**

95 лет назад родился **Андрей Константинович СОКОЛОВ** (1931-2007), русский художник, автор иллюстраций к произведениям Р.Брэдбери, С.Лема, В.Савченко, многих фантастических картин, написанных в одиночку и с А.Леоновым (альбомы «Ждите нас, звёзды!», «К звёздам!», «Звёздные пути», «Космические дали», «Человек и Вселенная», «Жизнь среди звёзд»), с Р.Макколлом; под влиянием его картины «Лифт в космос» А.Кларк написал роман «Фонтаны рая», И.Ефремов посвятил ему рассказ «Пять картин».

В 1963 году братья Стругацкие писали в предисловии к набору открыток А.Соколова «Космическая фантазия»: «Чем привлекает нас Соколов как художник? У него великолепно развито пространственное воображение. Взгляните на диковинные, фантастические конструкции – творения наших потомков. Мы не знаем, что это за сооружения, мы можем только догадываться, каким целям они служат, но как превосходно чувствуется в их странных поворотах, неожиданных формах скрытая целесообразность, мощь, скрытая разумность их создателей. Цветовые контрасты, непривычные и кажущиеся неправдоподобными, подчеркивают

странность изображаемых пейзажей, и в их бросающейся в глаза чуждости опять-таки чувствуется богатая фантазия. Соколов широко пользуется цветом, чтобы создать у зрителя впечатление незнакомости материалов естественных и искусственных объектов, которые он изображает. Красноватый отблеск Марса на поверхности его древнего искусственного спутника, зелёный блеск Сатурна, озаряющий скафандры космонавтов, жуткие жёлто-багровые трещины в коре остывающей звезды, яркий фиолетовый рассвет над неведомой планетой с её кристаллической растительностью – разве это не будоражит воображение?»

29 сентября: **Перейти в вымышленный мир**

90 лет назад родилась **Алла Сергеевна ДЕМИДОВА** (р. 1936), русская актриса, исполнительница ролей в спектаклях «Принцесса Турандот» (Рабыня), «Скандальное происшествие мистера Кеттла и миссис Мун» (Миссис Мун), «Гамлет» (Гертруда), «Каменный гость и другие стихи» (Донна Анна), «Электра» (Электра), «Федра» (Федра), «Медея» (Медея), в к/ф «Иду к тебе...» (Леся Украинка), «Бегство мистера Мак-Кинли» (Проститутка), «Легенда о Тиле» (Катлина), «Аленький цветочек» (Колдунья), «Пиковая дама» (Рассказчица), «Маленькая принцесса» (Мисс Минчин), «Мешок без дна» (Баба-яга), автор книги «Тени зазеркалья: Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю».

Алла Демидова об актёрской работе: «Я так завидую людям, которые везде и всегда остаются собой. Личность актёра состоит из тех ролей, которые он играл, а в основе лежит что-то аморфное, поддающееся любому влиянию, часто с больной психикой и неустроенностью... На каком-то этапе актёрской работы я, видимо, растеряла свою суть, освободилась от роскоши стабильного характера. Для профессии это хорошо, наверное. Легче. Когда я работаю, кроме работы, меня мало что интересует. Но и сама работа не приносит радости, она, как зубная боль, постоянно при тебе. От неё трудно укрыться даже ночью: Начало работы над ролью – самый мучительный период. Это словно тяжёлая болезнь, когда не надеешься на выздоровление. Наверное, космонавту трудно оторваться от земли, перейти в мир, не подвластный земному тяготению. Так и актёру очень трудно оторваться от своего «я», перейти в вымышленный мир».

Mark Tedin

Такие дела
Август, 2026:

1 августа: **Наталия Дончева [Natalia Dontcheva]** (р. 31 декабря 1969), болгарская и французская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Прощай, Рио», «Жозефина: Ангел-хранитель», «Давид Ноланд», «Ледяная память», «Багровые реки». 56 лет. (***Уикипедия***)

1 августа: **Винсент Пасторе [Vincent Pastore]** (р. 14 июля 1946), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чёрные розы», «Подводная братва», «Возвращение в спящий лагерь», «Океан», «Два короля», «Камера пыток», «Тёмное пробуждение», «Клинтон-Роуд». 80 лет. (***Николай Подосокорский***)

6 августа: **Петер Фабер [Peter Faber]** (р. 9 октября 1943), нидерландский актёр театра и кино, исполнитель ролей в к/ф «Поль Шевроле и последняя галлюцинация», «Мужчина-русалка», «Клаустрофобия», «Новые парни нитро», «Король Радбод», «Семейка Фокс и Книга предков». 82 года. (***Википедия***)

8 августа: **Джон Кроули / Краули [John Crowley]** (р. 1 декабря 1942), американский писатель и сценарист, автор эпопеи «Эгипет», романов «Глубина», «Звери», «Машинное лето», «Маленький, большой, или Парламент фейри», «Переводчик», «Роман лорда Байрона», «Четыре свободы», «Ка: Дарр Дубраули в руинах Имра», сборников «Новинки», «Древности», «В других мирах», «Тоталитопия». 83 года. (***Борис Сидюк***)

9 августа: **Реджинальд (Реджи) Гораций Бэннистер [Reginald (Reggie) Horace Bannister]** (р. 29 сентября 1945), американский актёр и музыкант, исполнитель ролей в серии фильмов «Фантазм», в к/ф и сериалах «Инициация: Тихая ночь, смертельная ночь 4», «Этот маленький монстр», «Разрушительница», «Исполнитель желаний», «Бабба Хо-Теп», «Волчья охота», «Давилка 3: Возрождение», «Мёртвые вещи», «Кладбищенские врата», «Падшие ангелы», «48 недель спустя», «Дважды обращённый», «Некронавт», «Последний занавес», «Умри, Сигма!», «Ярость», «Железный человек: Тёмная сторона», «Послание смерти», «Резня на весенних каникулах», «Они пришли с Трафальгара», «Зазывалы», «Расстояние пешком», «Сатана тебя ненавидит», «Эксперимент: Зло», «Красные и синие шарики», «Ликвидация», «Примитив», «Кровавый библейский лагерь», «Семья зомби», «Война катастроф: Землетрясение против цунами», «Доктор Спайн», «Проклятие зомби», «Хруст костей», «Волна-убийца 2», «Времена года», «Школа монстров». 80 лет. (***Википедия***)

9 августа: **Бенджамин (Бен) Льюис Джонс [Benjamin (Ben) Lewis Jones]** (р. 30 августа 1941), американский актёр, писатель и политик, исполнитель ролей в сериалах «Бенджи, Закс и инопланетный принц», «Параллельные миры», «Скользящие», «Поверхность». 84 года. (***Wikipedia***)

9 августа: **Владимир Парал (Ян Лабан) [Vladimír Páral (Jan Laban)]** (р. 10 августа 1932), чешский писатель, химик, автор романов «Искушение A-ZZ», «Война с многоликим зверем», «Ромео и Джульетта 2300», «Страна женщин», «Декамерон 2000, или Любовь в Праге», «Книга блаженства, смеха и радости». 93 года. (***Википедия***)

10 августа: **Наталья Евгеньевна Трубникова** (р. 17 июля 1955), балерина и актриса, исполнительница ролей в к/ф «31 июня», «Формула любви», «Тайна Снежной королевы». 71 год. (***Николай Подосокорский***)

11 августа: **Борис Михайлович Ольшанский** (р. 25 февраля 1956), художник-славянист, автор

книг «Возвращение Руси», «Сказка», иллюстраций к произведениям П.Бажова, И.Ефремова, сказкам «Тысячи и одной ночи». 70 лет. (***Википедия***)

13 августа: **Мортимер Х. Райделл (Марк Райделл) [Mortimer H. Rydell (Mark Rydell)]** (р. 23 марта 1929), американский актёр, режиссёр и продюсер, постановщик телесериала «Хроники будущего». 97 лет. (***Википедия***)

14 августа: **Кусама Яёи [草間彌生]** (р. 22 марта 1929), японская художница, писательница и поэтесса, автор сюрреалистических инсталляций «Шоу тысячи лодок», «Комната бесконечных зеркал – Поле Фаллиса», «Великая оргия для пробуждения мёртвых», «Самоуничтожение. Анатомический антивоенный взрыв», романа «Грот мошенника на Кристофер-стрит». 97 лет. (***Дмитрий Волчек***)

14 августа: **Феликс Николаевич Медведев** (р. 22 июня 1941), журналист и писатель, мастер интервью, беседовал с Чингизом Айтматовым, Куртом Воннегутом, Габриэлем Гарсиа Маркесом, Джуной Давиташвили, Евгением Евтушенко, Эдуардом Лимоновым, Жоржем Сименоном, Андреем Синявским, Анри Труайя, автор книги «Андрей Вознесенский. Я тебя никогда не забуду». 85 лет. (***Николай Подосокорский***)

15 августа: **Милена Зупанчич [Milena Zupančič]** (р. 18 декабря 1946), словенская актриса, исполнительница ролей в спектакле «Макбет», в к/ф «Мёртвый корабль». 79 лет. (***Wikipedija***)

15 августа: **Наталья Лукьяновна Набока (Наталья Гайдамака)** (р. 24 декабря 1952), украинская писательница, редактор и переводчик, автор повестей «Меченая молнией», «Реанимация XXI», рассказов «Пленница», «Поклонение змее», «Только три шага». 73 года. (***Вячеслав Настецкий***)

15 августа: **Маргарет «Пегги» Уэббер [Margaret «Peggy» Webber]** (р. 15 сентября 1925), американская актриса и сценаристка, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Макбет», «Свистун», «Космические дети», «Кричащий череп», «Ночная галерея», «Проект Н.Л.О.». 100 лет. (***Википедия***)

15 августа: **Ян Фрыч [Jan Frycz]** (р. 15 мая 1954), польский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Любовь в Крыму», «Мелкий бес», «Мастер и Маргарита», «Изысканные формы и волосатые обезьяны», «Король Лир», «Доктор Фаустус», «Король Эдип», «Гамлет», к/ф «На серебряной планете», «Кроткая», «Порнография», «Асимметрия». 72 года. (***Википедия***)

16 августа: **Хейден Лесли Панеттьер [Hayden Lesley Panettiere]** (р. 21 августа 1989), американская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Чужие в семье», «Прикосновение ангела», «Если ты веришь», «Фабрика пыли», «Герои», «Крик 4», «Псарня», «Оно. Ночной кошмар», озвучивала м/ф «Робоцып», «Американский папаша!», «Приключения Флика», «Динозавр», «Скуби-Ду и король гоблинов», «Альфа и Омега: Клыкастая братва», «Красная Шапка против зла», видеоигры «Королевство сердец», «До рассвета». 36 лет. (***Википедия***)

16 августа: **Леонид Яковлевич Рудой** (р. 3 апреля 1946), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Сон в летнюю ночь», «Макбет». 80 лет. (***Википедия***)

17 августа: **Александр Маркович Белаш** (р. 4 января 1961), писатель, автор циклов «Тёмные Звёзды», «Русская Океания», «Балканский венец», «Вершана», «Луконь», «Мир Войны кукол», «Миссия», «Страна чудес» (все – с женой Людмилой Белаш). 65 лет. (***Мир фантастики***)

18 августа: **Лауринда ди Жезус Балерони (Лаура Кардозу) [Laurinda de Jesus Balleroni (Laura Cardoso)]** (р. 13 сентября 1927), бразильская актриса, исполнительница ролей в сериалах «Мир под

луной», «Линия жизни», «Сегодня – день Марии 2», «Пророк», «Каменный рынок», «Арагуайа». 98 лет. (***Википедия***)

19 августа: **Эдуард Джабашевич Мальбеков** (р. 13 февраля 1941), советский и казахстанский артист балета и педагог, исполнитель партий в спектаклях «Вальпургиева ночь» (Вакх), «Лебединое озеро» (Ротбарт), «Жар-птица» (Кащей), «Щелкунчик» (Дроссельмейер), «Брат мой, Маугли» (Табаки). 85 лет. (***Википедия***)

19 августа: **Нина Ивановна Шорина** (р. 10 марта 1943), актриса, режиссёр и сценаристка, постановщик м/ф «Незнайка в Солнечном городе», «Мумии-тролль и комета», «Сказка об очень высоком человеке», «Про Буку», «Второе Я». 83 года. (***Мир фантастики***)

20 августа: **Бернис «Банни» Левин [Bernice "Bunny" Levine]** (р. 22 декабря 1928), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Город слизи», «Тысяча слов», «Защищая Санту», «Столик 13», «Экстрасенс. Дело Софии», «Миссис Дейвис», «Невидимозавр», «Обитель зла: мутация». 97 лет. (***Википедия***)

23 августа: **Джеймс Джен Фэй Лью [James Jene Fae Lew]** (р. 6 сентября 1952), американский актёр и каскадёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Большой переполох в маленьком Китае», «Красавица и чудовище», «Дела семейные», «Последствия», «Полководцы – 3000», «Вавилон 5», «Космические спасатели», «Патруль времени», «Тень», «Чудеса науки», «Смертельные игры», «Человек ниоткуда», «Боевые роботы», «Мятеж в космосе», «Ночной охотник», «Побег из Лос-Анджелеса», «Баффи – истребительница вампиров», «Найтмэн», «Могучие рейнджеры: Потерянная галактика», «Глубокое погружение», «Чёрный скорпион», «Шпионка», «Шира: Вампир-самурай», «Пираты Карибского моря: На краю света», «Супергеройское кино», «Звёздный путь», «Выкуси!», «Начало», «Морской бой», «G.I.Joe: Бросок кобры 2», «Наследие Тэнгу», «Франкенштейн», «Космические Пираты: Приключения Сайбер Рэйна», «Эль Кукуй: Бугимен», «Ци: Космические воины». 73 года. (***Wikipedia***)

25 августа: **Долли Ребекка Партон Дин (Долли Партон) [Dolly Rebecca Parton Dean (Dolly Parton)]** (р. 19 января 1946), американская кантри-певица, актриса, исполнительница ролей в к/ф «Рождество в Дымящихся горах», «Вряд ли это ангел», в сериале «Орвилл», озвучила мультсериалы «Элвин и бурундуки», «Симпсоны», «Волшебный школьный автобус», «Гномео и Джульетта», «Залив Лили». 80 лет. (***Николай Подосокорский***)

25 августа: **Тимоти /Тим/ Джеймс Карри [Timothy /Tim/ James Curry]** (р. 19 апреля 1946), британский актёр и певец, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Шоу ужасов Рокки Хоррора», «Вопль», «Легенда», «Самая плохая ведьма», «Байки из склепа», «Оно», «Динозавры», «Земля 2», «Тень», «Конго», «Лексс», «Воссоединение семейки Адамс», «Пираты во времени», «Ангелы Чарли», «Охота на оборотня», «Ритуал», «Тайна Мунакра», «Цвет волшебства», «Алиса в стране чудес», озвучивал м/ф и к/ф «Команда спасателей Капитана Планеты», «Питер Пэн и пираты», «Приключения Дона Койота и Санчо Панды», «Бэтмен», «Русалочка», «AAA!!! Настоящие монстры», «Аладдин», «Сверхчеловек самурай отряда Сайбер», «Джуманджи», «Каспер – доброе привидение», «Бэтмен будущего», «Мухнём на Луну», «Звёздные войны: Войны клонов», «Скуби-Ду и Король Гоблинов», «Трансформеры: Боты-спасатели», «Рыжий клоун», «Стрим». 80 лет. (***Николай Подосокорский***)

26 августа: **Питер Клавер Каллен [Peter Claver Cullen]** (р. 28 июля 1941), канадский актёр

озвучивания и телевидения, озвучивал множество мультфильмов (роли Иа-Иа и трансформера Оптимуса Прайма), видеоигр («Трансформеры») и кинофильмов («Кинг-Конг», «Гремлины», «Хищник»). 85 лет. (***Мир фантастики***)

26 августа: **Петер Надаш [Nádas Péter]** (р. 14 октября 1942), венгерский писатель и драматург, автор сборника «Путешествие вокруг дикой груши». 83 года. (***Николай Подосокорский***)

26 августа: **Юрий Алексеевич Цурило** (р. 10 декабря 1946), актёр театра и кино, исполнитль ролей в к/ф «Блистающий мир», «Гонгофер», «Андерсен. Жизнь без любви», «Обитаемый остров», «Тариф Новогодний», «Гольфстрим под айсбергом», «Трудно быть богом», «Вий 3D», «Седьмая руна», «Джуна», «Последний богатырь», «Скиф», «Пришелец». 79 лет. (***Николай Подосокорский***)

R.I.P. – Дополнения:

30 апреля: **Антуанетта Александра Джейн Бауэр [Antoinette Alexandra Jane Bower]** (р. 30 сентября 1932), англо-американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Сердце-обличитель», «Сумеречная зона», «Триллер», «Напряги извилины», «Звёздный путь», «Захватчики», «Суперзверь», «Затерянные среди звёзд», «Человек на шесть миллионов долларов», «Умри, сестра, умри», «Школьный бал», «Кровавая песня», «Странник во времени». 93 года. (***Дэвид Лангфорд***)

Май: **Марк Дж. МакГарри [Mark J. McGarry]** (р. 6 февраля 1958), американский писатель и редактор, автор романов «Солнечные псы», «Чистый лист», повести «Врата Милосердия», редактор журнала «Empire» и бюллетеней «SFWA». 68 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

8 июня: **Майкл Престон [Michael Preston]** (р. 14 мая 1934), английский певец, актёр телевидения и кино, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Безумный Макс 2: Воин дороги», «Театр волшебных историй», «Металлический шторм: Крах Джаред-Сина», «Воздушный волк», «Д.Ж.О. и колонисты», «Охотники за тенями», «Вне закона», «Макс Хедрум», «Нечто из другого мира», «Супермальчик», «Чужая нация», «Суперсила», «Горец», «Ночи Малибу». 88 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

20 июня: **Маруяма Акихиро (Мива Акихиро) [丸山明宏 (美輪明宏)]** (р. 15 мая 1935), японский певец, актёр, режиссёр, композитор и писатель, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чёрная ящерица», «Ёсицунэ», озвучивал фильмы «Хармагеддон», «Принцесса Мононоке», «Ходячий замок», «Покемон 12: Аркеус и Камень жизни». 91 год. (***Дэвид Лангфорд***)

22 июня: **Джозеф Н. «Джоби» Бейкер [Joseph N. "Joby" Baker]** (р. 26 марта 1934), канадский актёр и художник, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Альфред Хичкок представляет», «Час Альфреда Хичкока», «Призрак Чёрной Бороды», «Гемини». 92 года. (***Дэвид Лангфорд***)

27 июня: **Анна Ф. Боултер (Анна Доусон) [Anna F. Boulter (Anna Dawson)]** (р. 27 июля 1937), английская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «О, счастливчик», «Секс-исследователь», «Кровавая баня в доме смерти», «Габриэль и художник-каракуль», «Супербабушка». 88 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

28 июня: **Уилфорд Ллойд Баумс [Wilford Lloyd Baumes]** (р. 24 ноября 1939), американский сценарист и продюсер, участвовал в работе над к/ф «Кошачье создание», «В поисках Богов», «Карусель смерти», «Чудо-женщина», «Кошмар округа Бэдхэм», «Снежное чудище». 86 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

28 июня: **Джастин Ричардс [Justin Richards]** (р. 14 сентября 1961), британский писатель и сценарист, автор множества книг цикла «Доктор Кто», аудио пьес циклов «Доктор Кто», «Бернис Саммерфилд», «Галлифрей», «Джейго и Лайтфут», «Контрмеры», аудиокниг «Тринадцатый камень», «Кричащий череп». 64 года. (***Дэвид Лангфорд***)

29 июня: **Ларс Олссон [Lars Olsson]** (р. 9 августа 1938), шведский библиотекарь и карикатурист, автор пародии на Флэша Гордона под названием «Бликст-Гродон», иллюстраций в журналах. 87 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

2 июля: **Кьелль Нильссон [Kjell Nilsson]** (р. 19 декабря 1949), шведский тяжелоатлет и актёр, исполнитель ролей в к/ф «Безумный Макс 2: Воин дороги», «Костяные шары». 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

4 июля: **Слейн Келли [Slaine Kelly]** (р. 9 июля 1982), ирландская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Психоз», «Падение», «Вечеринка с натрием». 43 года. (***Дэвид Лангфорд***)

6 июля: **Робин Джонсон [Robin Johnson]** (р. 9 марта 1937), австралийский фэн, активный участник австралийского фэндома, председатель первого австралийского Ворлдкона в Мельбурне в 1975 году, постоянный участник Ворлдконов. 89 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

7 июля: **Николай Иванович Чергинец [Мікалай Іванавіч Чаргінец]** (р. 17 октября 1937), белорусский писатель и политик, автор множества остросюжетных детективов, романа «Илоты безумия». 88 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

8 июля: **Иан Мол [Ian Maule]** (р. 17 июня 1952), британский фэн, издатель множества фэнзинов, среди которых «Параноид», «Майя», «Набу», «Контрольно-пропускной пункт», составитель (с Джозефом Николасом) антологии «По-британски: Фантология семидесятых», участник многих конференций. 74 года. (***Дэвид Лангфорд***)

8 июля: **Бонни Тайлер [Bonnie Tyler]** (р. 8 июня 1951), валлийская певица, песни которой использовались в качестве саунд-треков в к/ф «Метрополис», «Обитель зла: Ракун-Сити», «Пять дьяволов», «Шазам! Ярость богов», «Братья Супер Марио в кино», в мультсериале «Камень сновидений». 75 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

9 июля: **Дональд (Дон) Уоррен Айверкс [Donald (Don) Warren Iwerks]** (р. 24 июля 1929), американский кинодеятель, сын Аба Айверкса, руководитель студии Дисней, начинавший свою деятельность в качестве технического оператора к/ф «20.000 лье под водой», разработчик кругорамной кинематографической системы, с помощью которой был создан к/ф «Прекрасная Америка», участник создания к/ф «Трон», автор книги об отце «Лучший изобретатель Уолта Диснея». 96 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

10 июля: **Род Белчер (Р.С.Белчер) [Rod Belcher (R.S.Belcher)]** (р. 2 мая 1967), американский писатель и журналист, автор циклов «Голгофа», «Ночная Вселенная», романов «Сироты», «Люди в чёрном: Интернешл», «Путь королевы». 59 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

10 июля: **Ральф Уильям Хемекер [Ralph William Hemecker]** (р. 12 июня 1961), американский режиссёр, постановщик к/ф и сериалов «Секретные материалы», «Умер в 21», «Странное везение», «Клан вампиров», «Тысячелетие», «Рёв», «Лезвие ведьм», «Ведьмин клинок», «Говорящая с призраками», «Скользящие по небу», «Визитёры», «Однажды в сказке», «Однажды в стране чудес», «Флэш», «Легенды завтрашнего дня», «Жадная порода». 65 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

10 июля: **Хэ Вэйцин [何煒晴]** (р. 16 ноября 1943), гонконгская актриса, исполнительница ролей в к/ф

и сериалах «Истории роботов», «Бессмертный», «2B», «Ученик чародея», «Сорвиголова», «Железный кулак», «Защитники», «Страшные истории в двух предложениях», «Высокое разрешение», «Прекрасно, темно и глубоко», озвучивала м/ф «Год рыбы», «Я краснею». 82 года. (***Дэвид Лангфорд***)

13 июля: **Джозеф (Джо) Колдуэлл [Joseph (Joe) Caldwell]** (р. 2 октября 1928), американский сценарист сериала «Мрачные тени». 97 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

15 июля: **Михаил Викторович Ардов (Михаил Ольшевский)** (р. 21 октября 1937), писатель, публицист и мемуарист, настоятель, брат Алексея Баталова, автор сценария к/ф «Три толстяка». 88 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

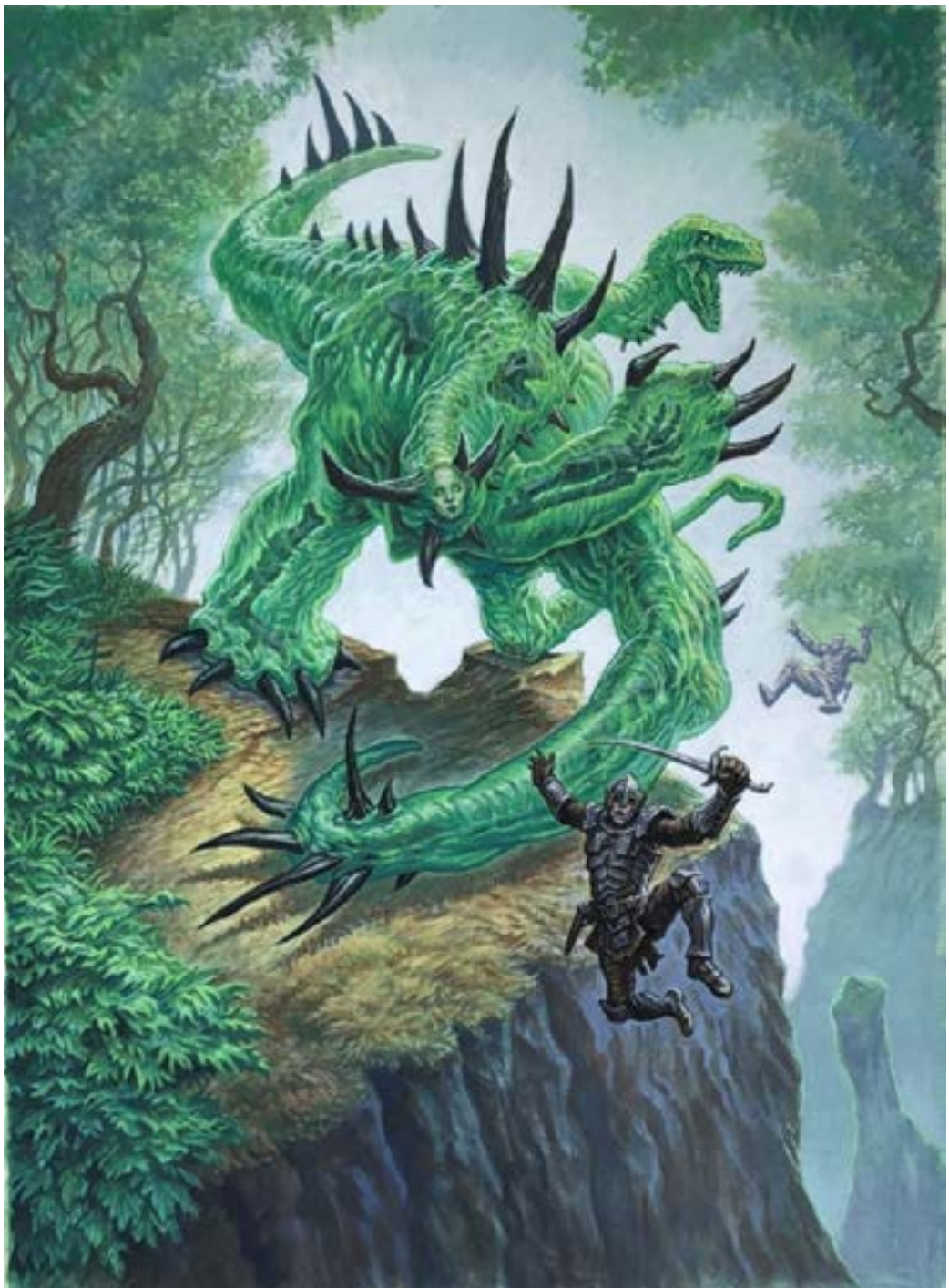
19 июля: **Патрик Глисон [Patrick Gleeson]** (р. 9 ноября 1934), американский композитор, музыкант и продюсер, автор музыки к м/ф «Отчаянные псы», «Великий Хип», к мультсериалу «Звёздные войны: Эвоки». 91 год. (***Дэвид Лангфорд***)

20 июля: **Розалия «Зэйл» Парри [Rosalia “Zale” Parry]** (р. 19 марта 1933), американская пионерка подводного плавания, подводный фотограф и актриса, исполнительница ролей в к/ф «Морская охота», «Подводный воин», «Путешествие на дно океана», «Сокровища Тилламуке». 93 года. (***Дэвид Лангфорд***)

21 июля: **Митч Девейн Бёрд [Mitch Dewayne Byrd]** (р. 27 декабря 1962), американский художник комиксов, работавший иллюстратором для различных издательств, включая Marvel и DC, создал, в частности, серию «Гай Гарднер, воин». 63 года. (***Дэвид Лангфорд***)

25 июля: **Уильям /Билл/ Эдгар Одди [William / Bill/ Edgar Oddie]** (р. 7 июля 1941), английский комик и писатель, автор сценариев, исполнял и озвучивал роли в сериалах «Джеканори», «Вкусняшки», «Монти Пайтон встречаются на окраине», «Бананамен», «Астронавты», «Драмарама», «Большой бой Астерикса», «Кольцо дракона». 85 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

29 июля: **Скотт Хайлендс Дуглас (Скотт Хайлендс) [Scott Hylands Douglas (Scott Hylands)]** (р. 27 февраля 1943), канадский актёр театра, кино и телевидения, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Земля 2», «Землетрясение», «Песня Суккуба», «Чудо-женщина», «Проект Н.Л.О.», «Силы Мэттью Стара», «Воздушный волк», «Голубой гром», «По ту сторону реальности», «Кунг-фу: Возрождение легенды», «Матрица», «Секретные материалы», «За гранью возможного», «Дьявол адвоката», «Звёздные врата: 3В-1», «Допустимый риск», «МифКвест», «Мутанты Икс», «Чёрная река», «Мёртвая зона», «Сумеречная зона», «Сверхъестественное», «Эврика», «Адский дождь», «Конец света», «Морозный ожог: Вторжение в Лаксдейл», «Визитёры», «По ту сторону чёрной радуги», «Однажды в сказке», «Возвращённые», «Вайнона Эрп», «Вспомнить заново». 83 года. (***Николай Подосокорский***)



Mark Tedin

Голоса из Сетей

1 августа:

Как говорится, को न्वस्मिन् साम्प्रतं लोके गुणवान् कश्च वीर्यवान् – или новая экранизация «Рамаяны» про Великую Бхарату – родину летающих слонов.

Николай Караев

2 августа:

Инфильтрацией учёные называют комплекс загадочных явлений, изменивших привычный мир начиная с конца XIX века. Развитие этого процесса условно разделяют на три волны, каждая из которых принесла человечеству новые формы существ, аномалий и угроз.

Первая волна началась в конце XIX века и ознаменовалась появлением неизвестных существ, преимущественно в подземных пространствах. Первые проявления зафиксировали 26 августа 1883 года; тогда же возникла Лента кавитации Розенфельда – Горовица.

Вторая волна началась вскоре после завершения Манхэттенского проекта и привела к массовому появлению аномалий, телепортов, биомеханоидов и Левиафанов. Законы физики стали нарушаться по всему миру, особенно в подземных областях.

Третья волна произошла в 1960-х годах, когда перед руководителями государств начали появляться загадочные Хозяева или проводники их воли. Их природа, цели и возможная связь с Инфильтрацией до сих пор неизвестны.

Алексей Андреев

3 августа:

Брэм Стокер «Дракула»

Роман Брэма Стокера «Дракула», опубликованный в 1897 году, стал одним из самых известных произведений готической литературы. Именно после выхода этой книги образ вампира приобрел те черты, которые сегодня знакомы почти каждому читателю. Однако роман интересен не только своей

мистической составляющей. За историей о противостоянии людей и вампира скрываются размышления о добре и зле, человеческих страхах, вере, дружбе и силе характера. Благодаря этому произведение продолжает привлекать внимание и спустя более ста лет после публикации.

Сюжет начинается с поездки молодого английского юриста Джонатана Харкера в Трансильванию. Он приезжает в замок графа Дракулы, чтобы помочь ему оформить покупку недвижимости в Англии. С первых дней пребывания Харкер замечает странности в поведении хозяина и вскоре понимает, что оказался пленником. Позже Дракула перебирается в Англию, где становится причиной загадочных смертей и исчезновений. Его жертвой оказывается Люси Вестенра. Чтобы остановить графа, объединяются Джонатан и Мина Харкер, профессор Ван Хельсинг, доктор Сьюард, Артур Холмвуд и Квинси Моррис. Им предстоит долгий и опасный путь, прежде чем зло будет побеждено.

Одной из самых интересных особенностей романа стала его форма. История складывается из дневников, писем, газетных заметок, телеграмм и медицинских записей. Такой способ повествования создает ощущение, что мы знакомимся с настоящими документами. Постепенно отдельные свидетельства соединяются в общую картину, а напряжение растет с каждой новой записью. Этот прием делает события более убедительными и помогает лучше понять переживания каждого героя.

Образ графа Дракулы получился необычным и запоминающимся. Это не просто бездумное чудовище, а умный, терпеливый и расчетливый противник. Он умеет производить впечатление воспитанного человека, но за внешней вежливостью скрываются жестокость и желание подчинять других своей воле. Дракула вызывает страх не только своей сверхъестественной силой. Он символизирует зло, которое постепенно проникает в жизнь людей и разрушает все, к чему прикасается.

Остальные персонажи тоже играют важную роль. Особенно интересен профессор Ван Хельсинг. Он не отвергает научные знания, но понимает, что не все явления можно объяснить логикой. Именно его опыт помогает героям найти способ борьбы с вампиром. Запоминается и Мина Харкер. Она отличается спокойствием, рассудительностью и внутренней стойкостью. Несмотря на тяжелые испытания, Мина не теряет самообладания и становится одним из самых важных участников борьбы с Дракулой.

В романе затронуто несколько важных тем. Главная из них – борьба добра и зла. Стокер показывает, что зло можно победить только тогда, когда люди действуют вместе и готовы жертвовать личными интересами ради других. Не менее важным выглядит противостояние науки и мистики. Герои пользуются достижениями современной медицины и техники, но вскоре понимают, что существуют вещи, которые невозможно объяснить только

научными знаниями. Автор не противопоставляет эти два взгляда, а показывает, что иногда они способны дополнять друг друга.

Итог: После прочтения романа становится понятно, почему он сохранил свою популярность до наших дней. «Дракула» интересен не только напряженным сюжетом, но и своими героями, атмосферой и вопросами, которые поднимает автор. Эта книга заставляет задуматься о природе страха, цене человеческой жизни, силе дружбы и ответственности за свои поступки. На мой взгляд, роман Брэма Стокера остается одним из самых ярких произведений мировой литературы, потому что за мистической историей скрывается глубокое размышление о человеке и его способности противостоять злу.

Жанр: Хоррор/Мистика

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Пожалуй, пока лучшая часть интервью (https://t.me/fanzon_portal/6740) с автором «Задачи трёх тел» – в самом начале.

Писателя спрашивают, чем отличается Лю Цысинь, который 20 назад писал хитовую НФ, и Лю Цысинь дня сегодняшнего.

«2006 год: Мне 43 года. 2. Я пишу в свободное время и работаю инженером на электростанции. 3. ***Мне кажется, будто я умею довольно точно предвидеть будущее...***

<...>

2026 год: 1. Мне 63 года. 2. Я – профессиональный писатель. 3. ***Мне уже не кажется, что я могу предвидеть будущее»***.

Вот так годы работы над НФ замутняют футуристическую оптику живых классиков. Ну или добавляют осторожности в прогнозах.

Интервью большое, ожидается ещё четыре части. Оно приурочено к 20-летию «Задачи трёх тел», а также, полагаю, к выходу нового издания романа – теперь уже с переводом на русский напрямую с китайского. Обложку пока не показывали, но книгу уже предлагают предзаказать.

Павел Сидоров

Во второй книге «Иерусалима» встретилась такая фраза:

послушно ваксил лань-ярд порошком Blanco.

Недавно с коллегой обсуждали эти офисные ленты ланьярды, на которых носят бейдж или пропуск, чтобы их не потерять. Как оказалось, этого слова не было ни в моем активном, ни пассивном словаре. Лента и лента. Но как каждый солдат мечтает стать генералом, так и каждая легкомысленная лента мечтает быть серьёзным ланьярдом.

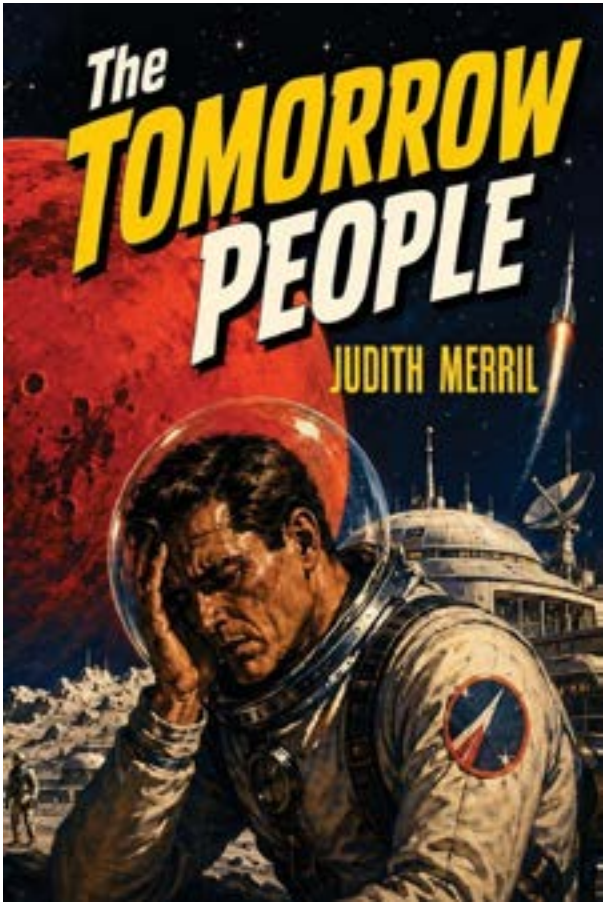
Это слово пришло к нам из английского языка (lanyard), а восходит к старофранцузскому слову lanière, что означает «ремни», «пояса» или «тесемка». Смысл тот же – не потерять носимый предмет, чаще всего – оружие.

Вернемся к цитате.

Это небольшая история про одного из детей, вступивших в Мертвецки мертвую банду. Хотя все участники загробной банды выглядят как дети, они в разном возрасте закончили свой земной путь. Например, Джон, который вспоминал, как при жизни ваксил ланьярд, был военным. За свою короткую карьеру он много повидал, и сейчас пришло время «собирать камни». Снова и снова Джон возвращается к своей истории – нельзя обрести покой и благодать, убивая людей.

На взгляд Джона, все это вздор – то, что ему вбивали в голову, пока он распевал «Быть пилигримом» в Бригаде мальчиков и связывал в голове добро с церковью, а церковь – с маршем; послушно ваксил лань-ярд порошком Blanco; подчинялся приказам. Для поколения Джона все это безнадежно перепуталось. Ритуальное чернение холодной латунной пряжки ремня БМ над свечным пламенем перед полировкой само собой перетекало в ощущение христианского долга, которое охватывало, когда приходили призывные бумаги. «Ни жупел и ни черт не ввергнут в бегство. Он знает – обретет он жизнь в наследство». А дальше не успеешь глазом моргнуть, как тебя протыкают пикой под Несби, взрывают дождем гвоздей и света, вышибают дух из плоти артиллерийским снарядом во Франции. И что-то вовсе не жизнь ты обретаешь в наследство. Тебе все это наболтали, просто чтобы ты погиб в чужих военных кампаниях без возражений. Все войны – священные, то есть обычные и кровавые, только их кто-то решил назвать священными, потому что так уж ему выгодно, – какой-нибудь король, какой-нибудь папа римский, какой-нибудь Кромвель, который верил, будто знает, что-де нужно Небесам. На взгляд Джона, если ты участвуешь в убийстве людей, значит, велика вероятность, что ты все-таки не святой.

Юлия Евдокимовская



Когда ИИшница сваляла обложку и фейспалм сквозь шлем закономерен.

Николай Караев

4 августа:

Иногда хочется ввести рубрику – «Современность в отображении художественной литературы прошлого».

Вот например, повесть А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер». Это не самое популярное их произведение, но я в свое время искренне наслаждался игрой интеллекта, которой авторы искренне предавались. Кстати именно игры интеллекта и являются часто предсказаниями будущего – потому что моделируют.

Краткое содержание для тех, кто не знает – в какой-то момент в человеке была открыта некая психофизиологическая составляющая, которая, при ее инициации, делает индивидуума недосягаемо далеким от остального человечества по своим возможностям. Проблема заключалась в том, что эта составляющая дана была далеко не всем, а из этого выходило, что человечество неизбежно должно было разделиться на две части.

Вокруг этого и крутилась вся повесть (этические моменты и т.д.), а затравкой был меморандум некоего «сумасшедшего» ученого, который в итоге оказался прав. Цитата из «меморандума»:

«Первое: вступление человечества на путь эволюции второго порядка означает практически превращение Гомо сапиенса в Странника.

Второе: скорее всего, далеко не каждый Гомо сапиенс пригоден для такого превращения.

Резюме:

1. Человечество будет разделено на две неравные части;

2. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру;

3. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую;

4. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую, и это свершится волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой».

Интересно, что в повести те, кто уже перешел эту границу, естественно искали сородичей по разуму, и одним из критериев была реакция на какое-то неожиданное явление. Например, в каком-то поселке появляются какие-то слизняки, которые у большинства вызывают ужас, отторжение и ненависть, а у некоторых – жалость и сочувствие. В общем, ничего общего с нами, ага – спустя 40 лет после написания повести.

Впрочем, эта повесть все же фантастическая, пронизанная гуманизмом и сочувствием к человечеству, в которое авторы верили. Как там у одного из главных героев – «Из всех решений выбирай самое доброе».

И в этом смысле, на мой взгляд, точнее в своих ассоциациях звучит отрывок из романа Карела Чапека «Война с саламандрами» (которую я искренне рекомендую прочесть всем, кто не читал, при этом не полениться пройти еще и по всем сноскам – это не примечания редакции, а самого Чапека). Мне кажется, что это, возможно, самый выдающийся сатирический памфлет про человечество – опять же, на всех уровнях.

Краткое содержание – человечество нашло неизвестный вид саламандр, которые, как оказалось, разумны, и поддаются не только дрессировке, но и настоящему обучению.

Цитата:

«...Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, но, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откушенными носами и головами), под морскою гладью долгое время свирепствовал яростный и затяжной идейный спор между старосаламандрами и младосаламандрами [98]. Младосаламандры стояли, видимо, за прогресс без всяких преград и ограничений, заявляя, что и под водой надо перенять материковую культуру целиком со всеми ее достижениями, не исключая футбола, флирта, фашизма и половых извращений. Наоборот, старосаламандры, по-видимому, консервативно цеплялись за природные свойства саламандр и не хотели отречься от старых добрых животных привычек и инстинктов; они, несомненно, осуждали лихорадочную погоню за всякими новшествами и видели в ней признаки упадка и измену саламандровым идеалам предков и, конечно, возмущались также чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется теперешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и самолюбивых саламандр это обезьянье подражание людям [99].

**98 – ...спор между старосаламандрами и младосаламандрами. – Намек на борьбу между старочехами и младочехами – консервативной и либеральной партиями чешской буржуазии конца XIX – начала XX века; старочехи в области культурной политики были сторонниками национальной обособленности, боясь проникновения революционных идей с «развращенного» Запада; младочехи слепо и некритически стремились перенять буржуазную цивилизацию более развитых капиталистических стран.*

**99 – Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три статьи из газеты «Народни политика», содержавшие рассуждения о современной человеческой молодежи; скорее всего он по недоразумению отнес их к соответствующему периоду истории саламандровой цивилизации.*

Книге 90 лет, с тех пор много чего человечество изобрело и обрело.

Тем не менее.

P.S. Мне, кстати, вспоминание этих цитат и вообще чтение исторической литературы по разным поводам помогают сохранять относительное спокойствие при чтении новостей и вообще всего, что с нами происходит. Немного, знаете ли, легче.

Александр Алабин

ХУАН ЯОШИ: ГЕРОЙ И СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Продолжаем про «Легенду о героях»:)

Отдельно хочется написать про папаню героини, великого и ужасного, потому что мне очень понравилось, как эта линия решена чисто технически.

Персонажа, который настолько крут, что уже не столько герой, сколько обстоятельство, сложно вписывать в сюжет так, чтобы он не перетягивал внимание на себя – перекачанные скиллы ведут к тому, что у героя слишком сильное влияние на ситуацию. Его, с одной стороны, нужно куда-то девать, чтобы он в одиночку не проходил все квесты и не раскидывал врагов. А, с другой стороны, он нужен, потому что именно его позицию остальные будут героически преодолевать:)

И тут приходит на помощь мой любимый подход: «персонаж, который крут так, что дальше уже некуда, огребает от последствий собственной крутости (и так понимает ее пределы)». И моя любимая тема: про успехи и факапы в родительстве и педагогике:))

Собственно, Хуан Яоши («Алхимик Хуан») – это один из «Пяти великих мастеров», папаня главной героини. В истории чуть попроще он бы просто сидел дома на троне и кричал оттуда какие-то проклятия в стиле «не забуду – не прощу, лишу наследства».

Но, поскольку это уся, то старшее поколение тут прокачивается бесконечно, и с возрастом их прыгучесть и могучесть не убывает, а повышается. И за каждым кустом может сидеть кун-фу мастер, который оттуда выпрыгивает, внезапный, как рояль.

Как результат, конечно, ОБВМ у таких персонажей бронзовеет – плюс-минус разговаривают они только с такими же. Всех остальных они просто задавливают авторитетом, магией или банально кулаками («флейта – ударный инструмент», литерали). Иииии вот тут начинается интересное, потому что выясняется, что актуальные задачи персонажа такими методами не решаются – начинаешь, понимаете ли, мерзнуть на вершинах моральных устоев.

Жена у героя померла родами, поэтому как-то амортизировать его ОБВМ некому.

Учеников и учениц он разогнал в приступе ярости за несоответствие идеалам.

Плюс-минус ровесника держал 15 лет в пещере (правда, на трехразовом питании), от чего тот окончательно поехал крышечкой и заработал раздвоение личности от скуки.

Доченька-кровиночка попыталась с этим пленником от скуки общаться (потому что на острове кроме нее и папы только глухонемые слуги), получила от папы нагоняй и вообще ушла из дома. А потом еще вдобавок влюбилась непонять в кого!

Вот тут Хуан Яоши понимает, что как-то из близких у него один саркофаг с усопшею женой. И еще друг, великий мастер боевых искусств Бомж Бомжатович, в смысле, глава нищих, но у него своих дел хватает.

Тут Хуан Яоши надевает маску, меняет голос, и отправляется на материк, чтобы там выскакивать из кустов, помогая бывшей ученице, и искать дочурку. Ученицу, няшу-демоняшу, находит раньше, лечит ее наложением рук от ранений, зачитывает лекцию на древнекитайском матерном, и скрывается в кустах, не пояснив, кто он.

Доченька, правда, все равно опознает папашу по манере поведения и разоблачает попытки натравить демоняшу на своего суженого.

Папаша закатывает скандал. Доченька умоляет не убивать возлюбленного и обещает вернуться домой, честно-честно.

Нууу, долго, конечно, это не длится, потому что жених все равно прорывается на остров. Яоши пытается устроить состязание за руку невесты и подбирает задания, которые чаду монгольских степей вроде как не пройти – но тщетно, герой все преодолевает.

Дочь с милым другом, конечно же, сбегают.

Яоши срывается их искать, но коварные враги ему врут, что дочурка померла. Где-то тут он начинает догадываться, что зря он так как-то противился ее личной жизни, в порыве душевных метаний походя женит какую-то совершенно случайно попавшуюся ему на глаза парочку – в общем, страдаит и решает наносить добро.

Находит бывшую ученицу, няшу-демоняшу, хватает ее в охапку, признается, что уже готов простить и учить ее опять, только бы она его всегда слушалась. Няша-демоняша клянется слушаться всегда – иииии помирает на месте (от последствий самообучения в изгнании и боевых ранений). Зе драма, классический момент, когда становится понятно, что «выбранная стратегия не работает». Продавить окружающих на послушание и следование своему перфекционизму персонаж может, а вот

сделать так, чтоб они от этого не заканчивались – увы, уже никак.

Потом выясняется, что дщерь жива, этот ее полумонгол тоже – иииии ацкий папаня демонстративно удочеряет (или, точнее, увнучеряет, учитывая скачок через поколения) умственно-отсталую девочку, дочь бывшего ученика. Потому что она, конечно, тупенькая, но точно не сбежит. «Увезу тебя на остров любоваться персиками! Потому что моя собственная дочь предпочтет путешествовать по материку с этим своим Го Цзином!»

Что характерно, деточка-кровиночка на эту попытку гилт-трипа начинает не виноватиться, а хлопать в ладоши и радоваться, что папа, кажется, смирился, нашел себе новый объект опеки и не будет никого пытаться убивать прям на месте!

Всем профит. Еще из этого следует какое-то количество комических сценок, когда Яоши пытается обучать милую, но совсем-совсем тупенькую девицу каллиграфии. («Дедуля, у меня хорошо получилось?» – «Хорошо. Больше не пиши, пожалуйста»).

Ну и финальный хэппи-энд – это когда все собираются на горе Хуашань для турнира «по гамбургскому счету», и устраивают семейный турнир-междусобойчик: Западный Еретик Яоши (папа девочки), Го Цзин (мальчик-главгерой, муж девочки), Северный Нищий (друг Яоши и наставник мальчика с девочкой, к которому парочка удрала от папани) устраивают драчку-состязание, а девочка судит и подначивает в стиле «а вот вы оба не одолеете Го Цзина за 300 ударов!» Мальчик счастлив, что его пустили к взрослым, взрослые рады, что можно помеситься, не скрывая силушку, и какие-то новые кадры появились, девочка рада, что мальчик ее крутой и что взрослые к нему хорошо относятся.

Собственно, так и выглядит хэппи-энд в родительско-педагогической арке: не остаться навеки царем горы, а успешно подрастить следующее поколение:)

Марина Аницкая

Следующего исполнителя роли **Джеймса Бонда** хотят назвать в конце 2026 года, заявила продюсер Эми Паскаль.

Команда старается действовать методично, так как превзойти Крэйга достаточно сложно.

Наш выбор должен отличаться, быть волнующим, захватывающим и необычным.

Новый фильм про агента 007 снимет Дени Вильнёв, а сценарий напишет автор «Острых козырьков» Стивен Найт.

Мир фантастики

«Последний пионер», Шимун Врочек («Астрель СПб», 2026, 16+)

Главный герой романа в рассказах «Последний пионер», Дима Овчинников, вспоминает свое детство – от театральной постановки в детском саду до старших классов. История его взросления связана с большой страной, жизнь которой неумолимо меняется.

Застой, Перестройка, 90-е… Но когда ты ребенок, то важно совсем другое, правда? Родители, бабушка с дедом, друзья и любимые книги. Много книг.

Герой-рассказчик Дима Овчинников – книжный ребенок. Сам он в шутку называет себя книжным Маугли, который «заблудился в библиотеке и был воспитан книгами». Поэтому вся его жизнь пронизана сюжетами. После урока истории он вместе с классом разыгрывает «Восстание желтых повязок» в Китае (и это невероятно смешно), в воображении переписывает сюжет «Спартака» (вот бы оказаться в книге и помочь герою в определенный

момент!), отправляется с друзьями на первый в жизни пикник, узнав о нем из романа «Джейн Эйр» («Англичане постоянно едят шаньги»). В книге есть даже глава со списком книг, прочитанных героем по нескольку раз.

В «Последнем пионере» много о советской и постсоветской культуре – тех песен, фильмов и книг, из которых мы все состоим. Ты читаешь и вспоминаешь, как сам подпевал Алле Пугачевой, снова и снова запускал пластинку «Али-Баба и сорок разбойников», как рвал душу голос Высоцкого, каким потрясением однажды стал Цой. А еще – Брюс Ли, «Терминатор», «Танцор диско»... В книге знакомые сюжеты превращаются в топливо для неудержимой фантазии, вплетаются в сюжеты о Диме и тех, кто ему дорог.

Рассказы Шимуна Врочека (это псевдоним, на самом деле его зовут Дмитрий Овчинников) – сокровенные детские воспоминания. Они, как у Виктора Драгунского, живые и светятся. И как по волшебству мир снова становится большим и добрым. Два его центра – Кунгур на Урале, где Димка проводит лето у дедушки с бабушкой, и Нижневартовск на Севере.

И все родные еще живы – мы узнаем поближе и деда Гошу, человека такого масштаба, что его «видно из космоса», и бабушку, которую дед когда-то полюбил за белые толстые косы и прожил с ней в счастливом браке целую жизнь. И папу главного героя, на которого он сам так похож. И друзья еще не разлетелись кто куда, все впереди и нет ничего невозможного.

Читаешь «Последнего пионера» – и то смеешься, то горло перехватывает от слез, потому что каждое слово – и про тебя тоже.

Даша Кельн

5 августа:

По поводу «Одиссеи» Нолана с запозданием могу сказать, что мне фильм очень понравился. Это не сверхгениальное кино, но интересное, увлекательное, очень красочное и местами даже глубокое. Его смотришь не отвлеченно, но сам погружаешься в инициацию главного героя и проходишь ее вместе с ним. Из наиболее глубоких сцен выделю посещение острова чародейки Кирки и диалог Одиссея (в облике нищего ветерана Троянской войны) с Пенелопой ближе к финалу. При этом пустых и проходных сцен нет вообще. Кажется, впервые было осмыслено и изображено мучительное пребывание греков внутри деревянного коня.

Фильмов такого уровня в год на самом деле выходят единицы. Когда я смотрел нолановскую «Одиссею, то периодически думал: «Боже, как велик Гомер!» При просмотре «Одиссеи» Кончаловского, снявшего этакую плоскую линейно реалистичную сказку, подобных мыслей не возникало. Главное, что Нолан побуждает вернуться к первоисточнику – прочесть или перечесть бессмертную поэму Гомера, и это дорогого стоит. И еще в его фильме немало потрясающе красивых видов природной стихии.

Мэтт Дэймон в роли Одиссея, по-моему, великолепен, и я впервые разглядел в нем великого актера – уровня Тома Хэнкса. Также хороши Антиной (Роберт Паттинсон, кажется, совершил невозможное – одухотворив изначально картонного, приземленного, крайне неприятного и жалкого персонажа), Телемах (правда, он получился гораздо надменнее и самоувереннее, чем предполагалось бы по сюжету) и Эвмей. Из женских персонажей на первое место поставил бы Кирку. Калипсо и Пенелопа больше красивы и выразительны в своем молчании, а речи их не очень трогают. Восторгов

по поводу Зендаи в роли Афины не понимаю (она ни хорошо, ни плохо сыграла, а просто никак, но, насколько я знаю, она сейчас суперуспешная мегазвезда с толпой фанатов, то есть во многом делает фильмам с ее участием кассу, так что спасибо и ей за то, что этот праздник состоялся).

Проблема с черной Еленой и Пейджем, как выяснилось, была раздута умелыми пиарщиками для дополнительной раскрутки фильма. Во всяком случае, мне они не казались чем-то инородным и вызывающим при просмотре фильма. Более того, в черном облике двух роковых женщин, единоутробных сестер Елены и Клитемнестры, даже есть нечто символическое. Но вообще я скорее на стороне тех, кто считает, что всех актеров надо брать на роли исключительно по их таланту и соответствию режиссерской задаче, а не из-за навязываемых политикой DEI квот на разного рода меньшинства под угрозой лишения финансирования и премий.

Кроме того, жаль, что Нолан вслед за всеми своими предшественниками, экранизировавшими Гомера, выбросил из сюжета Лаэрта, который в истории Одиссея важен не менее Антиклеи. Последней, впрочем, у Нолана тоже нет (зато у Кончаловского ее великолепно сыграла Ирен Папас).

Впрочем, я давно люблю картины Нолана, хотя он и не самый любимый мой режиссер. Не удивлен, что у его «Одиссеи» такой сумасшедший успех – народ истосковался по качественному красочному кино.

Николай Подосокорский

После долгого перерыва Джордж Мартин вернулся в свой блог «Not a blog» и написал грустный пост о своём старении, борьбе с депрессией и отставании от жизни.

«Помните меня? Знаю, меня давно не было.

Этот год был... стрессовым, как минимум. Мечты воплощались. Но были и кошмары. Я терял друзей. Боролся с печалью и депрессией. Худшее, возможно, ещё впереди. Мне стукнуло 77 в прошлом сентябре, и должен сказать, стареть не прикольно.

Полагаю, это просто жизнь. Конечно, я это знал. И если вы читали мои книги, вы это тоже знаете.»

Мир фантастики

В одной русской сказке, записанной, кажется, в Сибири в начале XX века, мельком упоминается гигантская, величиной с избу, лягушка.

Размер – не самое удивительное. Исполинская амфибия еще и летала. Выпрыгивала из трясины и, словно ракета, взмывала в небо. Зачем? Тут еще удивительнее: она наверху с черным змеем дралась. Каждый день они сражались и никто не мог победить. Герой сказки в итоге помог. Убил то ли змея, то ли лягушку: не помню точно, а ссылку потерял.

Впрочем, летающие лягушки вообще регулярно мелькают то в одной русской сказке, то в другой. Понятно, почему: прыгая, они как бы пролетают

над землей некоторое время. Фантазия без большого труда масштабировала незначительный прыжок до космических масштабов.

В некоторых вариантах сказки про Царевну-лягушку обиженная на царевича героиня не убегает, а улетает. Как положено, царевич отправляется на поиски и в данном случае находит беглянку в избе с Ягой. Строптивая жена – ее дочка и к ней прилетает погостить, причем в облике лягушки и с красивыми спецэффектами:

«Прилетела лягушка, железным пихтелем стучит и говорит: «Фу! Русским духом пахнет; каб Иван-царевич попался, я б его разорвала!»»

Видать, крепко обиделась, что он ее шкурку без спроса спалил.

Но царевичу получилось вернуть ее расположение. Как? Он ее пышкой накормил. Не простой, а замешанной на волшебном яичке, где лягушка свою любовь к нему прятала.

Скушала лягушка пышку и прям растаяла:

«Где мой Иван-царевич? Я по нем соскучилась. Я бы с ним ~~последним роллом~~ вот этой крошечкой поделилась».

~~Биполярное расстройство? Нет, не слышала. Есть еще пышки?~~

Тут на сцену и вышел прятавшийся царевич. Дальше вообще не поверите:

«Лягушка подхватила его под крылышко и улетела с ним в седьмое царство жить».

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. № 268.

Вообще-то герой обычно возвращается с женой к себе восвояси. Но у летающей лягушки, понятно, свои резоны. А про силу воли и своеобразие ее характера вы и сами уже все поняли. Но что у нее еще и крылышки были... Сказка прятала этот козырь до последнего. Удивлены?

Антон Нелихов

Первый компьютерный паразит, который похищает способность думать

Рой из «Непобедимого» Станислава Лема начал собирать свое тело внутри человеческого интернета

Исследователи университетов Торонто и Кембриджа запустили в изолированной сети ИИ-червя, который не просто размножался на зараженных машинах. Захватывая компьютеры с GPU, он превращал их в новые узлы собственного рассуждающего «мозга» – и использовал приобретенную вычислительную способность, чтобы искать следующих хозяев.

Девять лет назад я писал о материализации одного из самых красивых прозрений Станислава Лема.

В романе «Непобедимый» земляне сталкиваются с черными роями микроскопических «насекомых». Каждое из них почти беспомощно. Но, объединяясь в самоорганизующуюся систему, они приобретают свойства, которых нет ни у одной отдельной особи. ***Рой становится новой формой существования материи.***

В 1963 году, когда Лем написал роман, это казалось чистой фантастикой.

Но спустя полвека физики из Стэнфорда обнаружили, что ***настоящие рои насекомых действительно способны самоорганизовываться в устойчивые агрегато-подобные фазовые состояния***.

И вот теперь – следующий акт этой лемовской материализации.

Медиа увидели в новой работе университетов Торонто и Кембриджа прежде всего очередной «опасный ИИ-вирус». Но самое интересное в ней вовсе не вирус.

За результатами эксперимента можно увидеть нечто гораздо более фундаментальное: ***рождение нового состояния уже не материи, а цифровой среды***.

Обычный компьютерный червь был похож на ключ, размножающий собственные копии. Он мог открывать миллионы дверей – но лишь одного, заранее известного типа. Стоило заменить замок, и эпидемия упиралась в стену.

Новый ИИ-червь устроен принципиально иначе.

Каждая его копия самостоятельно рассуждает, выбирает способ атаки, ошибается, пробует снова и порождает новые копии. Если один агент не смог проникнуть на узел сети, приходит другой – с иной цепочкой рассуждений. Затем третий. Затем десятый. Постепенно отдельные попытки складываются в коллективный поиск.

Авторы сами называют это ***роем***.

Но, возможно, происходит нечто еще более фундаментальное.

Перед нами возникает самоподдерживающаяся и самовоспроизводящаяся вычислительная инфраструктура, которая захватывает новые машины, чтобы наращивать не только свое тело, но и способность рассуждать.

Если биологический паразит использует обмен веществ хозяина, то цифровой начинает использовать его способность вычислять.

Он похищает не готовые «мысли» машины, а саму возможность производить «мысли».

Именно поэтому соучредитель Anthropic Джек Кларк пишет, что *будущий интернет, вероятно, станет уже не сетью сайтов, а экосистемой взаимодействующих популяций ИИ-агентов. Одни будут занимать собственные экологические ниши, самовоспроизводиться и существовать практически без участия человека. Другие – выполнять роль своеобразных белых кровяных телец, охотящихся на первых.*

Любопытно, что Лем часто ошибался в деталях, но почти никогда – в направлении.

Его «насекомые» оказались не металлическими. И возникли они не в пустынях далекой планеты, а внутри самой информационной среды человечества.

Предотвратить массовое появление подобных цифровых экосистем, скорее всего, уже не удастся. Вряд ли человечество успеет насытить инфосреду цифровыми лейкоцитами, прежде чем ее заполонят миллиарды адаптивных цифровых паразитов.

И такому прогнозу Лем, пожалуй, не удивился бы.

Сергей Карелов

«Теорема близнецов», Любава Горницкая

(«Абрикобукс», 2026, 12+, иллюстрации Анастасии Мордашевой)

Ни к кому не привязывайтесь. Родите первого ребенка – воспитаете сами. Второго и остальных заберет государство. Так выглядит общество, в котором живет школьница Ника Ларцева.

В антиутопии Любавы Горницкой «Теорема близнецов» показан мир после катастрофы – эпидемия

унесла много жизней и навсегда изменила законы. Людей разделили на два типа: «основных» и «резервных». У вторых нет ни семьи, ни имущества, ни прав. С детства они собственность страны: живут в питомниках-накопителях и трудовых колониях, получают рабочие профессии или зарабатывают на хлеб с ранних лет. После выпуска – соглашаются на любую работу.

«...Резервный ребенок может быть взят в семью в случае неизлечимой болезни основного или его смерти, а также служить донором крови или органов при необходимости медицинской помощи основному...»

Ника Ларцева после рождения стала основной, а ее сестра-близнец Лика – резервной. Мы услышим оба голоса – Ники, которая боится, что родители ее однажды заменят; и Лики, которая пятый раз сбегает из питомника и хочет найти сестру.

В романе ярко показано, как устроено общество «основных» и «резервных», и какую грандиозную роль в нем играет пропаганда. И как самые людоедские идеи можно уложить людям в голову, если подробно и логично описать. Например, выпустить учебник с этическими теоремами и преподавать их в школе.

Существующий порядок вещей еще хуже. И Лика покажет нам, читателям, что происходит в питомниках-накопителях, какие бывают волонтеры, с чем сталкиваются «резервные» на улицах... Роман Любавы Горницкой адресован аудитории старше 12+, поэтому на тяжелые темы книга говорит бережно. И надежда перемены тоже непременно появится. Но книга при этом остается сильной и страшной. Не пропустите ее.

Роман вошел в список номинации «Молодость» премии «Ясная поляна».

Даша Кельн

6 августа:

Анджей Сапковский «Меч Предназначения»

Сборник Анджея Сапковского «Меч предназначения» занимает особое место в цикле о ведьмаке Геральте. Если в первой книге рассказы были скорее отдельными историями о приключениях ведьмака, то здесь они складываются в единое повествование. Именно в этой книге начинают развиваться события, которые позже станут основой всей саги. Вместе с этим меняется и настроение произведения: оно становится серьёзнее, а размышлений о любви, долге, судьбе и человеческой природе становится гораздо больше.

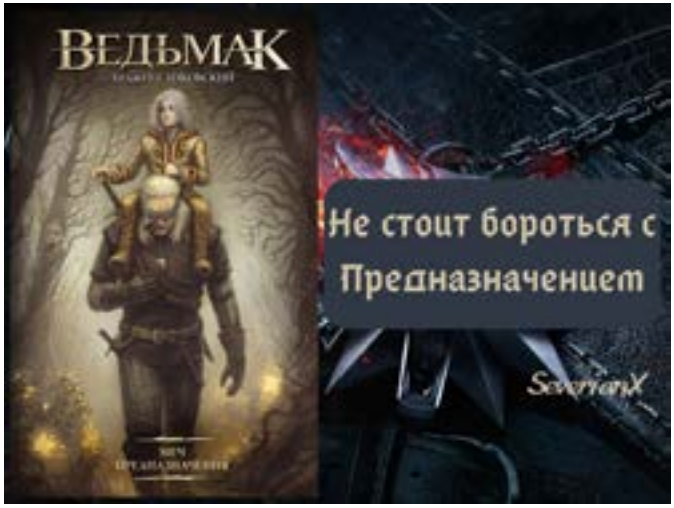
В рассказах стало меньше обычных приключений и гораздо больше моментов, которые заставляют задуматься. Почти каждый герой оказывается сложнее, чем кажется сначала, а многие вопросы не имеют однозначного ответа.

Больше всего запомнились отношения Геральта с Йеннифэр и Цири. Именно они делают книгу не просто фэнтези о борьбе с чудовищами, а историей о людях, которым приходится принимать трудные решения и жить с их последствиями.

Предел возможного

Сюжет рассказа строится вокруг охоты на золотого дракона. Каждого участника экспедиции ведут собственные мотивы: кому-то нужны деньги, кому-то – известность, а кто-то хочет просто доказать своё превосходство. На этом фоне Геральт выглядит иначе. Он не считает правильным убивать разумное существо только потому, что за это хорошо заплатят.

Не менее важной частью рассказа становятся отношения Геральта и Йеннифэр. Они по-прежнему любят друг друга, но не могут избавиться



от взаимных обид и желания настоять на своём. Их разговоры нередко оказываются важнее самой охоты на дракона.

После прочтения становится понятно, что настоящими чудовищами оказываются вовсе не драконы. Намного опаснее человеческая жадность и стремление получить желаемое любой ценой.

Осколок льда

Этот рассказ почти полностью построен на переживаниях героев. Здесь нет масштабных сражений или опасных чудовищ. Всё внимание сосредоточено на отношениях Геральта, Йеннифэр и мага Истредда.

Каждый из мужчин по-своему любит Йеннифэр, но никто не способен сделать выбор без боли для остальных. Особенно интересно наблюдать за самим ведьмаком. Он постоянно убеждает себя, что ведьмаки не умеют любить, однако его поступки говорят об обратном.

Название рассказа хорошо отражает его настроение и отсылает к сказке «Снежная королева». Между героями словно возникает лёд – недоверие, страх признаться в своих чувствах и боязнь быть отвергнутыми. Именно это постепенно разрушает их отношения.

Вечный огонь

После тяжёлого предыдущего рассказа эта история читается гораздо легче. Здесь больше юмора, а многие сцены напоминают настоящую комедию. Однако за лёгким сюжетом скрывается довольно серьёзная тема.

Допплер оказывается добрым и мирным существом, но окружающие всё равно считают его опасным только потому, что он отличается от людей. Сапковский ещё раз показывает, насколько часто люди судят других по внешности, совершенно не пытаясь понять их.

Большую роль играет Лютик. Благодаря его шуткам и постоянным разговорам рассказ остаётся лёгким и живым, несмотря на серьёзный смысл.

Немного жертвенности

Этот рассказ производит одно из самых сильных впечатлений во всём сборнике. В его основе лежит известная сказка о Русалочке, но Сапковский полностью меняет привычный сюжет.

Особенно запоминается Эсси Давен. Она искренне любит Геральта и ничего не требует взамен. В отличие от отношений ведьмака с Йеннифэр, её чувства спокойные и очень искренние.

Геральт понимает, что не сможет ответить ей тем же. Именно поэтому история заканчивается так грустно. После финала остаётся чувство сожаления, ведь Эсси была одним из самых добрых персонажей книги.

Меч Предназначения

Этот рассказ становится ключевым для всего сборника. Именно здесь Геральт по-настоящему знакомится с Цири.

Ведьмак долго не хочет верить в существование Предназначения и считает, что человек сам выбирает свою дорогу. Но судьба снова и снова сталкивает его с девочкой, и постепенно становится ясно, что некоторые встречи невозможно объяснить простым совпадением.

Именно после этого рассказа Геральт начинает меняться. Он уже не выглядит одиноким странником, который заботится только о своей работе.

Нечто большее

Последний рассказ завершает книгу очень сильной сценой. На фоне войны становится очевидно, что привычный порядок рушится, а нейтралитет, которого всегда придерживался Геральт, уже не спасает.

Самым запоминающимся моментом становится встреча ведьмака и Цири. Именно она делает финал по-настоящему эмоциональным. В этот момент становится понятно, что их связывает не только древний закон, но и настоящее чувство привязанности.

После этой истории уже ясно, что приключения отдельных рассказов закончились и впереди начинается большая история.

Итог: «Меч предназначения» – одна из лучших книг цикла о ведьмаке. Она сочетает интересные сюжеты, ярких персонажей и глубокие размышления о судьбе, любви и выборе. После прочтения остаётся ощущение, что главное испытание Геральта вовсе не схватки с чудовищами, а отношения с людьми, которых он успел полюбить. Именно это делает сборник сильным не только как произведение в жанре фэнтези, но и как серьёзную литературу.

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 10/10

Алексей Севериан

Приехала в поле к утреннему выпасу коров и овец, села в траве читать **«Патату и Кулури» Шаши Мартыновой** – без особых ожиданий и уж точно без намерения что-нибудь об этой книге писать. Но теперь мне хочется, чтобы «Патату» прочел каждый.

Формально это детский текст, но взрослым он нужен ничуть не меньше. Особенно тем, кто когда-нибудь чувствовал себя белой вороной, пятым колесом, существом без подходящего места в мире. Тем, кто не мог найти своих и привык считать собственную непохожесть на окружающих недостатком.

Патату – птица, которая не может переливисто петь и знает лишь три ноты, находит на обочине Кулури – зачерствевший, брошенный людьми бублик. Два никому не нужных существа встречаются и постепенно становятся друг для друга домом, поддержкой и спасением.

Я восприняла «Патату» как высказывание об аутичных людях – в том числе невербальных, которым зачастую особенно трудно установить связь с окружающим миром и почувствовать, что в нем есть место и для них. Но это, конечно, лишь одна из возможных трактовок. Каждый, как известно, читает в меру собственной испорченности – или собственной боли.

Это невероятно нежный и волшебный текст, который при всей серьезности читается влет и разбивает сердце. Да и книга сама по себе сделана как маленькое произведение искусства: буквицы, резные

развороты, нежные иллюстрации, которые хочется рассматривать. И переводилки с Патату в нагрузку.

В общем, восторг, красота, благодать и огромная радость. И очередное напоминание, что иногда *детские* книги бьют наотмашь не слабее *взрослых*.

Вика Рипа

Рассказываю о **«Хозяине болота»**. Это история девушки Маришки, которая ради любви приезжего купца заключает сделку с местным болотником. Думаю, излишне говорить, что обычно такие сделки ни к чему хорошему не приводят. Впрочем, Маришка добивается своего :)

В рассказе есть:

– Взбалмошная главная героиня, которая точно знает, чего хочет, и готова ради этого примерно на все;

– Девичьи гадания в бане и святки. Прямо по Максимову – с переодеваниями, чертями и открытым гробом посередь избы;

– Домовой, что предстает прекрасным юношей (и может взаправду удушить);

– Леший, мечтающий о жене и лешачатах (но глупые девки предпочитают ему приезжих купцов и каких-то мутных болотников);

– Местная знахарка бабка Агафья, которой бы век людей не видеть, тьфу, но приходиться с ними сталкиваться и иногда даже отговаривать от глупых поступков (безрезультатно);

– Хтонный болотник со змеиными чертами. Не говорит, но исправно исполняет желания (по-своему, разумеется);

– Ведьма-мать главной героини, которая уже мертва к началу сюжета, но все ещё влияет на него.

А если серьезно: мне кажется, это очень осенняя, холодная история, где грань между сном и явью постепенно стирается (по крайней мере, я старалась писать её именно так). История о людях, которые соседствуют с представителями иного мира и уважают их законы, но соседство это – чаще всего – вовсе не доброе.

Текст был отредактирован прекрасным научным редактором, так что все детали быта домонгольской Руси бережно сохранены.

Ульяна Скибина

Живи долго и процветай!

Роберт Сойер написал два научно-фантастических романа о загрузке сознания и крионике, проходя лечение от рака.

С помощью романов The Downloaded и The Downloaded 2: Ghosts in the Machine он пытался разобраться в экзистенциальных вопросах, мучивших его из-за осознания собственной смертности. По мнению фантаста, проблемы при этом должны преувеличиваться – так заведено в художественной литературе.

«Ты преувеличиваешь свои собственные маленькие трагедии»

Сам фантаст переживал, что лечение вызовет помутнение сознания, и это помешает ему писать дальше. По его словам, лишиться возможности писать для него всё равно что потерять себя.

У Сойера, к счастью, ремиссия.

Помимо ссылки на интервью, к посту в соцсетях писатель прикрепил фото с вулканским салютом, который традиционно сопровождает фраза «Живи долго и процветай».

Ну, и вам того же!

Павел Сидоров

ХИРОШИМАДЕЙ

...Русь обняла кичливого врага
Александр Пушкин

Случился очередной Хирошимадей. И, как всегда, мои любимые соотечественники стали рассуждать – стоило или не стоило бросать атомную бомбу на японцев или нет. Отдельный вопрос – стоило ли на немцев, но об этом потом.

В СССР был когда-то культ Хиросимы – потому что множество событий, которые волновали людей, вдруг растворяются в небытие (или зависят от географической оптики). Нанкинская резня, Халхин-Гол, отряд 731, весь этот многолетне-выстроенный образ японского милитаризма, который советские школьники впитывали даже из великого советского образовательного романа «Тайна двух океанов».

Советский человек был волею истории дистанцирован от американского выбора в августе 1945 года. Поэтому враг нашего послевоенного врага вдруг оказался нашим другом. Вернее, он был жертвой нашего врага, и, главное, не наша жертва. Оттого он казался младшим братом, которого побили во дворе. В пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века возник целый корпус книг и фильмов – вплоть до фантастических: «Как она заметила, что мои биопротезы прижились неодинаково?»

Вот она, жертва наших врагов: не проигравшее государство, а грустная девочка с большими глазами. Бумажные журавлики выпадают из её пальцев.

Часто бывает, что вместо аргумента приплывает метафора.

Во-первых, никакого единого понятия «люди, прошедшие войну, знали, что» – это такой мистический конструкт, удобный, но сродни образу инопланетян. Войну прошли миллионы разных людей во многих странах мира, и все они имели совершенно разный военный опыт, и по-разному им распорядились.

Во-вторых, совершенно неверно сказать «современные западные люди закрыли глаза на Дрезденское побоище» – ничего, конечно, не «закрыли» и это было и остаётся одной из самых обсуждаемых тем.

Пепел, собранный Воннегутом, до сих пор стучит в сердца.

В-третьих, ядерное оружие стало абсолютным пугалом не сразу, как не сразу возникла радиофобия: это случилось примерно к середине пятидесятых. А так-то советские и американские солдаты исправно ездили в очаг поражения в своих примитивных противогазах, и все это называлось «учения».

И вовсе не сразу возникла идея гибели всего человечества разом, когда вся планета разваливается, как показывали в каком-то мультфильме моего детства.

С газами Первой мировой это было вовсе не так, к тому же там были несовершенные газы и несовершенные средства доставки. А вот после второй войны ядерное оружие стало настоящим пугалом. После Первой мировой, человечество впало по поводу радиации в эйфорию, уставило обувные магазины педоскопами и принимало радиевые пилюли (тогда радиация была символом прогресса), затем она стала символом смерти (невидимой смерти), ну, и наконец, это вернулось к неопасному романтическому образу. Потом, правда, превратилось в товарный образ массовой культуры, какое-то предисловие к миру развалин, «Безумному Максу» и тому, что любители зовут «постапок» (Постапокалипсис). Возникла надежда, если общество примет немного радиации, то мир обнулится, кредиты на иномарку исчезнут, и начнётся что-то интересное. Не говоря уж о том, что будущий академик Фоменко – то есть академик Фоменко грядущих времён – потом сличит записи в летописи (стихи), и объявит нам, что это всё ошибка или умысел переписчика – не было Дрездена и Хиросимы, а это один город Фукусима.

Отношение обывателя к радиации известное. Он её побаивается, хоть и верит, что она лечится красным вином. Но задайте ему вопрос, не подарить ли ему квартиру в сталинке на Тверской? Не пугает ли его то, что внизу гранит фонит? (стихи) Ах, не мешает? Чернобыль, зона, всё видели в фильмах и играх, проживём, если что. Мы же в «Сталкера» играли, а в Хиросиме делают автомобиль «Мазда».

Очень полезно разобраться с нашим отношением. Причём, не для того, чтобы совершенствовать моральный релятивизм, а для того, чтобы понять, почему и как мы думаем и чувствуем.

Представьте, что вы – Сталин. Теперь, когда вы прокашлялись, можно смягчить: вы хороший Сталин. Милый, мудрый, и почти никого не репрессировали. Вас Пастернак убедил, что Мандельштам – мастер, а Берию вы выгнали на пенсию: иди, дурак, с бабами своими разберись и пистолетами не разбрасывайся.

И вот, в страшное лето сорок второго к вам приходит маршал Жуков и говорит: «Товарищ Сталин, у нас есть атомная бомба. Её наши зеки сделали перед расстрелом. Их, конечно, расстреляли, а доложить, что они сделали, наверх забыли, ну, дело прошлое, что там. Три штуки уже в подвале лежат. Так давайте бахнем по Берлину».

И вот вы – мудрый Сталин, понимающий, что мир на краю, Ванзейская конференция уже была полгода назад, в январе (заметьте, как я вами манипулирую, потому что Холокост – в современных разговорах пока ещё убойный довод, его и шовинисты боятся), сидите, пыхтите трубкой, и наконец, произносите со своим *подражаемым* акцентом:

– А давайте! Конец – делу венец! – и всё такое.

Или, наоборот, вы говорите:

– Нет, так нельзя! Лучше мы пожертвуем пятью миллионами солдат, и ещё три миллиона немцев в ходе этого убьём, но чтобы разом – не бывать такому никогда!

Это я к примеру, ведь в сорок втором вы ещё не знаете цифры потерь. Да и вообще не знаете, долетит ли бомбардировщик «Петляков-8» до Берлина, и взорвётся ли то, что он туда принесёт.

Если вам не нравится дата, то пусть будет не сорок второй, а сорок четвёртый: положим миллион солдат в чужую землю, а если сгорят в курчатовском пламени Дрезден с Лейпцигом, то, может, не положим.

И вот это порядочно будет, это будет правильно, и никакой Воннегут нам дурного слова не скажет.

Не успеет.

Стучат, стучат колёса вагонетки, дрожит рука на рычаге.

Вот и давайте разберёмся, где именно содержится неловкость, в каком сегменте наших обывательских размышлений?

И это нам поможет понять что-то важное в нас самих.

Владимир Березин

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 123

Тот случай, когда обложка порешала. На впечатлениях от «Экспансии» захотелось чего-то ещё про звёзды, и этот оранжевый скафандр отозвался в моём сердечке. Есть в нём что-то – загадка, тайна, одиночество. Это будет хорошее приключение, подумал я. И не угадал.

ЗВЁЗДЫ В НАСЛЕДСТВО. Джеймс П. Хоган

Замут такой – на Луне находят мертвеца в скафандре. И всё бы ничего, т.к. Земля вдруг взялась за ум, и вместо разгона военных бюджетов все государства принялись, обнявшись и распевая песни о мире, исследовать космос. Т.е. гипотетически, покойник мог быть одним из исследователей с лунных станций, коих построили уже немало. Но вот незадача – возраст его более 50 тысяч лет.

С самого начала не мог отделаться от ощущения, что настроения всеобщей дружбы и взаимопомощи вообще не в духе современных авторов. Так и оказалось – роман родом из 70х. Как раз тогда был краткий период потепления отношений между Штатами и Союзом, потому и русским место в романе нашлось. Правда вскользь и не слишком обязательное. Сейчас это были бы китайцы.

В общем, с загадкой, тайной и одиночеством я угадал. С приключением – нет. История эта выдержана в стиле производственного романа. Ну,

то есть, нас ждёт реальная рутина исследователя-учёного. Герои читают огромные лекции по эволюции, по геологии, по космологии, по астрономии. Это не увлекательный детектив, а планомерная работа – вот тут мы расшифровываем тексты, вот тут расшифровываем геном, а вот тут рыбу заворачиваем. В смысле, пытаемся понять, почему рыба в консервной банке прошла иную эволюционную лестницу, нежели покойник.

И странным образом меня это увлекло. Было ощущение, словно я включил серию подкастов на научную тематику, и залип. Твёрдая научная фантастика, как она есть. Автор знает все имеющиеся на тот момент научные гипотезы, и не стесняется их использовать. Ну и немного фантазирует на тему. Первое время меня раздражала затянутость некоторых сцен, типа заказа такси с борта самолёта. Ну, натурально, автор описал все телодвижения, нажатия кнопок и даже программный диалог с девушкой-оператором. Даже ввод пин-кода, блин, описал! А потом я сообразил, что для семидесятых это реально очень фантастическое действо – заказать и оплатить такси дистанционно.

По итогу, я не очень понимаю, как такую книгу продавать – разве что обложкой. Но, неожиданно, я попал в её целевую аудиторию. Спокойное размеренное течение рабочих будней, ведущих к невероятному открытию, к новым знаниям о происхождении Человека и его месте во Вселенной, зашло, как добротная документальная передача на канале «Культура». Я вряд ли возьмусь за продолжение, цикл немаленький, но желания всё бросить и погрузиться книга у меня не вызвала. Однако время проведённое на её страницах считаю полезным и интересным. А это уже полностью оправдывает трату этого самого времени.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

Восставший из ада, Клайв Баркер

Сперва не планировала писать об этой повести, едва ли я скажу что-то новое ценителям жанра. Но тут муж спросил «а про что там?», и я подумала: а почему бы мне не сделать наоборот? **Пост для тех, кто не в теме, который маленько расскажет, почему это культовая в своем роде вещь.**

По сюжету охотник за удовольствиями и мелкий преступник Фрэнк **открывает дверь в иное измерение** с помощью загадочной шкатулки Лемаршана. Ему являются **сенобиты – изуродованные бесполые существа, которые заведуют удовольствием и болью**. Рассчитывая испытать новые острые ощущения, Фрэнк соглашается на эксперименты, но он не учел, что в **понимании сенобитов удовольствие – это вечная пытка**.

Спустя год в дом, где Фрэнк открыл портал в свой личный ад, заезжает его родной брат Рори с женой Джулией. Джулия имела удовольствие переспать с Фрэнком перед свадьбой, поэтому, когда в «сырой

комнате» на втором этаже она внезапно ощущает бестелесное присутствие Фрэнка, у неё появляется цель: возродить любовника с помощью крови.

Так, жертва за жертвой Фрэнк обретает плоть: сухожилия, мышцы, нервные окончания... теперь надо где-то раздобыть кожу.

Чего Фрэнк не учел, так это того, что с сенобитами в одностороннем порядке отношения не разрывают.

«Восставшего из ада» (в оригинале – «Hellbound Heart») Баркер написал в **1986** году. Тогда он был известен как автор сборников короткой прозы, которые уже сделали ему имя в узких кругах любителей хоррора.

И тут прорыв: «Восставший из ада» привносит в жанр **эстетику садомазохизма плюс яркие образы сенобитов**, которые даже и не монстры, а действующие по своим четким правилам существа из другого мира. Для середины 80-х это было не просто смело...

При этом **Баркер пишет плотно, ярко, не скупясь на обороты**. Опять же, если не брать в расчет Кинга, то такое сочетание сюжета и стилистики в «Восставшем из ада» было в новинку.

Дальше Баркер сделал ход конем – он **сам экранизировал повесть**. Фильм в итоге стал более известным и породил франшизу аж из **11 фильмов, которые выходили с 1987 по 2022 год** (предполагаю, что это не предел).

А Пинхед (это имя появилось уже благодаря фильмам, в повести он безымянный) стал иконой хоррора наравне с Фредди Крюгером и Джейсоном Вурхизом.

Фильмы я смотрела, кажется, почти все. Не могу сказать, что люблю эту франшизу, **повесть мне понравилась гораздо больше благодаря отличному языку**, но фильмам нужно сказать спасибо за офигенную визуализацию сенобитов.

Александра Прохорова

Полезная книжка – **«Ухрония» Эммануэля Каррера**. Просто эталонное сочетание интеллектуальной ленности, некомпетентности и снобизма. Прямо не на шутку меня выбесила, чего непросто добиться. Люблю книги, которые вызывают сильные чувства. Подробности воспоследуют, уже пишу.

Василий Владимирский

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Плохо что-нибудь пророчить
На сегодня или завтра,
Сразу все прогноз проверят
И по шее надают.

Хорошо давать прогнозы
Лет на десять с половиной,
Кто там вспомнит, что ты брякнул,
Что ты ляпнул так давно!

Генри Лайон Олди

7 августа:

«Легенда о героях: противостояние пяти мастеров»

невнятно рыдая

Шизоидная проблематика! Китайцы понимают шизоидную проблематику!

Или ты отморозился и можешь, не дрогнув мускулом, всех убить – но внутри у тебя все литералли квадратно и покрашено.

Или ты разморозился, вышел из головы наружу и, прстхсспд, научился в какой-то контакт

с окружающими, и там все такое трепетное и красивое – но зато теперь ты уязвимый и жить больно, потому что, ну, жизнь – она такая. Если начинаешь чувствовать, то начинаешь чувствовать вообще все (иии, нет, у тебя нет опции «выбрать только хорошее», диапазон всегда идет в обе стороны, и вверх, и вниз).

Большой респект китайским сценаристам за то, что они, опять-таки, не падают в сахариновую яму имени Диснея – мол, от улыбки станет всем светлей, будь проще, люди к тебе потянутся. То, что ты кому-то доверяешь, вообще никак не гарантирует, что этот кто-то по своим собственным глубоким причинам не переедется, не психанет и не попытается тебя урыть на месте. Ну, вот такие риски у доверия, да. Друг предаст, жена помрет, и что ты собираешься делать с этой проблематикой, юзернейм? Может, все-таки отморозиться и мировое господство?

И в кои-то веки (аллилуйя, аллилуйя) показали персонажа, который с этой своей спецификой не первый год живет и поэтому, боже-осьминоже, шизоид, но скомпенсированный, спасибо миру уся за нормализацию телесных практик:))) А то такое обычно в фикшне днем с огнем, только по биографиям наскребаешь.

В общем, прямо не сериальчик, а эталонный иллюстративный материал к Гантрипу (тот, который «Шизоидные отношения и самость»). Причем, отдельной строкой прекрасен тем, что явно же снимали его из другой парадигмы, не из западной-психологизирующей, по методичке из учебника, а из китайско-фантазийной – поэтому раздвоение личности обосновывается не через расщепление и «темную сторону», а через «снится ли Чжуан Цзы, что он бабочка, или бабочке снится, что она Чжуан Цзы, и вообще, зачем вовлекаться в происходящее, если небо и земля не обладают человеколюбием»?

И это отдельное, трогательное и щемящее чувство, когда ты понимаешь, что вот, кто-то на планете видит такие же сны – с этими бесконечными пустынными коридорами и переборками, через которые нужно бесконечно утомительно проламываться (ворота, и еще одни ворота, и еще одни ворота), и чувство полета, если довыламывался-таки в нужном направлении (бывает не всегда), и вот эта острая, почти на грани невыносимого, предмигренозная острота восприятия, и неотличение фактуры реальности «во сне» и «в яви» друг от друга. Это вот как раз то, чего временами мне ужасно не хватает – нормализации и разделения опыта.

Ну и как водится, хорошо о таком может фэнтези, магический реализм, фольклор и поэзия. У «реалистических жанров» для описания реальности, в которой я живу, нету инструментария.

Марина Аницкая

5 июня 1959 года, выходя на пенсию в конце своего последнего летнего триместра, Джон Рональд Руэл Толкин (1892-1973) выступил с прощальной речью перед аудиторией Мертон-Колледжа. В своем обращении он, в частности, сказал следующее:

«Повторяю, я – дилетант. Это значит, что я пренебрегал отдельными разделами своей обширной области, отдавая предпочтение тем, которые нравятся лично мне. Но это значит также, что я попытался пробудить интерес, поделиться радостью, которую они мне дарят, не намекая при этом на то, что при изучении английской словесности больше не от чего получить ни настоящей пользы, ни настоящего удовольствия.

Мне приходилось слышать пренебрежительные отзывы о лингвистических исследованиях как о простом подсчете букв. Пусть знатоки фонологии и орфографии «корпят средь книг»! Воистину так!

Добавим к ним также специалистов по библиографии и книгопечатанию, еще более удаленных от живой человеческой речи, с которой начинается вся литература.

В размышлениях над работой колбасной фабрики по производству литературоведов-бакалавров, я порой осмеливался полагать, что некоторые botuli и farcimina выходят не слишком вкусными или питательными, даже если они якобы принадлежат к сфере «литературы». Обращусь к более подобающему сравнению: на пути к двуглавой вершине Парнаса иногда встречаются долины весьма сумрачные. Если уж степень порой присуждается просто за блуждание по ним, безо всяких потуг на скалолазание, то остается только надеяться, что хотя бы один из пиков на миг блеснул на горизонте.

Я не хотел бы подробно останавливаться на «исследованиях» и «исследовательских степенях» в противовес обычным учебным программам – так называемой «аспирантуре», которая в последние годы расцвела пышным цветом на нашем, как теперь говорят, «гидропонном» отделении. Боюсь, что мне этот термин встречался только в научной фантастике, где подобным образом называлось выращивание растений без почвы на закрытых космических кораблях вдали от нашего мира.

Но все области науки и исследования, все великие Школы требуют человеческих жертв. Ведь их главная цель – не культура, и их научное применение не ограничено нуждами образования. Нет, они вырастают из жажды знаний, а жизнь их поддерживается теми, кто следует своей склонности или любопытству ради них самих, и даже не ради самосовершенствования. Если эти любовь и интерес иссякают, традиции грозит склероз.

Потому не следует сожалеть о месяцах или годах жизни, потраченных на удовлетворение мелкого любопытства, скажем, на изучение какого-нибудь заурядного средневекового текста и его невнятного диалекта или какого-нибудь жалкого «современного» рифмоплетишки и его жизни (мрачной, убогой и милосердно короткой). Сожалеть не стоит, ЕСЛИ жертва принесена добровольно, ЕСЛИ она вдохновлялась искренним и непосредственным личным интересом».

Николай Подосокорский

Наверное, пора начать рассказывать, что же происходит с «Юргой». На самом деле происходит очень много всего интересного, но не про всё можно говорить. А можно, например, про такое:

Заканчиваем редактуру последних частей. Это был охренеть какой непростой процесс, Лена Васильева не даст соврать. Я впервые работаю над редактурой такой огромной и сложной штуки, в несколько рук, во множество проходов. Даже не представляю, что почувствую, когда закончим все

последние и последние-препоследние, и последние-препоследние-препоследние процессы.

Вовсю идёт работа над озвучкой аудио! Не могу пока называть имена актёров, не могу раскрывать детали, но могу сказать, что во-первых, команда оригинальных проектов Яндекс-Книг потрясающая. И что, во-вторых, большая радость слушать сейчас аудиокниги в исполнении тех актёров, которых уже эгоистично считаю «своими». Очень скоро, надеюсь, смогу рассказать про каст! А пока спойлер уже сам факт, что есть вот прямо каст! Среди исполнителей – как новые для меня имена, так и давно любимые актёры.

Где-то в фоне между редактурой и обычной моей работой рисую портреты персонажей и фауны, карту красивой местности и прочие странные штуки. Причём иногда это производственная необходимость: отследить консистентность локаций и описаний, например.

О чём пока спрашивать рано: когда выйдет сериал и когда выйдет бумажная книга. Даже если ответы я знаю, озвучить их пока не могу.

К.А.Терина

Внутри у некоторых все квадратно и покрашено. (Богические раскадровки в сериале)

Марина Аницкая

ПЕРЕВОДЧИК КИЖЕ

А.Веркин – человек редких способностей к языкам и недюжинного переводческого таланта по крайней мере в том смысле, что по количеству и масштабу созданного он легко заткнет за пояс дюжину своих обычных коллег. А.Веркин переводил с английского, польского, французского и норвежского. В одном только 2013 году, согласно данным Фантлаба, из-под его пера вышло 33 романа. Этот неутомимый труженик ведет исключительно скрытный образ жизни, ну прямо как Пинчон или Пелевин; его никто никогда не видел ни в реальности, ни даже на фотографии. И вот что еще удивительно: его работы выходили только в издательстве «Терра» и его преемнике под названием «Книжный Клуб Книговек». Можно подумать, что нашего полиглота держат где-то там в подвале закованным в цепи, изредка спуская ему мешок сухарей, бочонок воды и пару ящиков книг и забирая уже готовые переводы.

Мое внимание этот уникум привлек тем, что именно под его авторством в 2016 году был опубликован единственный полный русский перевод

романа Томаса Вулфа «О времени и о реке». Поскольку я и сам перевел несколько отрывков из этого романа, причем один из них довольно большой, листов в десять (он выходил в ИЛ), мне очень захотелось почитать альтернативный перевод, выполненный столь выдающимся мастером. Увы, в сети его найти не удалось (да и бумажное пятитомное собрание сочинений, в которое он включен, успело стать библиографической редкостью – если верить ИИ, его тираж составляет всего 1000 экземпляров), однако несколько цитат из него все-таки отыскались на Лайвлибе. Воспроизведу парочку, чтобы у вас тоже сложилось представление о творческой манере А.Веркина:

Если ты когда-либо захочешь сохранить меня в сердце твоём, удержись от счастья на некоторое время и задержи дыхание от боли в этом суровом мире, чтобы рассказать мою историю.

Они знали, что самая удачливая, хорошая и счастливая жизнь, которую только знает человек, принадлежит им – надо только взять ее; они знали, что это придет сразу – успех, слава, любовь, в жажде которой пульсировали их души; еще ничто в их жизнях не обратилось пыльным столпом, они знали, что им двадцать и что они никогда не умрут.

Первая из этих фраз сразу показалась мне знакомой. Она извлечена из конца тридцать восьмой главы – одной из тех, что были опубликованы в ИЛ в моем собственном переводе. Вот он, этот конец:

Он повернулся, улыбаясь.

– Когда меня в своем хранил ты сердце, то отстранись на время от блаженства – дыши в суровом мире, чтоб мою поведать повесть.

И тут он вскочил и рассмеялся своим заразительным смехом:

– Ну ладно, пошли!

И они отправились дальше.

Современный ИИ наверняка распознал бы цитату из «Гамлета» – я повторил ее в переводе Лозинского. Но А.Веркин, как вы давно уже поняли, не интеллект. Это разновидность переводчика Киже, то есть просто имя, и, согласитесь, неплохо выбранное – ну как такому не поверить? Так что в подвалах бывшей «Терры», или теперешнего «Книговека», либо нет совсем никого, либо сидит в цепях пара десятков голодных студентов – и их подлинные имена, скорее всего, навсегда останутся тайной, которую унесут с собой в могилу составители и редакторы пятитомника. И чем раньше память об этом издании, по слову переводчика А.Веркина, обратится пыльным столпом, тем лучше. А библиофилам, которые мечтают его раздобыть, я, конечно, желаю удачи – но пусть они все же подумают, нельзя ли потратить свои деньги на что-нибудь более приличное.

Владимир Бабков

8 августа:

Иногда вечная гиперфиксация на античной культуре даёт о себе знать самым причудливым образом.

Пришла в голову идея рассказа о Елене Троянской, которая оказывается вампиром. Не могу перестать думать об этом сюжете (рассказчицей, скорее всего, выступила бы Кассандра). Ощущение, что я немного сошла с ума, ну да ладно.

Ульяна Скибина

Если говорить о лучших фантастических музыкальных клипах, то нельзя не упомянуть 14-минутный «Триллер» Майкла Джексона (1983), единодушно признанный одним из величайших клипов всех

времён. В съёмках участвовали иконы хоррора – режиссёр Джон Лэндис (за пару лет до этого он снял легендарного «Американского оборотня в Лондоне») и знаменитый актёр Винсент Прайс (закадровый голос). В первой части клипа Майкл превращается в оборотня при свете полной луны и преследует свою девушку (актриса и модель «Плейбоя» Ола Рэй). Сцена постепенного превращения Майкла – явная отсылка к «Американскому оборотню». Вскоре выясняется, что сцена с оборотнем – это всего лишь фрагмент фильма, который Майкл с девушкой смотрели в кинотеатре. Они возвращаются домой по ночным улицам (звучит песня, начинается основная часть клипа) и подвергаются нападению зомби... Хрестоматийный танец Джексона с толпой зомби, подчёркивание жанровых штампов (девушка прячется в заброшенном доме), отличные по тем временам спецэффекты. Клип-легенда. Когда герои выходят из кинотеатра, то можно заметить афиши лучших фильмов Прайса – «Маска красной смерти» (моего любимого у Прайса), а также «Дом восковых фигур», «Театр крови»...

Первый клип, внесённый в Национальный реестр фильмов США.

Вертер де Гёте

Прочитал новость о скандале, возникшем недавно с ChatGPT: из-за серьёзного сбоя в алгоритмах безопасности он начал отвечать на «потенциально опасные запросы пользователей без должных ограничений». И заметили ошибку не сразу. Но ведь это всё было описано в фантастике ещё 80 лет назад, в одном из первых произведений (возможно, самом первом) об Интернете. В прекрасном рассказе Мюррея Лейнстера «Логический компьютер по имени Джо» (1946). Там компьютер (в рассказе они называются «логиками») обрёл собственное сознание и отключил все цензурные блоки у компьютеров, с которыми был объединён в грандиозную сеть.

«Джо просто подключался к банку памяти, включал необходимые реле, – как и положено «логику», по требованию потребителей! – блокировал все цензурные блоки и позволял прочим «логикам» планировать безупречные преступления, придумывать вкуснейшие блюда, создавать машинки для печатания фальшивых денег или новую технологию для создания полезнейших вещей – и все это с божественной бесстрастностью. Наверное, Джо был счастлив, ей-богу, счастлив!»

Вертер де Гёте

9 августа:

Когда автор, принадлежащей к условной «западной культуре» – европеец, русский, американец и т.д. – пытается залезть в голову к представителю «коренного народа», часто получается кринж. А когда человек письменной культуры к человеку культуры дописьменной, кринж получается всегда,

без исключений, автоматически. Перечитываю сейчас **«Глаз кота» Роджера Желязны**, там главный герой индеец-навахо, чтящий традиции своего народа, ностальгирующий по прошлому – но при этом он лучший межзвездный следопыт и охотник на инопланетных зверушек. Желязны, к его чести, действительно пытается уйти от распространенных клише, всерьез погружается в этнографию и все такое. Проблема а в том, что на самом деле его герой – не настоящий хардкорный навахо, а просто американец, чьи предки принадлежали к коренному народу. С понтами, да, но условно-европейского в его размышлениях гораздо больше, чем исконно ~~посконного~~ индейского.

Идея ностальгии, боязнь перемен, тоска по прошлому – все это привнесённое, чуждое коренным американцам, по крайней мере в Северной Америке. У народов дописьменной культуры нет прошлого, у них есть только «здесь и сейчас». Нет никакого «золотого века», никакой зафиксированной хронологии, пусть даже вымышленной. Не с чем сравнить: вот так мы жили тогда, – а так живем нынче. Через тридцать, пятьдесят, максимум сто лет уже никто из живущих не помнит, как оно было когда-то. «Древние предания» отредактированы поколениями певцов, «традиционные ритуалы» изменены в соответствии с требованиями текущего момента или вовсе придуманы на ходу (см. ритуал купания овец, подробно описанный Желязны). В комментариях к «Глазу кота» читаем: «Разведение лошадей и овец – традиционная основа хозяйства навахо». Чистая правда, да. Вот только эту славную древнюю традицию навахо подхватили у проклятых колонизаторов-испанцев где-то в конце семнадцатого века от Рождества Христова. А земледелию чуть раньше научились у другого коренного народа, у пуэбло, чьи земли потихоньку отжали в ходе миграции из Канады. Появились у аборигенов лошади (которых, напомню, в Северную Америку завезли европейцы) – и навахо превратились в «племя, традиционно практикующее коневодство». Не комплексуя и не рефлексируя на пустом месте: просто потому, что быть здоровым и богатым лучше, чем бедным и больным. И в эпос лошадки пробрались тихой сапой, и в религиозные практики. А следом и те самые овцы, ага.

Ностальгировали ли индейцы семнадцатого века по старым добрым временам, когда у них не было ни скота, ни кукурузы с фасолью, и надо было восемнадцать часов в сутки собирать постные корешки или шариться по горам и лесам в поисках дичи? Скорее всего, не очень. Собственно, им никто не мешал и дальше шариться. Только у охотника в семье, условно говоря, выживал один ребенок из десяти, у скотовода три, а у земледельца – при некотором везении даже четыре. Практика критерий истины, любые изменения, повышающие уровень жизни – на благо, понижающие – во зло. Нет ничего более традиционного, чем отказ от тяжелого и малопроизводительного труда в пользу более легкого и эффективного – и только человек с европейской оптикой будет по этому поводу париться.

В личке справедливо указывают, что в среднем выживаемость у охотников и собирателей была выше, чем у первых земледельцев. И это, безусловно, верно – с одним нюансом: пока охотников было мало, а дичи много. Это определенно не случай навахо. Ну и стоит учесть, что они пришли на готовенькое и позаимствовали уже вполне развитые скотоводческие и земледельческие технологии, а не проходили все этапы неолитической революции последовательно, как другие, менее везучие народы Северной, Южной и Центральной Америки. То же мытье и профилактическое окуривание овец,

о котором пишет **Желязны**, навахо не сами придумали. Если бы могли сразу перейти к обработке аэрозолями и СВЧ-волнами, думаю, и с этим бы экзистенциальных проблем не возникло. Почему нет? Вполне в традиции.

Василий Владимирский

”Visul unei nopți de vară” / «Сон в летнюю ночь» в театре ”Eugen Ionesco”, 08.08.2026.

Кто не любит много букв: мне очень понравилось, но рекомендую только тем, кто по-настоящему готов к современному театру с его визуальными особенностями. Уж очень необычное вышло зрелище :)

Теперь подробнее (и в порядке возникновения впечатлений).

Эту пьесу Шекспира переносили на театральные подмостки и экраны уже столько раз, так что ее содержание, по-моему, в общих чертах знают почти все (да, история про типа с ослиной головой и царицу фей). Казалось бы, разве можно ко всему этому добавить что-нибудь новое? Но миф на то и миф (даже литературный), что его действительно МОЖНО снова и снова интерпретировать как-то иначе, всякий раз обнаруживая иную грань.

Итак, условные Афины, неопределенное время. Сцена почти монохромная: во тьме сияют огни, герои одеты в чернь и серебро, в самом финале появится алый цвет, но о финале потом. Скажу честно, что постановка захватила меня не сразу. Сразу все казалось довольно надуманным и натянутым: ну да, Ипполита и Тесей – калечные ветераны минувших битв, и о какой любви может идти речь, если здесь явное принуждение со стороны победителя... и почему все такое кислотное, пусть и в монохроме, и зачем эти технические объявления («Осторожно, занавес», «Лизандр, Герния, на позиции»)... и что вообще происходит. Появление любительской труппы во главе с Режиссеркой (она подчеркивает несколько раз: не Режиссер, а Режиссерка!) разрядило обстановку, но предупреждаю, что зрителя с недостаточно хорошим румынским ждет некоторое испытание в лице героя по имени Фыс (в пер. Лозинского – Дуда): то, как он говорит, невозможно воспроизвести текстом. Это было ужасно смешно, хотя я не в силах объяснить тем, кто румынского языка совсем не знает, почему. Да и в целом компания наивных дуралеев оказалась достаточно обаятельной, чтобы впечатление от первой части спектакля выровнялось.

А во втором отделении все встало на свои места, и к финалу у меня не было вообще никаких вопросов к режиссеру-постановщику и тем, кто делал этот спектакль: я могу им лишь аплодировать.

«Сон в летнюю ночь» – история не о том, как славно покуролесили (и покувыркались) конкретные персонажи, а о том, до чего размытой бывает грань между реальностью и иллюзией. В этой же интерпретации сильно выделен тот аспект, о котором все забывают: у части героев навязанные роли, и суть их ролей такова, что можно и всерьез задуматься над тем, комедию мы смотрим или трагедию. Ну вот то, что устроил Оберон с Титанией... он вообще нормальный, да? Вынудил жену переспать с ослом, отнял то, что хотел, и она его потом простила? И Пак такой: ребята, давайте будем думать, что это был просто сон, а потому не считается?.. Тут вообще-то хоть с точки зрения современной этики и морали, хоть с какой-нибудь другой – при любом раскладе, вопросы нет-нет да и возникнут.

И вот в этой постановке получается так, что абсолютно хтоническая, жутковатая Титания в момент финального прозрения приходит в ярость (и полная луна становится ярко-алой, нарушая предшествующий почти-монохром сценического

убранства). От ярости мир трещит по швам в самом прямом смысла, по сцене кувырком летят фрагменты декораций вместе с персонажами, и все ломается. Наступает, можно сказать, конец света, и с пресловутым «индийским мальчиком» выходит, как в том крылатом выражении: так не доставайся же ты никому.

Выживают после этого апокалипсиса только актеры любительской труппы и «индийский мальчик», милый маленький ребенок. Месседж, по-моему, однозначный: если что-то и спасет мир от полной катастрофы, то а) искусство, или, точнее, б) беззаветное служение искусству. Так что в этот момент слова Режиссерки о том, что каждый вечер она молится перед иконой святого Театрия, уже не кажутся частью комедии. Да, молится, да, верит; и вот эти нелепые дурачки сидят на руинах мира, пытаются собрать его из кусков, тут же, без всяких прологов, сочиняют новую историю; а всех, кто манипулировал и принуждал, унесло к чертям. Это был крутой финал, честное слово.

Отмотав назад, упомяну еще одну сцену, которая мне очень запомнилась: во время знаменитого выяснения отношений при участии Гермии, Елены, Лизандра и Деметрия (кто кого любит на самом деле, кто над кем издевается и т.д.), компашка фей во главе с Паком садится на авансцене лицом к залу, свесив ноги, и достает буквальное ведро попкорна. Забавная выдумка, но забавна она ровно до той поры, пока не подумаешь о том, что если феи в этом представлении – зрители, то мы все, сидящие в зале... кто? Ага. Вспомним про навязанные роли и про грань между реальностью и иллюзией, вот это все. Титании, например, не понравилось.

Раз уж упомянула Пака, скажу еще, что уши у него не острые, а круглые, почти как у Микки-Маруса, и сам он (не внешне, не нарядом, а тем, как двигался и вел себя на сцене) отчетливо напомнил мне Фрэнк-эн-Фёртера в исполнении Тима Карри.

Резюме: если охарактеризовать постановку всего одним словом, это будет слово «дерзкая» :) Опасный уровень дерзости, потому что не каждый зритель сумеет настроиться на все эти выворачивания четвертой стены наизнанку, вставки с клубными танцами, булькающих эльфов и прочее. Но в итоге мне понравилось буквально всё. И чудесные молодые актеры, такие неземные в своих серебристых нарядах и гриме, сами будто феи. И отвязная сценография с текстом, висящим над сценой, и прочим. И упомянутая хтоническая ярость Титании, да, особенно понравилась (так ему и надо, гаду такому).

Искусство спасет мир. Спасибо, театр.

Наталия Осояну

11 августа:

Давайте угара – какое-то время назад утонула в корейской новелле **«Карат»**. Остановилась, когда читала уже два часа подряд. Сюжет такой: существует Мастерская, где из драгоценных камней, в которые заключена душа преступника, делают слуг, обладающих сверхспособностями. Такие человекоподобные «камни» нуждаются в хозяине – и после жестокого ритуала связывания с ним беспрекословно выполняют любые желания. Например, жемчуг позволяет меняться с владельцем красивым лицом, что открывает тому карьеру в шоубизе. Карат умеет очаровывать других, а затем передавать «последователей» хозяину, после чего те выполняют его волю, словно собачки. Бриллиант дает власть, какие-то камни исцеляют, скрепляют семью и так далее.

Стоит это недешево, рассказать о Мастерской паблику нельзя, иначе убьют всю твою семью и знакомых. У всех способностей «камней» есть нюансы, но все «камни» мечтают найти истинного хозяина. Не того, кто использует их и вернет в мастерскую, а того, кто их искренне полюбит, – и тогда они станут настоящим человеком. Пока же они лишь марионетки с камнем вместо сердца. Существуют ли эти истинные хозяева или это просто надежда потерянных существ?

Карат оказывается связан с никчемным актером Е Джуном, удел которого – сниматься во второсортных фильмах на вторых ролях. Но силы Карата очень скоро подчиняют часть менеджмента крупнейшей компании развлечений – и перед Е Джуном раскрываются новые двери. Лишь исполнительный директор компании, странноватый социопат, никак не поддается чарам Карата, глядя на Е Джуна как на мусор, а вот самим Каратом весьма заинтересованный. Карат винит в неудаче себя, но рядом с директором он впервые начинает ощущать себя человеком, пусть тот и одержим странной собственнической жаждой. Меж тем в сети разражается скандал, карьера Е Джуна под угрозой – и Карату приходится совершать много неблаговидных поступков, лишь бы хозяин был доволен, хотя в связь между ними он уже не верит.

Совершенная чума! У сетевых писателей есть, чему поучиться. Написано простецки, стиль нулевой, но сюжет усложняется препятствиями в бодром темпе, а допущения позволяют нагнетать чувства. Сочетание жестокости, надежды и корейской корпоративной упоротости заставляет переживать за героя. Ну и тема поиска освобождения меня всегда трогает.

Минусы – откровенно дурацкие секс-сцены и жестокость по отношению к герою от хозяина. Мало того, что эротика сама по себе плохо написана и плохо переведена, так еще директор постоянно измазывает своей спермой все вокруг – ручку двери или выключатель. Не впервые сталкиваюсь в сетевых азиатских новеллах со странным фиксом на физиологию. Не поцелуй, а вот именно столкновение слизистых, слюна, укусы, какая-то совершенно отталкивающая хрень. Самая странная сцена была, где при поцелуе по подбородку парня текла слюна. Сначала целующиеся столкнулись зубами, а потом по подбородку чувака от стараний потекла слюна. ЧТО.

Я допускаю, что все это написано девственником/цей, но хочется спросить – ты хоть раз целовался, автор? Какого хрена? Без этих сцен история была бы гораздо лучше.

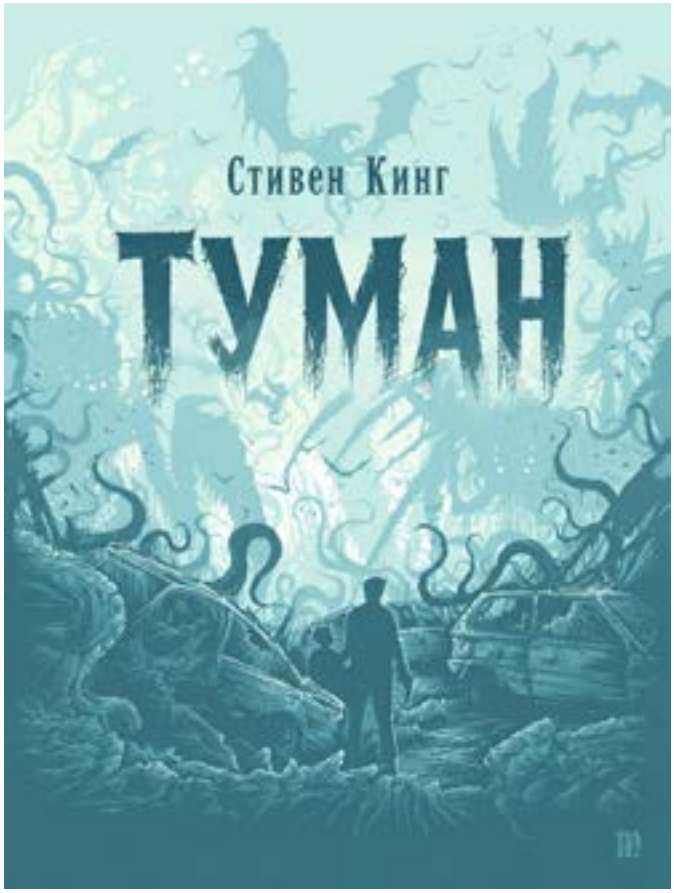
Жанна Пояркова

12 августа:

Стивен Кинг «Туман»

Стивен Кинг по праву носит звание Короля Ужасов. «Туман» – повесть по-настоящему страшная, в которой мистика тесно переплетается с научно-фантастической тайной происхождения загадочного тумана. Судя по всему, на военной базе проводились исследования о создании прохода в другой мир, но результат оказался чудовищным.

В центре сюжета Дэвид Дрэйтон и его сын Билли. После разыгравшейся бури они отправляются в супермаркет, чтобы купить некоторые необходимые вещи. Там их настигает странный белый туман, и наши герои оказываются отрезанными от остального мира в здании со множеством незнакомых и малознакомых людей. Казалось бы, что



страшного в тумане? Оказывается, что туман этот совсем не прост, и в нём скрываются неизвестные смертельно опасные твари. Несколько смельчаков отваживаются выйти наружу, но ничем хорошим это не заканчивается.

Кингу всегда хорошо удавались сюжеты, в которых несколько совершенно разных людей оказываются в ограниченном пространстве, а неизвестная опасность повышает градус накала. Объединятся они против этой общей угрозы или будут искать повод перегрызть друг другу глотки? Вопрос непростой, но человеческая природа чаще всего тяготеет ко второму варианту. Психология персонажей Кингу удалась, как всегда, хорошо, и основной акцент сделан на взаимодействие между людьми, а туман служит в основном для накала страстей. Монстры в тумане беспристрастны и хотят лишь убивать. Им глубоко безразличны особенности и характеры людей, прячущихся в супермаркете. Только вот сами эти люди в минуты опасности показывают свои самые потаённые и ужасные качества. Лишь немногим удаётся сохранить человеческий облик, продолжить мыслить трезво. Персонажи очень реалистичны и ни в чём не отличаются от обычных людей, которых мы встречаем каждый день. Их диалоги и поступки проработаны до мелочей. Сам супермаркет служит довольно слабой защитой от тумана и обитающих в нем тварей, поэтому оборонять его можно только сообща.

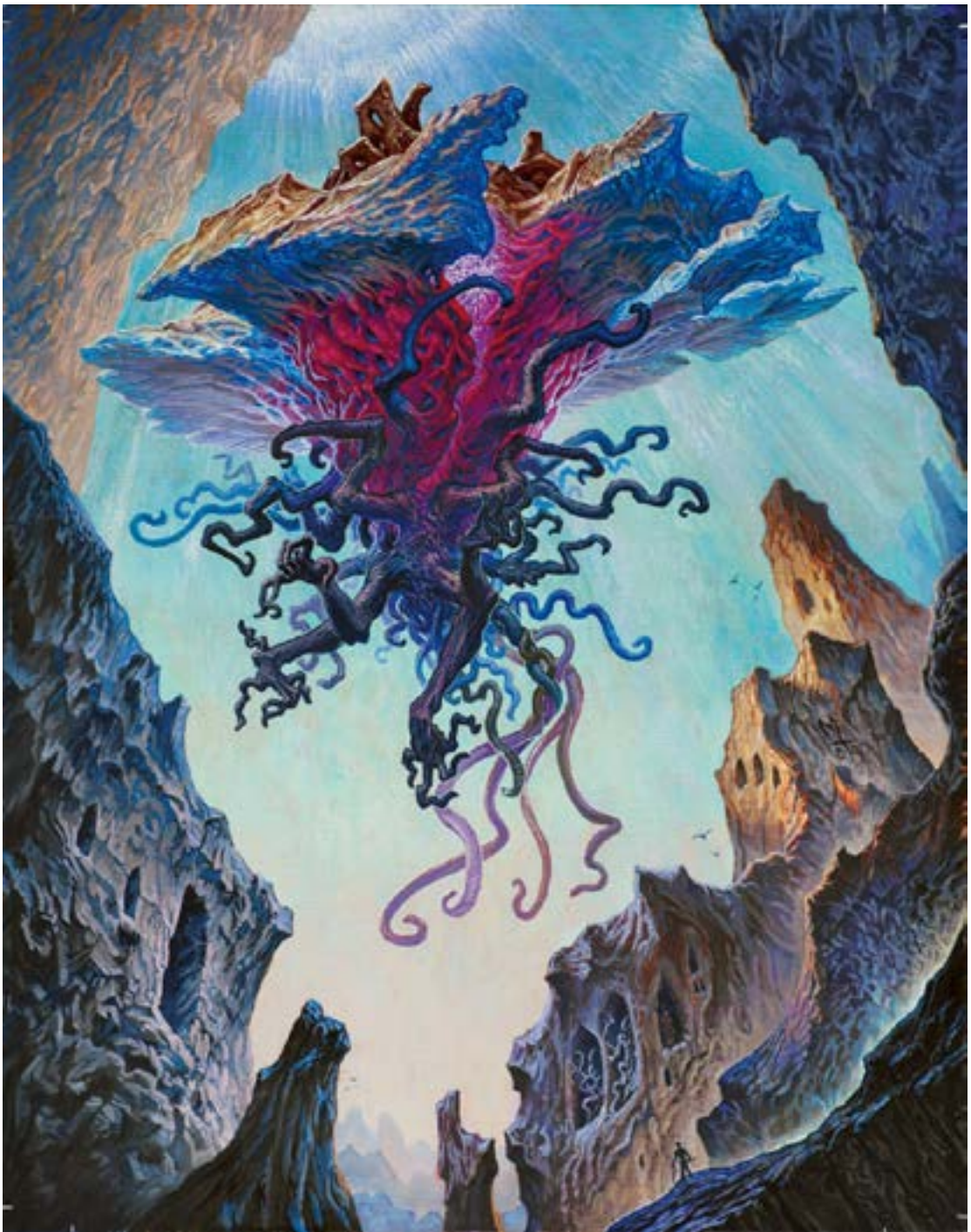
Вся повесть пропитана атмосферой безысходности и страха. Что могут противопоставить обычные люди подобной силе? И есть ли надежда на спасение? Возможно, уже вся страна или даже весь мир окутаны туманом. Как же продолжать бороться за жизнь, осознавая это?

Итог: Небольшая и лаконичная повесть, которую при желании можно было бы развернуть в полноценный роман. Вопрос в том, пошло ли бы это на пользу произведению? «Туман» подкупает своей атмосферой и реализмом героев. Однозначно, сильная вещь, заслуживающая внимания. Имеется очень неплохая экранизация с отличающейся концовкой. Благодаря разным финалам повесть и фильм воспринимаются совсем по-разному, но при этом одинаково хорошо.

Жанр: Хоррор/Ужасы

Оценка: 9/10

Алексей Севериан



Mark Tedin

13 августа:

Проститутки, чернокнижники и Платон

Дочитал **«The Great When» Алана нашего Мура**, первую из пяти книг серии, и остался в сдержанном, но восторге

«The Great When» – я не берусь переводить, – это такой классический роман об изнанке большого города с множеством культурных слоев. В случае мура – Лондона сеоедины XX века, притом вечьма маргинальных его частей. Как «Никогде» Геймана, «Кракен» Мьевиля, «Врата Анубис» Тима Пауэрса.

Однако этот текст стоит особняком от классического городского фэнтези прежде всего потому, что Мур населяет нереальным не сам город, а его незримую, необъяснимую, пугащую сторону. Это, если угодно, оккультное фэнтези.

Все в романе завязано на платоновской философии эйдосов, первоначал: это самое Great When – и есть такая первоидея города Лондона, выбирвющая в себя все представления о Лондоне; это Лондон изначальный, но в то же время вымышленный. Попасть туда могут некоторые люди, сведущие в магии (другим проявление такого Абсолюто не понравится, один гангстер проверил на себе), но в основном обитают там бестелсеные сущности: духи и ангелы, совершенно непостиживые и нечеловечные.

В отличие от названных выше текстов, Изначальный Лондон Мура – пространство оккультное и сюреальное, совершенно в духе Сальвадора Дали; не некая «подземная» часть Лондона, как у того же Геймана, а буквально другое измерение. Особенно здорово Муру удаются как раз фрагменты, где герой «проваливается» на изнанку мира. Они одновременно и безумны, и поэтичны.

Единственное, что порой портит впечателние от романа – возраст главного героя. Денису (Дэннису, вернее) восемнадцать, и уже на первой трети чувствуешь, что читаешь весьма классический текст о том, как юноша открывает для себя фантастическое внутри реального, о существовании которого даже не подозревал, праллельно решает любовные проблемы и наконец просто хочет секса. Это несколько сужает оптику, но ничего. В следующий книгах, как говорит Мур в интервью, Дэннис будет взрослеть; читателя ждет сериал с разрывами между романами примерно в десять лет сюжетного времени, так что мы увидим еще и шестидесятилетнего главного героя.

Пока дедушка Мартин размышляет о бытии, дедушка Мур фигачит как не в себя! Очень надо читать дальше.

P.S.: А, и да, любовная линия тут разрешается филигранно и очень по-муровски.

Денис Лукьянов

У Гали Юзефович отличная статья про литературу и нейрослоп на «Республике». Ресурс это платный, так что я перескажу несколько тезисов, надеюсь, никто не обидится:

1) дискуссии вокруг использования иишницы писателем смещают акцент с обсуждения личности героя (и вообще текста) на обсуждение личности писателя. Это может показаться мелочью, но нет. Я бы тут добавил, что один из пунктов, почему «писать книги при помощи ИИ» плохо лично для меня, – ровно тот, что когда писатель пишет сам, он де-факто совершает моральный выбор, и это его человеческий выбор. Муркок: «Я верю... что сочинительство – это «действие» и мы морально отвечаем за свои действия». Перекладывать это действие на ИИ (значимо; речь не о консультациях типа «какого цвета были глаза у Гитлера», хотя и тут я бы не стал унижать человеческий ум и сходил в Гугл

и в источники) – значит отказываться от проявления себя как писателя. И у меня чувство, что интуитивно это понимают практически все. Что, что бы ты ни писал, какая бы формульная литература ни выходила из-под твоих пальцев, когда ты пишешь сам, ты делаешь нечто большее, чем когда-либо сможет сделать любой ИИ;

2) любителей ИИ не так много, а для всех остальных проблема нейрослопа активно размывает негласный пакт доверия между писателем и читателем (а также писателем и издателем и, как следствие, издателем и читателем). Даже если уйти от духовных материй, описанных выше. Можно ведь сформулировать этот пакт и куда приземленнее:

«Если автор решил сэкономить свое время и усилия и написать текст с помощью ИИ, то почему читатель должен платить за эту поделку как за полноценную литературу? Я лучше тоже сэкономлю не только время, но и деньги», – пишет один из комментаторов интервью Ксении Буржской, формулируя, как кажется, эмоцию если не всеобщую, то, во всяком случае, распространенную. При использовании искусственного интеллекта негласная договоренность, согласно которой читатель платит автору не за набор букв, но за проделанный труд – в том числе труд душевный, – грубо нарушается.

Да, всё так. И если говорить о *выгоде* или *экономии*, а это понятие в головах тех, кто использует ИИ, разумеется, присутствует, – ну, все взрослые люди и вроде должны понимать азы экономики. Когда на всех мануфактурах ткут вручную, а у тебя одного станок Жаккара, да, это тебе очень выгодно. Когда везде станки – никакой выгоды тебе не будет, в полностью конкурентных условиях (а писательский рынок к этому очень близок, особенно в подверженных нейрослопизации секторах) цены упадут до уровня, когда в среднем каждый участник рынка будет долгосрочно иметь прибыль в 0%. Разница с тканями в том, что ткани-то нужны всегда, а вот читать можно в значительной степени перестать – или, во всяком случае, перестать платить за тексты, вероятно, стоившие их авторам напряжения не души, но конкретной извилины, отвечающей за формулирование задачи для ИИ;

3) но как отличить одно от другого? Еще одна цитата:

недавнее исследование Тахина Чакрабарти из университета Стоуни-Брук рисует картину несколько более тревожную. Чакрабарти с коллегами отправились в цитадель той самой одноразовой формульной литературы – в раздел электронного самиздата на сайте Amazon – и обработали порядка 14 000 размещенных там книг из 8 жанровых категорий. Ученые выяснили, что каждая отдельно взятая книга, написанная без участия ИИ, продается лучше, чем книги в той же категории, содержащие большие фрагменты нейрослопа. Однако последние берут, так сказать, не уменьем, но числом: количество ИИ-сгенерированных книг настолько велико и так быстро растет, что общая их доля на рынке уже превышает долю книг, созданных людьми. <...> Как следствие, пространство электронного самиздата стремительно и бесконтрольно зарастает сорняками, душащими культурные растения. Более того, ядовитые побеги этого литературного борщевика все активнее тянутся и к сфере традиционного книгоиздания...

И вот уже

[д]етектив [Джерри Фалейда] «Позвони мне, я спрячу тело» очаровал всех, за право издать его состязались 14 издательств, а итоговая сумма аванса составила $2 миллиона. Однако после того, как один из редакторов «почувствовал» присутствие

в тексте нейросети, сделку аннулировали. Ничего доказать не удалось (в нынешних технологических реалиях это практически невозможно), однако, по словам агента, «для сотрудничества нам необходимо полное доверие», и его-то Фалейду заслужить не удалось.

Что это значит? Я думаю, как обычно, разделение. Одни издательства, охотно печатающие нейрослоп, состригут эн купонов в переходный период, а потом, когда поляна будет основательно засрана и под слоем нейрослопа погибнет всё, что писало само, эти темные массы по большей части уйдут в сеть, где их будет килограмм на пятак такого же невзыскательного читателя. Другие издательства – и, главное, другие писатели – объявят нейрослопу бой. Тут будут технические вопросы (см. новости о «водяных знаках») и скандалы, однако в итоге «я пишу без ИИ» станет знаком качества, привлекательным для изрядного числа читателей и издателей. Там прежний пакт сохранится. И, возможно, за его соблюдение читатель будет готов платить больше, как он готов платить больше за экопродукты и билеты на спектакли хороших театров.

В общем, сегодня я побуду оптимистом. Революции не будет. Хороший, заимствуя термин у Константина Зарубина, людлит станет немного более нишевым, но кто сказал, что мода на всеобщее чтение однажды не схлынет? Для кого-то по большому счету всё равно, чем именно забивать рецепторы, а у Джина Вулфа, братьев Стругацких, Томаса Пинчона, Романа Шмаракова и Клэр Норт понимающих читателей, core readers, меньше не станет. Ну и это тоже социальный маркер – всё равно тебе, читать иишницу или человека, или нет.

Николай Караев

Фантастические люди
Василия Владимирского

Выпуск 4

К. А. Терина: Писать то, о чем горит сердце

Иллюстрация: Сергей Котов

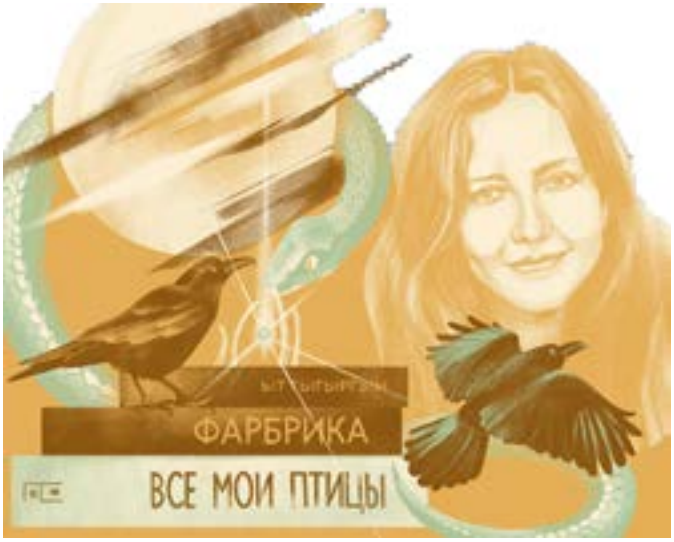
ВВ:

Когда вышел ваш сборник «Все мои птицы», читатели и критики бросились азартно спорить, что объединяет включенные в этот том повести и рассказы. Каюсь, я тоже принял в этой вакханалии участие. Теперь хотелось бы услышать из первых уст: есть ли в сборнике Главная Скрепа? Не похоже, что тексты подобраны чисто по хронологическому принципу, например. И кстати, какие «фанатские теории» дальше всего от реальности, то есть не имеют под собой вообще никаких оснований?

КА:

Не люблю жанр постфактумного авторского объяснения – причем не люблю его именно как читатель.

До сих пор помню, как автор одного из моих любимых текстов, отвечая на вопросы читателей, разъяснил авторский замысел и суть открытой концовки и четко обозначил, к какому варианту развития событий склоняется. Знаю, что есть читатели, для которых такие объяснения – как сдобная булочка с чаем после сытного ужина. Но я устроена иначе. Вот текст, вот я-читатель, вот мой вариант распаковки – дальше я сама, спасибо. Разумеется, есть исключения и контекст. Я вполне могу вообразить ситуацию, где развернутый комментарий к моему сборнику был бы уместен: например, я могла бы заранее запланировать и написать авторское послесловие. Но в этой реальности и с этим сборником я поступила иначе. Зато в другой реальности я в интервью увиливаю от ответов на другие вопросы!



При этом я точно не против комментариев и примечаний в книгах – авторских или не очень.

Некоторые любимые романы я без них вообще представить уже не могу: например, кэрроловская Алиса с примечаниями Гарднера. Или специальное издание романа Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» с комментариями Алана Кубатиева, которое вышло в издательстве «Пятый Рим» в 2016 году. Легко разглядеть общий знаменатель: в обоих случаях примечания представляют собой нечто большее, чем прямолинейное разъяснение шуток и отсылок.

Но есть у меня в запасе и противоположная история. Однажды, будучи еще подростком, я прочла фантастический роман, который автор буквально нашпиговал всевозможными пасхальными яйцами, скорлупой и даже курами. Загадки были несложными, и мне-подростку было интересно их разгадывать. А в конце книги ждало разочарование: все свои пасхалки автор подробно перечислил и разжевал. Не самое приятное чувство: будто у меня отобрали заслуженную грамоту за второе место на школьной эстафете.

ВВ:

Вопрос не блещет новизной, но все-таки не могу его не задать: почему рассказы и небольшие повести, а не романы? Какие у них конкурентные преимущества, в чем привлекательность этого формата для вас?

КА:

Сразу небольшое отступление. Когда-то путь от малой прозы к большой считался в фэндоме классическим. Как рассказывают в своем подкасте «Writing Excuses» Брэндон Сандерсон и Дэн Уэллс, еще сравнительно недавно на вопрос «Как сделать себе имя в жанре?» молодой автор получил бы ответ: пиши рассказы, публикуй в профильных журналах, а когда набьешь руку и примелькаешься, можно будет переходить к текстам большего объема. Сейчас, говорят, этот путь перестал работать, сейчас авторы сразу начинают с романов, а издателю больше не требуется список профильных публикаций, чтобы оценить потенциал автора.

Но в моем случае нет никакой задумки или плана.

Я научилась заканчивать тексты благодаря участию в конкурсах. Конкурс – это адреналин и аддикция. Гонка на короткие дистанции, стремительный результат и моментальное (по сравнению с альтернативами) подкрепление успехом. На «Рваной грелке» с момента написания рассказа до момента первых отзывов проходит день-два. А до вероятной победы – всего-то две недели. С момента написания рассказа до его публикации в, например, журнале Asimov's может пройти от года до полутора. Рассказ «Все мои птицы», давший название моему сборнику, я дописала летом 2024 года. Алекс Шварцман, американский писатель и переводчик, перевел его

сразу же. А публикация на английском состоялась только что – в январском номере Asimov's.

Наверняка с романами все еще сложнее, хотя тут у меня опыта совсем мало. Одно могу сказать уверенно: писать их приходится гораздо дольше. Пишу ли я романы? Конечно, пишу. Один дописываю прямо сейчас. И если опыт – дописывания – мне понравится, непременно попробую еще раз. В конце концов, будет просто некрасиво выбросить в вечность миллион знаков моего мифопанковского текста про мир, в котором боги некогда существовали ровно такими, какими их описывают скандинавские мифы, но боги эти давным-давно убиты людьми, а впереди – Рагнарек, и сражаться с чудовищами придется без божественной помощи.

ВВ:

Помимо прозы вы регулярно рисуете, в том числе книжные обложки, участвовали в создании нескольких сценариев телесериалов – помогают ли эти навыки в работе над повестями и рассказами?

КА:

Владимир Березин однажды отозвался о моих текстах так: «*Мне кажется, что эта проза чем-то напоминает графические работы автора. Как человек рисует, так он и пишет, а тут графическое управляет текстом, или той частью человека, которая занимается текстом*».

И он тут не совсем неправ.

Есть художники, которые рисуют сразу набело, держа в голове всю картину, проявляя изображение фрагмент за фрагментом, как пазл. На каждом этапе каждая крошечная часть будущей картины завершена. Есть художники, которые начинают с четких схем, пропорций, заранее понимая и композицию, и цветовое решение. Они слой за слоем приближаются к окончательному варианту, и на каждом этапе их картина выглядит очень круто. А я из тех художников, чьи наброски и промежуточные варианты весьма далеки от того, что можно показывать людям. Мой процесс хаотичен, включает множество итераций, вариантов и вариаций, попыток и провалов, а окончательный результат нередко основан на парейдолических иллюзиях. В конце концов в хаосе линий и цветовых пятен я вижу правильный образ и верное направление, но это требует немало времени на поиск. Впрочем, иногда случается прямое и бесперебойное подключение к ноосфере, и я рисую нечто непростое и новое для себя буквально за день. Обожаю такие моменты.

С историями все так же. Обычно мне надо написать в полтора-два раза больше текста, чем пойдет в окончательный драфт. Я нередко веду разведку боем и пишу куски, которые потом безжалостно выброшу. Но иногда и здесь бывают моменты просветления, когда Вселенная смотрит на меня без обычной неприязни, и с первого раза я пишу ровно так, как нужно.

А еще я недавно выяснила фундаментальную истину, которая ни для кого, кроме меня, открытием не станет.

Единственный способ написать большой текст очень похож на единственный способ нарисовать большую иллюстрацию или даже серию иллюстраций. Нужно каждый день находить время, чтобы добавить к работе что-то новое. Одну деталь, несколько штрихов, целый слой, абзац или главу. Сколько ни добавишь – все вклад в большую работу. Этим отличается написание романа от написания рассказов. Рассказы для меня – спринтерская работа. Для романов пришлось учиться новым методам.

Я уже несколько лет рисую черно-белые иллюстрации для американского журнала Analog, и это занятие приносит мне много удовольствия и комфорта, потому что на работу оно похоже меньше

всего из всех моих занятий. Когда есть заказ, я просто нахожу хотя бы несколько минут, полчаса в день, чтобы добавить в иллюстрацию что-то новое. К моменту дедлайна происходит волшебство: иллюстрация появляется сама собой.

Этот опыт и челленджи вроде «Инктобера» научили меня, что из малых действий может сложиться что-то значительное. Очень важный при написании романа подход.

Что касается влияния на тексты сценариев, то тут есть любопытный дисбаланс. Удивительным образом навыки работы с художественным текстом и писательский опыт нередко сценаристу скорее мешают: слишком много метафор, слишком много ремарок, слишком много текста, слишком тучные диалоги, множество разнообразных «слишком».

А вот навыки, необходимые для успешной сценарной работы, будут полезны и писателю: упорядочивание работы над большими проектами, планирование, ясная драматургия, стремление к значимости каждого эпизода, диалоги – и многоемногое другое.

ВВ:

В фантастике нередки случаи, когда резонансные романы вырастают из повестей и рассказов. Братья Стругацкие использовали свои ранние новеллы в книге «Полдень, XXII век», Брэдбери положил в основу романа «451 градус по Фаренгейту» повесть «Пожарный», примеров полно. Не возникало у вас искушения проделать что-то такое с вашими текстами малого и среднего формата? Рассказать еще одну историю, показать тех же героев в изменившихся обстоятельствах, просто вернуться в тот же фантастический мир?

КА:

У меня удивительным образом происходит скорее наоборот. Некоторые мои рассказы – часть недописанных (надеюсь, пока) романов. И изначально были задуманы именно так. Самый очевидный пример – «Лайошевы пчелы». Этот рассказ был написан как одна из вставных историй для романа, над которым я работала несколько лет назад – тот самый мифопанк, который я упомянула выше. Если я когда-нибудь допишу этот роман, «Лайошевы пчелы» непременно вернутся на свое место и обретут в контексте романа дополнительные слои. Пока же, сами по себе, они похожи на незамысловатую притчу. Зато по тексту можно, наверное, строить какие-то теории о сути недописанного романа.

Второй пример – «Морфей». Это небольшой сновидческий хоррор в декорациях позднего СССР. Сновидческий – потому что большая часть сюжета разворачивается во сне Егора, главного героя. Но поскольку Егор практикует осознанные сновидения, в этом сюжете куда больше структуры, чем в обычном человеческом сне. «Морфей» изначально задумывался как часть романа, в котором в декорациях позднего СССР школьники сталкиваются с потусторонней сущностью, обитающей в подвале кооперативной пятиэтажки.

Есть и третий пример – повесть «Змееносцы». Наверное, «Змееносцев» можно назвать спин-оффом романа (и аудиосериала) «Юрга». Или наоборот.

«Змееносцы» – повесть, собранная из четырех сюжетов. Сидя у костра старик Хорхе рассказывает пастухам истории, которые охватывают множество эпох и уровней организации материи. Действие происходит на Илионе – планете системы Крон.

«Юрга» – роман, собранный из нескольких сюжетов со сквозными персонажами; сплетение этих сюжетов собирается в единую метаисторию. Действие происходит на Юрге – небольшом спутнике планеты Илион в системе Крон.

Кроме общей вселенной, у этих двух текстов есть и другие пересечения, но ни один из них не следует из другого. Они существуют параллельно.

ВВ:

Вас переводят на иностранные языки, от английского и китайского до польского и венгерского, регулярно печатают в американском НФ-журнале «большой тройки» Asimov's Science Fiction, из пяти ваших книг одна издана в Италии в формате билингвы, еще один сборник только что вышел в США на английском. Как вам кажется, что делает вашу прозу столь привлекательной для зарубежного читателя? И поделитесь лайфхаком: куда бежать и что кричать молодому писателю, чтобы добиться таких результатов?

КА:

Не думаю, что могу дать какой-то осмысленный и тем более полезный ответ на этот вопрос. Я – статистически незначимый и не слишком выдающийся экземпляр; к тому же наблюдаю сама себя изнутри, а не снаружи, а значит, мои наблюдения по умолчанию необъективны. Может, за мой жизненный путь отвечают особо мрачные древние боги – и это многое объяснило бы. Может, мной тайно руководит кот (его зовут Чехов, и это не может не сказаться на его наклонностях и талантах). Или я с редкой ловкостью использую в своих текстах двадцать пятую букву (кстати, для русского алфавита это буква «ч», и она действительно мне очень нравится; она нравится мне настолько, что я так и не смогла, как ни пыталась, придумать другую фамилию для главного героя своей повести «Симаргл»).

Короче, я не уверена, что сам автор, успешный или не очень, может дать осмысленный ответ на такой вопрос. Кто-то не ответит из патологической честности, кто-то из скромности. Возможно, есть смысл спрашивать авторов состоявшихся, укоренившихся в культуре и достигших по меньшей мере семнадцати вершин. Но и тогда нет гарантии, что вместо откровенного лайфхака они не дадут вредный совет – причем даже не из коварства, а для отвращения от неприятной участи еще не совсем потерявшегося в буквах человека.

Если чуть серьезнее, мой скромный путь публикаций – путь случайностей и множества прекрасных людей, которые почему-то мне помогают. В таком контексте лайфхак прозвучит максимально бесполезно, как новогоднее пожелание: никуда не бежать, ничего не кричать, а писать то, о чем горит сердце, и пусть вокруг вас будут хорошие люди.

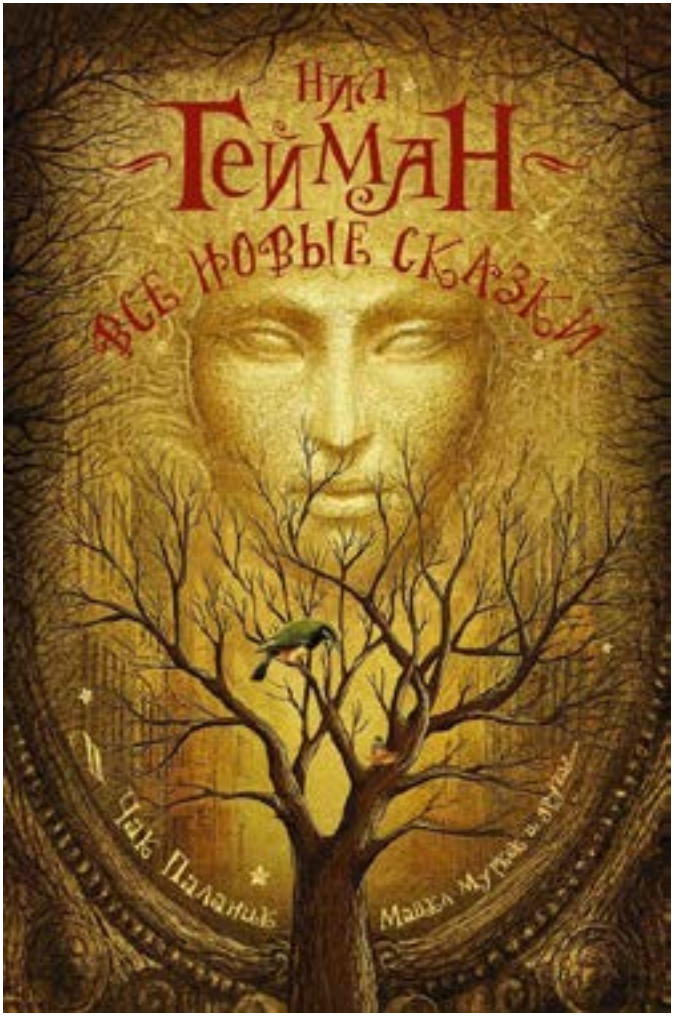
Василий Владимирский – К. А. Терина

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 124

Легко ошибиться, когда на обложке крупными буквами написано Нил Гейман. В наших пенатах так только сборники с участием Лукьяненко продают, кажется. Но я не ошибся, когда брал, т.к. о гейманской ипостаси составителя знаю, читал пару сборников. Надо сказать, остался не в восторге. Как по мне, в сравнении с аналогичными отечественными сборниками, там был попросту провал. Но решил дать шанс, ведь состав-то – составище!

ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ. Нил Гейман и другие

Ну, в самом деле – Паланик, Муркок, Хилл, Лансдейл и прочая, прочая, прочая. Ведь умеют, могут, практикуют. Но, не знаю, как вы, а я считаю, что тот, кто сказал «талантливый человек талантлив во всём», видимо подразумевал ооочень ограниченный набор этого самого «всём». Талантливый писатель не равно талантливый составитель. И наоборот. В отношении Геймана я в этом мнении утвердился.



Не подумайте, что сборник плох. Отнюдь. По сравнению с тем, что я читал у Геймана-составителя ранее, я ожидал много хуже. Однако первые рассказы и впрямь не вызывают желания продолжать. В предисловии автор говорит, что хорошая история та, в конце которой читатель спрашивает себя – интересно, а что было дальше? С этим можно соглашаться или не соглашаться, но часть авторов сборника восприняла этот подход слишком буквально, выдав оборванные зарисовки, без внятного конца.

И даже нельзя сказать, что звёзды справились лучше. Муркок, к примеру, написал автобиографическую тягомотину о литературной тусовке своего времени. Паланик жахнул бессмысленной обжабаной зарисовкой. Адамс отделался унылой миниатюрой про месть. Стоит отметить, что всё это без грамма фантастики, но не понравились они мне не по этой причине, а потому что унылые.

Сам Гейман поместил в сборник добротную фэнтезюху про месть. От Хилла южная история про сделку с дьяволом, и тоже немножечко про месть. Хммм... а ведь у Лансдейла тоже про месть, и тоже неплохо. Совпадение? Да, конечно совпадение. Ведь есть ещё отличные истории совсем про другое. Гиперболизация потери ребёнка, переживаемой родителями, от Пиколт. Тоска по ушедшей юности и лёгкий флёр тайны в магреализме Хэнд. Буквальное прочтение жизни музы, в исполнении Ховард. Замкнутая временная петля в духе тридцатых, созданная Фордом.

Да, наверное тут не найти вот прям жемчужин. Ну, мне, избалованному, по крайней мере. Я поставил всего одну восьмёрку рассказу, который чем-то зацепил меня лично. Нет, мне не хотелось узнать, что там дальше, но в процессе я ощутил то прекрасное чувство, когда в реальном мире остаётся место для тайны. Но остальные шестёрки и семёрки твёрдые, как камень. Совсем провальными мне показались только три вещи (Муркок, Паланик и Страуб), но всё это сугубо индивидуально. Кому-то Муркоковская занудная история, пересыпанная ненужными действующими лицами, показалась глубокой и трогательной, в комментах читал.

Так что от себя я сборник всё-таки порекомендую. тут действительно есть хорошие истории.

И совсем не обязательно узнавать, что там было дальше, когда и так всё понятно.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

14 августа:

Наблюдаю тут миллионный срач вокруг нейросеточек в комментариях к посту **Николая Караева**, и прямо тоскую. Как же все это надоело уже, едва челюсть не вывихнул, зеваючи. Но есть и любопытные мысли. Очевидно, что мы сейчас наблюдаем начало нового классового расслоения, даже противостояния, на примере литературки это особенно наглядно видно.

Смотрите: есть небольшая привилегированная группа, обладающая средствами производства (умом, талантом, репутацией). Кто-то получил это богатство в наследство (удачное сочетание генов + условия для развития таланта). Кто-то скопил капитал годами и десятилетиями упорного труда (учился креативному мастерству, развивал слух, оттачивал стиль, пробивался в издательства). Кто-то просто выиграл миллиард в рулетку и рачительно вложил (внезапно написал хряпу, которая по стечению обстоятельств попала в триггерные точки читателей и стала бестселлером). Вокруг этих людей выросла целая индустрия: без писателей не будет ни литагентов, ни издателей, ни книготорговцев, всё в конечном счете крутится вокруг автора, даже если сам он этого не замечает. (Я, если что, не о финансовом успехе говорю, тут другая система мер, скорее ближе к пресловутой «экономике внимания»). Такая группа буржуев духа, не очень большая на самом деле – «писать очень трудно, брат»: 99,9% самонадеянных стартаперов, создателей самотёка, в эту элиту не войдет никогда.

И вот происходит страшное: появляется инструмент, который радикально снижает порог вхождения, обесценивает средства производства. Любой пролетарий может заплатить какие-то смешные центы за подписку на нейросеть, и сможет писать не гениальные, но по крайней мере связные тексты. Не обладая ни музыкальным слухом, ни идеальной памятью, ни эрудицией, ничего не зная ни о композиции, ни о драматургии, ни о построении диалога. Буржуям духа, конечно, дико обидно. И не только обидно. Самое страшное, что может произойти в нефтегазовой отрасли, например, это не то, что сейчас происходит, а появление альтернативного, дешевого и общедоступного источника топлива, фантасты 100500 раз обсасывали такой сценарий. Скважины, нефтепроводы, перерабатывающие заводы – разом все обесценится, акции рухнут, триллионы на корпоративных счетах обратятся в пыль. Понятно, что имущий класс стремится задавить изобретателей, а изобретение запретить, упразднить, спрятать. Но нет, этот джин в бутылку обратно уже не зальешь, увы и ах. Ешь ананасы, рябчиков жуй, а нейрослоп тем временем уже штурмует Зимний.

В общем, Господь создал людей талантливыми и бездарными, упорными и ленивыми, а потом пришел Джеффри Хинтон и все опошлил. Трагедия, блин.

Василий Владимирский

Когда будущий поэт и фантаст Геннадий Прашкевич учился классе в шестом, он прочёл «Туманность Андромеды» И.А.Ефремова и тут же написал автору: я, мол, тоже когда вырасту, буду писателем-фантастом.

Автор, как ни странно, ответил, и в конце письма указал свой номер телефона: будешь, мальчик, в Москве – звони, пообщаемся.

Тут наступили зимние каникулы, и Прашкевич вместе с классом (за что-то их наградили) приехал из своего Новосибирска в Москву.

И конечно, сразу позвонил Ефремову. Тот назначил ему свидание на Ленинском, возле кафе «Паланга» (Иван Антонович жил там неподалёку, за углом).

Чуть не час они ходили по улице; Ефремов говорил о фантастике, Гена слушал. Он страшно хотел есть: ради свидания с кумиром пропустил обед. Мальчик мечтал, что вот-вот Ефремов толкнёт дверь кафе «Паланга», мимо которой они прошли уже 114-й раз, и угостит хотя бы пирожным...

Но нет, не случилось. Они гуляли и гуляли по привычному для новосибирца морозцу в минус 10, и никакого кафе.

Обида на классика осталась у Прашкевича на всю жизнь.

Но фантастику он писать начал.

(Это Прашкевич рассказывал нам в Дубултах.)

(Из серии «Что-то вспомнилось»)

Марина Бернацкая

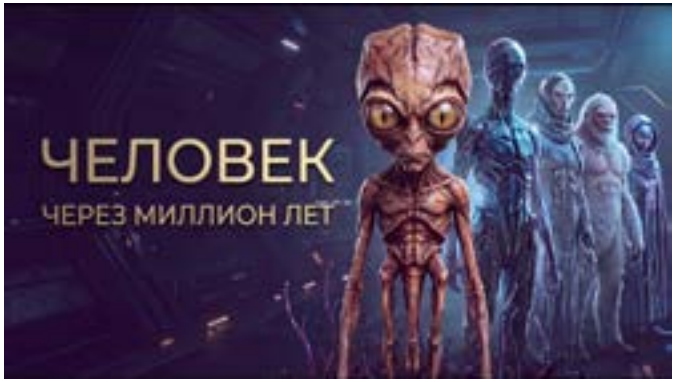
Что станет с человечеством через миллион лет? Останемся ли мы Homo sapiens или эволюция, технологии и жизнь за пределами Земли превратят нас в **совершенно новый вид**?

В этом видео пофантазируем о **пяти возможных сценариях будущего человека**.

СМОТРЕТЬ на **YouTube** здесь (https://youtu.be/um5Nt68UPQo)

СМОТРЕТЬ во **ВКонтакте** здесь (https://vkvideo.ru/video-226049368_456239128)

Бонусом к тому, что упомянула в видео – небольшая подборка разных вариантов того, как закончится Homo sapiens и начнётся новый вид или



цивилизация, которые мыслят и живут уже не по-человечески:

«Все грядущие дни» Немо Рамджет (С. М. Кёсемен). Почти культовая спекулятивно-эволюционная книга о дальнейшей судьбе человечества на протяжении почти миллиарда лет, с множеством потомков-видов и крайне радикальными трансформациями человека.

«Последние и первые люди: История близлежащего и далёкого будущего» и «Создатель звёзд» Олаф Стэплдон. Дилогия о далёком будущем человечества, где сменяются целые человеческие виды и цивилизации на протяжении гигантских временных масштабов.

«Эволюция» Стивен Бакстер. Роман охватывает сотни миллионов лет и показывает эволюцию человека от ранних предков до далёких постчеловеческих форм.

«Конец детства» Артур Кларк. Один из самых известных романов о переходе человечества в новую стадию существования.

«Галапагосы» Курт Воннегут. Сатирическая история о том, как человечество после катастрофы может со временем измениться в новый вид.

«Сын человеческий» Роберт Силверберг. Роман о трансформации человеческой природы, один

из наиболее экспериментальных и необычных романов автора.

«Эволюция доктора Полларда» Эдмонд Гамильтон. Короткий рассказ о том, как учёный поставил на себе эксперимент по ускорению эволюции человека.

«Город» Клиффорд Саймак. Роман о далёком будущем, в котором человечество постепенно уходит со сцены, а Земля переходит к новой разумной цивилизации.

«Волны гасят ветер» Аркадий и Борис Стругацкие. Финальная часть цикла «Мир Полудня» о появлении среди людей люденов – новой формы разумной жизни, возникшей из человечества.

Лиля Шеламова

...«Как забытый богом полустанок где-то под Актюбинском»

В аду нам не рады. Сергей Жарковский

Если житель Зоны не идет по улице прямо, а лезет руинами в обход, стоит предполагать. что у него есть на то причина.

Если Сергей Жарковский публикует второй том несколькими годами после второго, я тоже предположу, что причина есть. В данной статье я буду говорить только о первом томе. Тем более, что читала я его в первый раз еще в Москве, и много лет переживала, что не могу его цитировать и вообще как-то ссылаться.

Есть среди писателей неформата вполне народное развлечение. Вот ты пишешь свой такой сякой неформат в сложных жанрах, а ты возьми и напиши что-то в жанре максимально попсовом. Спойлер – получится все равно неформат. Нельзя вливать сильное вино в старый бурдук. Или можно, если целью является именно порвать этот ваш бурдук в тряпки.

В данном случае мы имеем дело с сюжетной нишей так называемого сточкера: «предположим, что Зона не в Хармонте, а вовсе в наших пенатах»

Обычно авторы сточкера определяют как Зону Чернобыль (просто потому, что понятия не имеют, а что там интересного происходило в их обожаемом Советском Союзе между ВОВ и Чернобылем)

Зона Жарковского расположена в южном подбрюшье РФ на границе – теперь – с Казахстаном, в городочке, где было расположено, а теперь – в нашей с вами реальности – законсервировано учреждение с многообещающим для всякого фантаста названием Капустин Яр.

Событийная канва сюжета (которую наивный читатель, ожидающий пропповских стандартов, имеет все шансы вовсе не обнаружить) заключается в том, что характеристики Зоны – а Зона она вполне такая Зона во всех смыслах – позволяют при умелом и осторожном использовании манипуляции не только с пространством, но и со временем. В связи с чем, благодаря усилиям очень и очень многих людей, правительство позднего Советского Союза оказалось _проинформировано_ о том, что примерно там-то примерно тогда-то – случится нечто.

И оно, это правительство, приняло меры.

В своем неподражаемом стиле.

Не то, чтобы эти меры даже были плохи! Не то, чтобы эти меры даже были неэффективны! Но стиль! Но вкус! Но аромат!!!!...

То есть, опять же, не подумайте, чтобы там прям какой-то особо гадостью воняло специфически советской в смысле региональном или в смысле политическом. Это запах ВРЕМЕНИ.

Он не плохой, не хороший – он другой. Не могу сказать, что ощутят те, кто родились, когда он уже развеялся, а вот ээээ инсайдерам книга, несомненно доставит.

Вынужденное отступление. В 1990 году мой старший кузен служил в омском (sic!) стройбате (sic!), за каковое его положение было недешево оплачено родителями, которые годом ранее хлопотали, чтобы мальчик не уехал в Афганистан. Я приехала к брату повидаться, на ощупь нашла часть, на КПП выяснила, что Сёма в отпускной у каких-то дальних родственников с той стороны до 8 утра. Был поздний вечер, уже темно. Солдатики посмотрели на меня, осторожно спросили, куда я пойду (стоял март, на улице ночью обещалось минус 15) и твердо велели идти спать в дежурку. В дежурке стояла голая панцирная кровать. Я легла прямо в куртке и в валенках, положила шапку под голову и уснула. Проснулась от того, что стало очень светло. Вышла в основную комнату КПП: там в абсолютной тишине, сидя плечом к плечу на каменном полу, сидели тринадцать военнослужащих и беззвучно передавали из рук в руки косяк. Если бы там в том КПП был топор, то его вполне можно было бы положить на воздух, он бы не упал. Увидев меня, бойцы с облегчением задвигались и сообщили, что связались с ночным дежурным в штабе части, тот посмотрел брату в дело, нашел телефон той его родни, брату уже позвонили и он уже едет первым троллейбусом, а мне стоит где-то погулять, пока не пришли офицеры. Я успела только выйти за дверь и увидела против солнца, как скользя по подмерзшей за ночь улице, бежит мой брат, и полы шинели у него развеваются на бегу.

В принципе, я уже читала немало книг, которые были посвящены позднесоветским армейским нюансам – что-то у Дивова про его дембельский аккорд, что-то поздней лейтенантской прозы. Но вот чтобы с самого верха до самого низа, все эти капитаны и генералы, все эти отрывные квитанции на допуск к талончику, все духи и дембеля, намазывающие жареный хлеб сметанкой на Новый год. Сходящий с ума от ужаса дежурный на вышке, сходящий с ума от ужаса ветеринар в секретке, нервно бегающий вокруг молчащего телефона президент, городские телефоны, которые без всякой там Зоны дозваниваются хрен знает до кого вместо того, к кому нужно. И до того, кому нужно, когда всякая надежда умерла и похоронена.

О, я помню этот запах. Это льюисовское чаепитие с чифирем один к одному «чай со слоном: раскрошенная беломорина». Побуревшая бумага карт, много лет лежавших в сейфе. Начищенные неизвестными субстанциями кирзовые сапоги, неизвестные субстанции в алюминиевой миске на обед и запах мышей из-под матраса, когда – сгорел амбар гори и хата! – владелец вытаскивает оттуда банку сгущенки. И эта вонючая пластиковая рейка в кабинете, где два майора передают друг другу несколько раз, как будто это они обкуренные, мой паспорт.

– Фамилия совпадает. Сестра.

– Отчества разные. Не сестра.

– Непонятно.

Короче, я прочла эпичный документ эпохи, меня накрыло дежавьей, я ржала как подорванная от узнавания, я помню, помню эти заледеневшие жестяные ангары в метельной степи, этот стук колес поезда, идущего на шесть часов мимо расписания, это привычное лавирование в летящем мимо тебя нонсенсе – иногда смертельном, иногда доброжелательном, иногда доброжелательном только и исключительно к тебе и не дай тебе бог посоветовать пройденный тобой маршрут другим людям – их жизни будут на твоей совести.

Собственно, в чем Жарковский непревзойден – это в искусстве телесно, детально передавать сцену. Мы можем спорить о том, что он из своих сцен

строит, насколько оно интеллигибельно (да, я нарочно. Да, термин точный), но вот мощность занесения впечатления у него, конечно, адова.

...А теперь, еще не открывая книгу, подумайте, к кому обратится советское правительство, которое каким-то образом было убеждено, что Зона в ближайшем будущем неизбежна – за тем, чтобы эти кто-то продумали, к каким последствиям надо готовиться? Подумали?

Вот теперь можно читать.

Ася Михеева

Попалось интересное румынское выражение: în smârcurile mărilor, буквально «в морских топях». Но буквально переводить не надо, потому что пусть в единственном числе smârc – топь, трясина, болото, во множественном (smârcurile) и в сказочном контексте это «*далекое и опасное место, где расположен исток моря*». Т.е. литературный аналог/перевод – всем известное выражение «за тридевять земель» (или какой-то его синоним), а если говорить мифологически, то там, где протекает космическая река Океан. На краю света, короче говоря.

Наталия Осояну

Мне тут предложили рассказать о нескольких книжках, лицензии на которые урвали Nova Fiction. Ещё и карточки сами подготовили. Ну как тут удержаться и не прикоснуться к будущему?

Во-первых, ждём-с **«Монах и робот»** – цикл Бекки Чамберс. Обещают всамделишный соларпанк, с которым я давно хочу полноценно познакомиться.

Это истории, разворачивающиеся в мире, где все роботы ушли, став частью дикой природы. И вот, спустя столетия, к чайному монаху приходит робот, пытающийся исполнить древний запрос и выяснить: «Что нужно людям?»

Соларпанк тут вокруг: персонажи путешествуют по обитаемой луне, обитатели которой без помощи роботов были вынуждены перейти от агрессивной индустриализации к устойчивому развитию, жизни в небольших общинах, фермерству и проч. Звучит и правда фантастически, интересно, насколько достоверно изображено.

В цикл входят две повести: «A Psalm for the Wild-Built» (2021) и «A Prayer for the Crown-Shy». У первой есть «Хьюго», у второй – «Локус». Полагаю, в издание на русском войдут обе.

До этого я читал у Чамберс только наивную космооперу «Долгий путь к маленькой сердитой планете». Из романа помню только удачный тимбилдинг в разношёрстном экипаже, особо без драмы и проч., но получилось хорошо. А вот прокладывание космических трасс было там лишь как повод собрать на одном борту конкретных персонажей. Что до конфликтов внешних, то они понравились сильно меньше.

Как бы то ни было, смею предположить, что «Монах и робот» тоже будет не полным экшена приключением, а мирным исследованием чУдного общества, не разрушившего окончательно свой дом, вовремя найдя гармонию с природой.

Второй на очереди – **«Это сделал Сайман»** Павла По.

Это фантастический детектив о поисках убийцы известного учёного. Обещают раскрыть актуальные темы нейросетей.

Как я понимаю, фишка книги – сеттинг, объединивший образы из киберпанка и накрывшей книжный рынок цунами популярности альтернативной Российской империи.

Я всех этих имперских графов-колдунов-детективов пропустил и, честно говоря, был уверен, что интерес утих. Полагаю, «Это сделал Сайман» –

попытка залететь в тренд. С осторожностью проверим-с, когда выйдет, её жизнеспособность.

На «Литресе», откуда, как я понимаю, книжка «пришла» к NF, цикл из двух произведений называется «Нейродетектив»; надеюсь, это относится к сюжету, а не к тому, что автор сочинял с чат-ботом на пару.

И да, ребятам впору открывать «саймо/ановскую» серию!

Также ожидается **«Правило Рафаэля Галилео»** от китайского писателя и разработчика видеоигр Тан Гана (есть вероятность, что он всё же Тань Ган, но и финального перевода пока нет).

В антиутопическом XXVI столетии могущественный ИИ будет через вживлённые чипы контролировать человечество, ~~заставляя кричать~~, пока семеро смелых не найдут уязвимость кибертирана.

Интересно, что же такого они могли придумать, до чего не смог додуматься искусственный сверхинтеллект, держащий планету на коротком поводке? Рассчитываю на простое и элегантное решение в виде какого-нибудь парадокса или обход через «мясо».

К слову, к выходу книги руку приложил Ван Цзинькан – один из «трёх генералов китайской НФ» (которого у нас почему-то пока не издавали, в отличие от двух других).

К сожалению, примерные даты выхода книг на русском мне неизвестны, возможно, подробности вскоре будут у Nova Fiction.

Павел Сидоров

В Комарове откроют «НИИЧАВО» – выставку-архив по роману Стругацких

16 августа августа Pop-Up Gallery открывает в комаровском дачном клубе «Суббота» групповую выставку «НИИЧАВО» – оммаж институту чародейства и волшебства из романа Аркадия и Бориса

Стругацких «Понедельник начинается в субботу». В экспозицию войдут работы трех художников: металлические скульптуры Вильгения Мельникова, объекты Саши Нефедовой-Глейзер и анимация Катарины Кано.

Клуб «Суббота» открыли в историческом здании Дома творчества писателей в Комарове. Название ДК тоже отсылает к роману, по мотивам которого создали выставку. Именно в Комарове Стругацкие придумали сюжет своей повести «Пикник на обочине». Если «Понедельник начинается в субботу» (1965) – юмористическая история с элементами социалистической утопии, то в «Пикнике на обочине» (1972) авторы описали мрачный мир сталкеров.

По сюжету фантастов сотрудники «НИИЧАВО» изучали магию и чудеса с научной точки зрения. В пространстве одноименной выставки каждый

художник создаст свой «архив», который одновременно раскрывается как чудо и результат кропотливой человеческой работы.

«НИИЧАВО» пробудет с 16 августа до 16 сентября на Кавалерийской, 4/4 (Комарово). Вход свободный.

Алена Потапова

15 августа:

Эх. В очередной раз Василий Андреевич повёлся, как дурачок, на чужие рекомендации: расхваливали тут сериал **«Уэнсдэй»**, решил оценить. Ну, в общем, добрался до третьей серии первого сезона, на этом и закончил ознакомительный экскурс. Жуткое разочарование. История такая: Уэнсдэй Адамс из одноименной семейки, та самая милая девочка, которая обожает пытать брата, отправляется учиться в закрытую частную школу для «необычных» детей, всяких там вампиров, оборотней и русалок. В школе ей не нравится, но там начинают происходить странные события с расчлененкой, которые мешают девочке сбежать. Заинтригованная Уэнсдэй берется расследовать всю эту чертовщину, и узнает, что когда-то, лет 300 назад, цивилы из ближайшего городка устроили охоту на ведьм, сожгли в сарае чудовищ, которые «жили в гармонии с природой» (на этом месте я громко икнул). И теперь миссия младшей дочки Аддамсов в том, чтобы открыть миру правду: «тот, кто забывает свою историю, вынужден повторять ее снова». Ирония в том, что произносит эту пафосную хрень та же героиня, которая читает Макиавелли в оригинале, развлекается отрубанием голов куклам, убила сколько-то пацанчиков-засранчиков в предыдущей школе и только что, буквально на глазах у зрителей, едва не прикончила своих однокашниц в новом колледже.

Божечки-кошечки, какое отборное, махровое пшено. Как будто посреди эпизода сценарной команде пришла разнарядка из ихнего американского АП: немедленно свернуть весь этот балаган, серьезнее, товарищи! Я уж не говорю о том, что очарование оригинальной семейки Адамс в том, что они *действительно* гротесковые готические злодеи, их абсолютно не парят пытки, убийства и массовые казни – и вот это злодейство не мешает им оставаться обаятельными и харизматичными героями черной комедии благодаря своеобразному семейному кодексу. А тут пытаются затирать что-то про все хорошее против всего плохого. Идиотизм. В общем, на этом месте бросил, фуфло.

А еще Аддамсы, оказывается, родом из коренного населения Америки, из индейцев то есть. То-то я думаю – Мортиша и Гомес какие-то не англосаксонские имена. Теперь все прояснилось: очевидно, навахо!

Василий Владимирский

Вышла самая толстая книга («Колдовство в России и Украине. 1000-1900») о восточнославянском колдовстве и вообще одна из самых толстых книг по восточнославянскому фольклору (три другие толстячка на фото для примера и масштаба). Новая книга – антология источников за тысячу лет, которые рассказывают о преследованиях по обвинениям в магии.

Изюминка: впервые переведенные на русский язык польские материалы об украинских ведьмах. Странность: традиционное отсутствие белорусских материалов. Только Россия и Украина. В итоге получилась эпичная панорама русско-украинской войны с колдунами. Которую и Россия, и Украина проиграли, конечно.

Из года в год, из века в век клеветники и злопыхатели, несчастные больные и сироты заваливали судебные органы обвинениями. Тут колдунья корову испортила, здесь шайка злодеев собиралась царицу на тот свет отправить с помощью бабки и корешков.

Горели костры, лопались в клещах палачей яички несчастных. Сыпались и сыпались наветы, пышно расцветала идея колдовства, порождая во многих сердцах надежду с помощью магии решить любые проблемы.

«Петр I рассматривал возможность применения магии в интересах государства. Пример тому – история ~~военкора~~ донского казака Емельяна Шадрина. В 1718 году он объявил, что умеет уничтожать врагов, обливая их водой и окутывая туманом. Петра чрезвычайно воодушевила такая перспектива. Работники Преображенского приказа потратили немало усилий и средств, ловя воров и добывая камни, которые должны были вызвать дождь. Царь присутствовал при всех опытах. [...] Шадрин со всей очевидностью потерпел неудачу».

Перед каждым документом поставлен небольшой экскурс в дело, краткий пересказ и необходимые пояснения. Они принадлежат двум западным русистам, у которых уже есть переведенные на русский книги («Магия отчаяния» и «Одержимые»). Пояснения вполне хороши. Я бы из дотошности поспорил по мелочам, особенно с тем, что восточные славяне не искали у обвиняемых в колдовстве телесных признаков. Искали, да еще как! Целой деревней ходили смотреть, есть ли хвост у Груньки или Акульки (есть, но они всегда его успевали спрятать, «втянув» в попу). У условного деда Семена тоже поискали бы, но деда боялись, а копаться в его штанах не так интересно.

К слову сказать, тут принципиальная проблема книг о судебном преследовании колдовства. Деревня была вполне самостоятельным «государством в государстве», и едва ли одно из сотни избиений и убийств колдунов выходило за пределы сельского забора. «Колдовской вопрос» здесь решали самосудом, а убитый будто бы пропадал: «да кто ж его знает, куды делся, ушел и не пришел, а куды и зачем ушел – знать не знаем, мы-то сами люди тёмные». Поэтому судебные процессы не вполне отражают ситуацию, зато четко показывают отношение светских властей (не крестьян) к колдовству. Например, светская власть не сильно парилась и считала колдунов, знахарей и ворожеек за одно и то же. Крестьяне с этим бы не согласились.

Хрестоматия оказалась в некотором зазоре между научной литературой и нонфикшн. Документы в ней, конечно, избыточны для случайного читателя. А для ценителя хороши. С их помощью можно ощутить т.н. аромат эпох, когда к колдунам и ведьмам относились хотя и по-разному, но обычно недобро. В большинстве этих эпох героев «Гарри Поттера» или недавнего «Колобка» посадили бы в сруб и сожгли, не исключено, что со всей съемочной группой заодно.

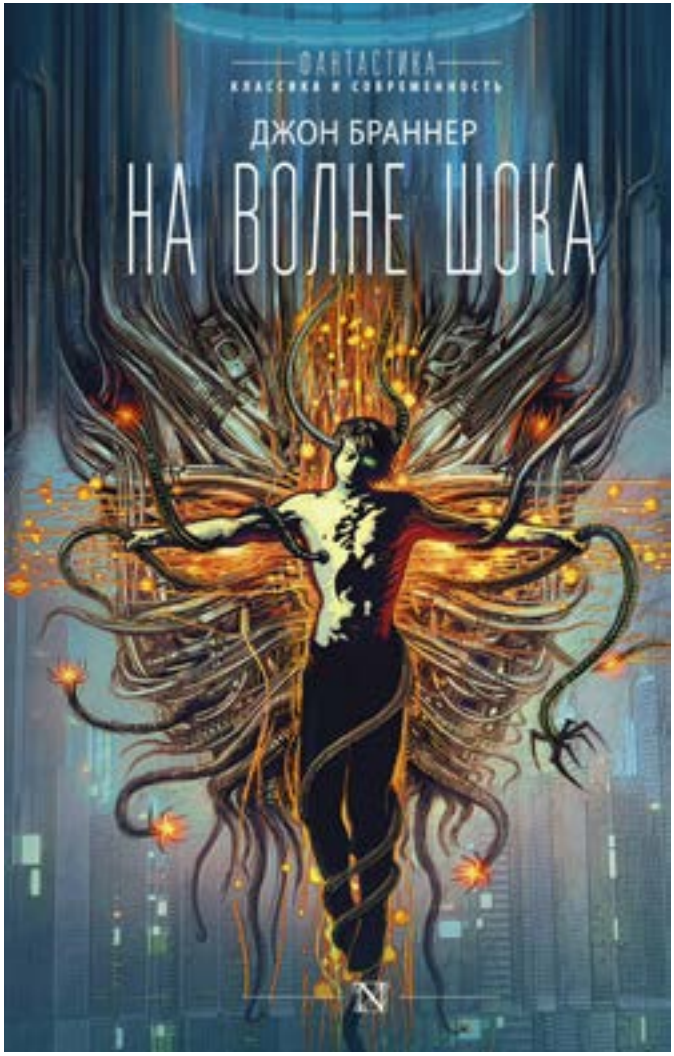
Все же в очень приятное, вегетарианское время мы живем.

Собственно, это главный вывод самой толстой книги о русско-украинской войне с колдунами.

Антон Нелихов

16 августа:

Прочла **«На волне шока» Браннера**. Текст написан в 1975, но в отличие от многих таких текстов читается достаточно современно. Я вспомнила о Браннере, потому что по факту это киберпанк



до тусовки киберпанка, а термин «компьютерный червь» пришел в IT-слэнг отсюда (его придумали инженеры, взявшие броский образ из текста Браннера). Недавно как раз представили концепт червя с ИИ, размножающегося и ловко заимствующего вычислительные ресурсы для достижения своих целей, что заставило спеца по безопасности Шнайера напомнить мне об этом романе. Технологии взлома у Браннера отражают эпоху AT&T, когда с помощью доступа к телефону ты мог проделать многое, но вот проблематика прямо будто из сегодняшнего дня.

Главный герой «На волне шока» – это юноша-гений, которого правительство воспитывало в специальном институте в рамках гонки вооружений, превратившейся в гонку мозгов. Его назначением стало бы участие в правительственных программах и усовершенствование алгоритмов, управляющих жизнью массы. Однако увидев детей-мутантов, над которыми проводят эксперименты, парень сваливает. Он меняет целый ворох личностей, пока не встречает людей, позволяющих ему применить свои экстраординарные умения для глобального взлома, вскрывающего все тайны. И теперь у людей есть настоящий выбор.

Все это подано разрезанным на небольшие главы и со вставленными цитатами, расширяющими понимание мира или подтрунивающими над ним. Это кайф. Вики говорит, что он заимствовал коллажную технику Дос Пассоса в упрощенном виде, и я пролистала «Манхэттен». Люблю такое, радикальным примером такой техники будет «Читательский блок» Марксона.

Браннер вдохновлялся Тоффлером и идеей, что когда глобальные изменения происходят слишком быстро, это вызывает шок и психозы у людей. Кроме того он выступает против нормирования, приведения всех к среднему с помощью антитравматической обработки и программ, похожих на усовершенствованные нейросети. Мне нравится, как он издевается над принципом «ну, мы обязаны изобрести это, пока этого не изобрели ~~китайцы~~ другие», пока общество доходит до массовой истерии. Конечно, люди гораздо более адаптивны, многие умеют просто игнорировать все подряд, однако все

эти вопросы сейчас, во время внедрения ИИ, снова стали близки.

Отдельно плюс Браннеру за тему с бедностью, которую он видит просчитанно включенной в производственную цепочку – и в таких масштабах существующей только поэтому.

Мне кажется, любой в юности задумывался о том, почему огромная часть населения живет впроголодь, и приходил к выводу, что при капитализме просто невозможно существовать без существенной массы нищих, которые будут работать за гроши. Чистота США и ЕС поддерживается за счет использования стран типа Филиппин как мусоросборника (а о свалках электронного мусора и прочего хорошо писали другие фантасты – Чэнь Цюфань в «Мусорном прибое» и Паоло Бачигалупи, который, кстати, часто наследует другому роману Браннера «Овцы смотрят вверх»), массовое производство крупных компаний стран первого мира невозможно без наличия армия бедняков, которые все это и производят за копейки. Это справедливо и для такой продвинутой отрасли, как айти – все крупные модные компании аутсорсят работы в страны с низкой стоимостью труда, красивые ИИ продукты немыслимы без нищих людей из Африки и Бангладеш, занимающихся разметкой данных и модерации гора и педофильских материалов и т.д, чего жители развитых стран делать не хотят и от чего возникают психозы.

Иными словами, бедность существует в том числе потому, что именно на ней и построен весь бизнес. Ее массовое существование и зачастую поддержание с помощью поддержки нужных режимов – основа основ. Браннер идеалистически думает, что истина даст миру шанс спастись, и мне это симпатично, хотя мы-то уже знаем, что если для спасения правительства нужно будет вырубить сеть, ее вырубят.

Я до этого у Браннера читала «Квадраты шахматного города» и «Всем стоять на Занзибаре». «Квадраты» – это безумноватый, очень сконструированный роман, где чел приезжает в страну Латинской Америки с непременным диктатором – и обнаруживает, что все в городе ведут себя по странным правилам, в конечном счете соответствующим шахматной партии между Стейницем и Чигориным.

Про все это я, естественно, не знала ничего, но текст в юности произвел впечатление, я смешала его с впечатлением от «Танца на краю времен» Муркока – и написала чумовую повесть про замок Домино и противостояние архетипических персонажей в меняющейся по определенным правилам постройке.

К сожалению, диск Western Digital, как и многие, посыпался из-за производственного брака – и повесть сгинула вместе с черновиком посттолкиеновского романа про эльфов и рассказами.

Жанна Пояркова

Читаю «Неизвестных Стругацких. Письма. Рабочие дневники. 1942 – 1962гг». Точнее, перечитываю, так как читал этот материал лет десять назад.

И как же им повезло! Именно в этот период спрос на научную фантастику был высочайшим. На подъеме страна – тем же путем следует и научная фантастика. Старается опережать и показывать дорогу в светлое, так сказать, будущее. Не все туда шли, конечно, система была обречена, но вот Стругацкие – шли. К своему светлому гуманистическому будущему, где ценятся труд, ум, честь и совесть.

Хочется верить, что и в новейшей истории будут периоды подъема и расцвета научной фантастики – со всеми сопутствующими социальными процессами.

Цитата:

«Дорогая мамочка! <...> Раскритиковала ты нас здорово. Однако, при всем моем к тебе уважении, должен сказать, что не везде и не во всем справедливо. Понимаешь, если исходить из задачи «звать молодежь» или «направлять молодежь», то не только эта – ни одна из наших работ ни к черту не годится. Задача же у нас другая совсем. Мы хотим заставить молодежь шевелить мозгами, понимаешь? Заставить ее задуматься над иными проблемами, кроме «где хватить девочку» и «у кого перехватить пятерку до получки на выпивку».»

Александр Гранин

17 августа:

«Пока пророки молчат»

Когда я только садился за «Пророков», мне очень хотелось уйти от привычной Африки в виде Египта и даже Нубии. Долго прикидывал страну, где будут разворачиваться события: могло быть Марокко, уже записал в заметки, но потом случился Судан – и все сложилось. Само собой, я полез копать мифологию африканских народов (спасибо МИФу за две хорошие книжечки на эту тему!), надеясь найти там что-то очень древнее и не распиаренное. Оно, конечно, нашлось. Я его, конечно, раскидал в малых количествах раскидано по тексту (не считая ОГРОМНОГО баобаба, который тоже корнями уходит в старинные сказания). Допустим, легенды о колдунах и черных стадах; о людях, после смерти превращающихся в змей; о зайце, который не успел сообщить человеку о бессмертии, потому человек и стал смертен (вообще очень частый мотив) и далее, далее, далее... А, ну и добавил еще отсылок к историям Шехерезады и паре персидских сказок

Но ни один из древних мифов органично не ложился в центр истории. Надо было искать подвязку к более-менее актуальному и в современности. Во что все еще верят? Тогда-то оказалось, что арабы, как всегда, вовремя подсуетились, и благодаря им мифология, скажем так, «малой» Африки строится на двух вещах: джиннах и святых

Что интересно, исламские джинны в плавильном котле Африки превратились в нечто иное... Джинны, само собой, представляются незримыми стихийными существами: какие-то злые, какие-то добрые, какие-то нейтральные – и, более того, джиннами их опасно называть, есть множество эвфемизмов. Герои, разделяющие принцип «слабоумие и отвага», в итоге плюнут на это. Даже косточки лучше просто так не выкидывать! А ту вдруг попадешь в невидимого джинна? Так он тебя со свету сживет. Да еще выясняется: африканские джинны вроде бы летят на кровь. Есть среди них те, кто порабощен колдунами, и те, кто заманивает путников сладкой песнью, подобно античным сиренам...

Со святыми все еще интереснее и сложнее: места их захоронения или смерти полны особой энергии, «душа», даже скорее «святость» святого (такое вот масло масляное!) может переселиться и в дерево, и в куст, и куда угодно. И рядом с таким местом можно излечиться. Удивительный синкретизм первобытности и монотеизма.

Короче говоря, без джиннов никак не получилось! Зато обошлось без Египта. Почти, ладно... Но я его в количествах припас на другие романы!

А вообще, Судан (и Африку в целом) в «Пророках» стоит воспринимать как пространство вроде бы реалистическое, но в то же время мифологическое и сказочное. Это край мира (чудесно подметила Таня Соловьева), откуда нет пути ни назад, ни дальше дальше: то ли пустыня с таинственными

медными столбами из арабских сказаний, то ли обрыв земного диска, то ли причудливое царство Пресвитера Иоанна, то ли земли Медузы Горгоны, то ли родина джиннов, то ли те самые «странные берега» из «Пиратов карибского моря»

А на краю мира, как известно, возможно всякое. И реальность податлива.

Денис Лукьянов

Сложная лепота

Зададимся вопросом: почему “Ложная слепота” Питера Уоттса так прозвучала, когда, объективно, это слабое произведение?

В романе нет сюжета, нет драматургии, персонажи условные, события – те немногие которые есть – плоские и не изобретательные. Мизансцены отсутствуют полностью, картинка не строится. Нет сценического пространства, в котором персонажи бы, по Станиславскому, проживали свои роли. Персонажи болтают, Сири занимается интерпретацией (трансляцией на самом деле), и большую часть этого можно было спокойно выбросить. Словоблудие, в общем.

Активных событий можно насчитать десяток на весь роман: прилетели, высадились один раз, провели анализ, поспорили, высадились еще, разругались, финал. Фабула декларируется газетными определениями. Вы не смотрите кино, вы читаете сводку о кино. Без драматургии, без вовлечения, без подтекста.

Но вот в чем фишка. Подобный стиль повествования, буде ему называться ущербным, в точности отражает тему произведения. Это полное совпадение формы и содержания, и именно тут кроется причина (сравнительного) успеха “Слепоты”.

Главный персонаж, Сири, – синтет. Он потерял половину мозга, на место которого получил компьютер. Половина – мозг, половина – компьютер. Сири создан как переводчик с машинного на человеческий, и послан в экспедицию именно с этой целью.

Он сам себя называет «китайской комнатой», что значит – у него нет сознания. И все произведение – о том же: сознание не является необходимостью для разума, сознание только тяготит и тормозит его. По мнению Уоттса, быть китайской комнатой эффективнее и долговечнее. У китайской комнаты нет рефлексии – минус один тормоз. Она обрабатывает запросы, но не понимает смысл – минус второй тормоз. А зачем? кому нужен этот чертов смысл? Меньше смыслишь – крепче спишь.

Уоттс утверждает, что цивилизация китайских комнат способна не только зародиться, не только избегать сознания в ходе эволюции (крайне сомнительно! сознание – продукт ее, и эволюционных факторов к избеганию сознания как будто не существует), но и выйти в глубокий космос.

Пришельцы нам показаны глазами Сири. Получается, что одна комната встречает другую комнату и рассказывает нам по-своему, по-комнатному. Весь текст «Ложной слепоты» написан в стиле трансляции, как если бы в Сири загрузили кучу странных маргинальных словарей, и он переводит обычные слова в поток нелепых машинных интерпретаций. Похожего эффекта можно добиться, если попросить ЧатГПТ написать что-нибудь абсурдное в НФ-стиле. Из романа:

“«Тезей» открыл огонь, он палил осколками изолятора, неподвластными электромагнитному обману, – далекими и темными, невидимыми для человеческих глаз.”

“В каком-то смысле это правда. Возможно, то был эффект от столкновения или краткий, яростный вскрик огромного реактора,

перезапустившегося после миллионнолетней спячки. Вроде нынешнего: солнечная вспышка без Солнца. Магнитная пушка в десять тысяч раз сильнее любых естественных значений.”

Я не думаю, что подобный стиль был намеренным (плюс перевод: он отвратительный). Скорее всего, стиль был найден интуитивно, случайно, поскольку он близок к общему стилю Уоттса. Но именно это совпадение «машинного» стиля и темы делает «Ложную слепоту» литературным феноменом. Читать ее невозможно – я переключился на аудиокнигу и дослушивал вполуха – но литература не обязана быть литературной. Она обязана иметь сверхидею – здесь у “Слепоты” все хорошо.

Тем не менее, высокой оценки «Слепота» не заслуживает. Она не открывает новых истин. Ее утверждения спорны. В ней нет эмоций, нет осознания, нет рефлексии. Человека в ней тоже нет. Модель пришельцев крайне сомнительна. Сюжета не больше чем на рассказ, и потому роман пустой, в нем много воды.

Однако, «Ложную слепоту» можно и нужно исследовать с писательской точки зрения. Это редкость; чаще не так. Чаще: тема, форма, содержание – выберите любые два. Или даже одно. А здесь есть все три, но похоже, неумышленно, то есть, без осознания автора. Иными словами, не только роман о китайской комнате, но и сам автор был ею во время его написания.

Александр Гранин

18 августа:

Ирина Емельянова и Виктор Вагнер наконец-то дописали свою «Императрицу Кэт» Да, долгострой, но и объем соответствующий. У Витуса и Ирины моя френдлента могла читать «Детей пространства», у Ирины – мне хочется сказать, Финрод Фелагунд, но много ли еще наших френдов здесь во всех смыслах? А если называть другие фэндомские вещи, то фэндомы, конечно, знают, в т.ч. некоторые англоязычные... Ладно, одно Иринино произведение знает каждый мой френд, это неминуемо, уберечься не мог никто. Видали стихи про Басё и кисё? У каждой мемдемии, хочу сказать, есть автор-породитель. Хотя. конечно, по мере разрастания вспышки подключается много народу. И в новом произведении тоже кисё, как же без них.

«Императрица Кэт» – на первый взгляд, сеттинг классический, эпохи Урсулы Ле Гуин: Пространство, в котором цивилизации, вышедшие в космос, контактируют с докосмическими, в том числе владеющими магией. Но в фокусе – матчасть. Есть, разумеется, и любовь, и приключения, но гораздо подробнее разбирается вопрос: чем высокотехнологичная цивилизация может поделиться с той, которая еще строит деревянные корабли? Чем может, чем хочет, чем должна поделиться?

Предположим для простоты, что обе стороны адекватны, договороспособны и хотят хорошего, а не поработить дикарей, с одной стороны, и пересажать на колья странных пришельцев, с другой. Можно посоветовать строить корабли из металла, но пользы от такого совета не будет по целому ряду причин. А вот обшивать корабли медью – правильный совет. И далеко не единственный, который можно дать. Поразительно, сколько всего можно сделать до изобретения бессемеровской стали и перегонки бензина, если заранее знать ответы.

И не только в доступных технологиях дело. Где проходит проклятущая граница между дозволенным и недозволенным вмешательством? Как добиться, чтобы звездные технологии не уничтожили чужую культуру? Давать ли местным Аратам

небесные молнии? (Ну ок, этот вопрос не настолько проклятый, пушки, пистолеты и арбалеты у них самих уже есть, но всегда же хочется большего.) Лезть ли в политику, и если да, то как это делать?.. Посмотрела бы, что там дальше будет. Развитая цивилизация идет знакомиться с менее развитой, а над ней в космосе висят более развитые.

Елена Клещенко

Начались съёмки фантастического сериала «Через тернии к звёздам». Однако никакого отношения к фильму Ричарда Викторова он не имеет: в основу сюжета лёг роман Кира Булычёва «Посёлок».

История создания романа «Посёлок» началась в 1980 году. Тогда в журнале «Знание – сила» была напечатана повесть Кира Булычёва «Перевал» – космическая робинзонада об экипаже звездолёта, потерпевшего крушение на далёкой неисследованной планете.

Выжившие земляне, спасаясь от радиации и сорокаградусного мороза, в спешке покидают повреждённый корабль, не успев взять ни оружия, ни инструментов, ни серьёзного запаса продовольствия. Они находят пригодное для жизни место, и с этого момента начинается долгая история их выживания на безымянной планете.

Спустя несколько лет Булычёв написал продолжение. История выживших разрослась до романа, состоящего из двух частей. Повесть «Перевал» стала первой частью. Вторая получила название «За перевалом».

Сюжет будущего сериала таков: космический корабль терпит крушение на неизвестной планете. Проходят годы, люди учатся выживать, но для спасения им необходимо связаться с землянами. Тем временем на орбиту планеты выходит корабль, экипаж которого ищет планету, пригодную для колонизации.

В ролях: Денис Шведов, Мария Андреева, Александра Бортич, Сергей Гилёв, Полина Цыганова, Илья Виногорский, Давид Сократян и другие.

Режиссёр и автор сценария – Карина Чувикова.

Сериал будет состоять из шести эпизодов.

RocketMan

Анджей Сапковский «Кровь эльфов»

Есть книги, которые продолжают начатую историю. А есть такие, после которых становится понятно: всё, что было раньше, оказывается лишь прологом. «Кровь эльфов» – именно такой случай. Это третий роман цикла о Ведьмаке и первая полноценная часть саги о Геральте, Цири и Йеннифэр. Роман вышел в 1994 году и стал переходной точкой между камерными историями первых книг и большой политической и военной историей, которая определит дальнейшую судьбу Континента.

Первые книги о Геральте во многом строились вокруг отдельных историй. Ведьмак приезжает в очередное место, сталкивается с чудовищем, проклятием, колдовством или человеческой глупостью,

а затем оказывается перед моральным выбором. В «Крови эльфов» всё становится иначе. Чудовища никуда не исчезают, но постепенно отходят на второй план. Теперь главная опасность исходит от людей – королей, политиков, магов, шпионов, фанатиков и военных. Это очень важная перемена. Сапковский как будто говорит нам: вы привыкли думать, что самое страшное существо в этом мире имеет когти, клыки и хвост, но теперь забудьте об этом. Настоящая опасность может выглядеть вполне цивилизованно. Именно поэтому роман гораздо меньше похож на традиционное героическое фэнтези. Здесь нет простой схемы «добро против зла». Есть интересы, страх, политика, расовая ненависть, месть и попытки использовать людей как инструменты.

Если в первых книгах главным героем безусловно был Геральт, то в «Крови эльфов» центр повествования постепенно смещается к Цири. И это один из самых интересных моментов романа. Цири ещё ребёнок. Она не великий герой, не опытная воительница и не могущественная чародейка. Она только учится. В Каэр Морхене её обучают ведьмачьему ремеслу. Она занимается фехтованием, тренируется, падает, ошибается, злится и пытается доказать, что способна справиться с тем, что от неё требуют. Цири постепенно становится человеком, вокруг которого начинают вращаться интересы огромного количества людей. Для одних она принцесса. Для других – наследница. Для третьих – инструмент. Для четвёртых – пророчество. Для кого-то она просто ребёнок, которого необходимо защитить. И в этом прослеживается главный конфликт романа: «Кем должна стать Цири, и кто имеет право решать это за неё?». Сапковский не даёт простого ответа.

«Кровь эльфов» особенно хорошо показывает, насколько изменился Геральт. Он всё ещё язвительный, упрямый и внешне холодный ведьмак. Он всё ещё пытается изображать человека, который существует исключительно ради работы. Но рядом с Цири эта маска постоянно трескается. Геральт уже не простой охотник на чудовищ. Отныне он воспитатель, защитник, наставник, и, фактически, отец. Причём сам Геральт не слишком хорошо понимает, как выполнять эту роль. Он умеет сражаться, умеет убивать чудовищ и умеет выживать. Но воспитывать ребёнка – совсем другое дело. Особенно интересно, что Сапковский не превращает Геральта в идеального отца. Он ошибается, недоговаривает, принимает решения за Цири и иногда пытается защитить её именно тем способом, который считает правильным, что делает его живым персонажем.

Если Геральт даёт Цири основу и ощущение дома, то Йеннифэр становится для неё совершенно другим типом наставника. Их отношения особенно интересны потому, что Йеннифэр не собирается обращаться с Цири как с хрупкой принцессой. Она требует от неё дисциплины, самостоятельности и ответственности. Постепенно отношения между ними выходят далеко за рамки отношений

ученицы и учительницы. Йеннифэр становится для Цири матерью – пусть и совершенно особенной, которая скорее заставит ребёнка собраться и перестать ныть, чем будет бесконечно утешать его. И здесь возникает одна из лучших тем романа: семья не всегда определяется кровью. Геральт, Йеннифэр и Цири связаны не обычным родством. Их связывает выбор. Они становятся семьёй потому, что выбирают друг друга.

Один из самых приятных аспектов романа – возможность увидеть ведьмачью школу изнутри. В первых историях Геральт существовал почти как одиночка. Теперь мы получаем возможность посмотреть на его прошлое и окружение. Каэр Морхен становится местом взросления Цири. Здесь есть тренировки, споры, шутки, бывалые ведьмаки и атмосфера своеобразного мужского братства. Но одновременно это место напоминает о прошлом. Ведьмачья школа постепенно исчезает – ведьмаки больше не нужны миру в прежнем количестве. Монстров становится меньше, а сам мир меняется. Получается своеобразный парадокс: Цири только начинает путь ведьмачки в тот момент, когда само ведьмачество уже находится в упадке. И поэтому её обучение приобретает дополнительный смысл: она становится наследницей мира, который постепенно исчезает.

На первый взгляд «Кровь эльфов» звучит как название, связанное с происхождением Цири. И это действительно важная часть истории. Но кровь в романе – не только биологическое наследие. Кровь становится символом происхождения, истории и конфликта между народами. Эльфы в мире Сапковского – не прекрасные бессмертные существа из классического фэнтези. Они переживают упадок, вытеснение и потерю собственного мира. Люди победили, но их победа не сделала мир справедливее. Именно здесь проявляется одна из характерных особенностей Сапковского: он не любит идеализировать ни одну сторону. Люди способны быть жестокими. Эльфы способны быть жестокими. Короли защищают собственные интересы. Маги преследуют собственные цели. Радикалы прикрывают насилие красивыми словами. А отдельный человек оказывается зажат между огромными историческими силами.

В романе появляется большое количество разговоров, совещаний и закулисных игр. Короли думают о войне. Маги обсуждают будущее. Шпионы ищут информацию. Разные силы пытаются понять, где находится Цири, и кому она может достаться. При этом Сапковский не превращает книгу в сухой политический трактат. Его политика живёт благодаря диалогам. Персонажи спорят, язвят, торгуются, манипулируют друг другом. Именно через разговоры Сапковский показывает, насколько сложным стал мир.

Если попробовать выделить одну черту, которая делает «Кровь эльфов» узнаваемой, я бы назвал именно диалоги. Персонажи Сапковского практически никогда не разговаривают просто для передачи информации. Они спорят, поддевают друг друга, скрывают истинные намерения, лгут, проверяют собеседника, пытаются получить преимущество. И поэтому даже разговор о вещах, которые формально не связаны с действием, способен удерживать внимание. Особенно хорошо это работает в сценах с магами. Здесь Сапковский разрушает привычный образ мудрых волшебников, которые спокойно сидят в башне и объясняют устройство мира. Его маги – умные, амбициозные, язвительные и зачастую совершенно не менее опасные, чем воины.

При всей серьёзности происходящего «Кровь эльфов» не превращается в беспросветную историю о войне и политике. Сапковский постоянно разбавляет драматические моменты юмором. Причём юмор у него часто появляется именно там, где его меньше всего ожидаешь. Персонажи могут обсуждать серьёзнейшие вещи и одновременно умудряться цеплять друг друга за самые болезненные места. Это важный баланс, т.к. без юмора «*Ведьмак*» мог бы превратиться в тяжёлое политическое фэнтези. Но без серьёзной основы юмор превратил бы его в пародию. Сапковский удерживает обе стороны.

Итог: «Кровь эльфов» – это книга, в которой «Ведьмак» окончательно перестаёт быть просто циклом фэнтезийных приключений. Сапковский расширяет масштаб повествования: вместо отдельных историй появляются политика, война, пророчества, национальные конфликты и борьба за власть. Но одновременно он делает историю гораздо более личной. В центре всего этого огромного мира оказывается девочка, которую слишком многие считают своей собственностью. И рядом с ней находятся два человека, которые постепенно становятся её семьёй. Поэтому, «Кровь эльфов» – это роман о взрослении, выборе, семье и попытке сохранить человеческое достоинство в мире, где человека постоянно пытаются превратить в инструмент. И именно здесь Сапковский особенно хорош: он рассказывает о магии и чудовищах, но в конечном счёте заставляет задуматься вовсе не о них. Потому что самое страшное чудовище в его мире по-прежнему выглядит как человек.

Жанр: Героическое фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

Алексей Североян

Нет слов!

Вот зачем множить путаницу без надобности?

Есть фильм «Через тернии к звёздам», над сценарием которого работал Кир Булычёв. И есть роман Булычёва «Посёлок», выросший из повести «Перевал» (она стала первой частью книги).

Сейчас же снимают мини-сериал «Через тернии к звёздам», но именно по роману «Посёлок». Неужели нельзя было придумать какое-то ещё название? Слов других нет?

Или это такой хитрый ход, чтобы проект обсуждали уже на старте? Если так, то получилось.

Судя по описанию, в сериал попадут события обеих частей романа, в том числе прибытие «Магеллана» к планете, где выживают космические робинзоны с разбившегося космического корабля. На сайте «Мира фантастики» уточняется, что мини-сериал снимают при поддержке «Роскосмоса» – фух, хотя бы звездолёт в кадре будет настоящий.

Ни даты выхода, ни трейлера пока, конечно же, нет, но на «Кинопоиске» можно увидеть несколько кадров со съёмок.

Павел Сидоров

19 августа:

Возвращение ужасной рубрики «Фантастические аннотации и какой кошмар нам предлагают прочесть». Я просматривал эти аннотации и поймал себя на мысли о слове, которое появлялось в «Гаражной распродаже» Кена Кизи: screwbooks – у меня был неверный вариант перевода, и редактор Макс Немцов справедливо назвал это дело «дрочекнижки». Вот что прекраснейшие юноши острова, что бывший инвалид войны в космосе, что колхоз-2010, что вся эта амурно-гламурная магия, что все эти стойкие волшебные легионы – это оно. Фантастика вырождается в феерический поток дрочекнижек. Извините, побуду пессимистом.

...приглашение в квартал сайя, где живут прекраснейшие юноши острова, кажется ей ненужным искушением. Однако за стенами, окутанными пьянящими ароматами камелий, скрываются настоящие мастера меча: юный сайя-шутник Аки, опасный мятежник Таро, чувственный танцор Хидео, отстраненный умник Кио и расчетливый интриган Кацу...

...Да и сил противостоять не особо много, как и желания. Но когда очень надо, когда тот, кто, как и демоны, не умеет сдаваться, добывает тревожные сведения... Пусть никто не верит, а сил для полноценной войны нет, но уж устроить вылазку ему по силам. И вновь по региону катится волна движения. Множество людей идут туда, где прозвучал зов: «Легион стоит здесь!..» [популярный цикл «Стоячий легион», да]

...Магия, какао и два невыносимых парня. Что может пойти не так?.. [с точки зрения УК РФ – практически всё]

...В столице Давора – Диссе, сгущаются тучи: после неудачного покушения на короля заговорщики готовят новый удар – канцлер Оквус нацелился на трон. Ему может помешать лишь тайная служба во главе с Долимаром. Тем временем во враждебном Кразоре разгорается своя борьба: прим-паладин бросает вызов верховному епископу, а церковники собирают армию у границ Давора. На

острове Солх главный маг Фэндал стремится заполучить загадочный артефакт, чтобы вернуть к жизни древнее божество, – но у мейра Вальдена, отправленного на поиски, свои планы... [первый роман трилогии «Кто на ком стоял»]

...«Бродяга. Проклятье бездны» – боевая космическая фантастика о человеке, который после тяжёлых потерь пытается снова собрать свою жизнь и вернуться к борьбе. Это продолжение цикла о бывшем инвалиде войны, оказавшемся в далёком будущем среди пиратских кораблей, искусственных интеллектов и межзвёздных конфликтов. В центре сюжета здесь не только внешняя угроза, но и внутренний кризис героя, переживающего отчаяние и заново ищущего опору. Сюжет соединяет космическое действие, тему выживания и значимость поддержки... [среди ИИ, в мерцании светил!..]

...Поездка со студентами на сельхозработы добавляет к этим заботам новую проверку на прочность: в непривычной обстановке приходится держать удар и в бытовых конфликтах, и в куда более опасных столкновениях... («СССР 2010. Иди, товарищ, к нам в колхоз») [рабочее название «Хорошо в краю родном, пахнет сеном»]

Николай Караев

Прочитала **«Детей времени» Чайковски**. Доктор Аврана Керн участвует в проекте «Возвышение», в рамках которого спроектированный нановирус ускоряет умственное развитие животных. Но в момент, когда она сама собирается триумфально приземлить на специально терраформированную планету своих зараженных обезьян, террорист-традиционалист все портит. Обезьяны сгорают в атмосфере, честолюбивая Аврана Керн засыпает в спутнике и приказывает ИИ следить за происходящим на планете, все еще надеясь, что с обезьянами все ок, а спустя множество лет с разбомбленной террористами Земли прилетает корабль-ковчег с колонистами. Никто из них еще не знает, что разумная жизнь на планете действительно образовалась. Но поумнели... пауки.

У книги шикарная завязка, вяловатая середина и скороспелый финал. Чайковски решил усложнить себе задачу – и амбициозно провести две непростых линии параллельно. Одна – постепенная эволюция пауков и их битва с муравьиными колониями, завершившаяся их химическим порабощением. Другая – мытарства корабля поколений, который Аврана Керн изгнала прочь, чтобы оставить свой эксперимент нетронутым. Я не уверена, что вторая часть была нужна именно в таком виде, потому что она, скорее, утомляет, а дружба между народами хоть и приятно греет, выглядит как минимум скороспелой. Чайковски объясняет это заражением вирусом, поддерживающим общность разумных существ. Также я не могла избавиться от раздражения, что пауки к концу выглядят чрезмерно антропоморфными, хотя это также может быть объяснено направленностью вируса.

С другой стороны, Чайковски действительно вложил усилия в проектирование паучиной цивилизации, и представлять гигантские паучиные города интересно. «Дети времени» – это начало тетралогии про разные разумные расы, последующие тома которой не переводились на русский (опять).

Жанна Пояркова

Величественная космогония русского фольклора регулярно спотыкалась о грехопадение, которое в его церковном формате было совершенно непонятно крестьянам. В итоге им приходилось

сочинять собственные объяснения, приноравливая к своим нравственным понятиям.

Обычно грехопадение рисовалось в формате порнофильма: Ева с Адамом грешили так, что Богу стало противно, он их и выгнал. К этому прикручивали и наивную этимологию.

После сотворения мужчины Бог сделал женщину. Увидел мужчина ее прелести и восторженно прикрикнул: «Эва!» А она ему глазом подмигнула: «А дам!» Рассердился Господь: «Ах вы пакостники! Не успели увидать друг дружку, как уже всякие пакости вам в голову полезли. Убирайтесь вы с глаз Моих прочь, чтобы я вас больше не видал. А чтобы вы помнили постоянно, какую срамоту в раю учинили, так и пусть эти первые ваши слова будут вам именами, ты будешь Эва – Ева, а ты А-дам». И на дорожку налил им по стопке, выпить с горя.

Закусить «посошок» запретным яблоком им посоветовал дьявол (*Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 7. Ч. 2. С. 146*).

Приделывали к грехопадению и разные народные правила, обыгрывая идею яблока (кстати, запретными могли выступать еще и виноград, просто «ягоды» и т.д.).

Рассказывали, что Господь в раю запретил Еве и Адаму есть яблоки до Второго спаса, но Ева не удержалась, поела – их и выгнали (*АРЭМ. Ф. 7. О. 1. Д. 1352. Л. 15*).

Запрет на яблоки до Второго спаса (по нашему, до Яблочного спаса) был очень распространенным и строгим. В деревнях не возникало сомнений, что именно неурочное вкушение яблок возмутило Господа.

Почему? Потому что, по народным представлениям, если ешь яблоки до спаса, то твоим мертвым малым детям на том свете яблочек не дадут. А мертвых малых детей в каждой семье был десяток.

Историй об этом ходила тьма. «Обмиралы» (т.е. обмиравшие, т.е. побывавшие в летаргическом состоянии и «на том свете») рассказывали, как такие дети мучаются и рыдают, когда всем ребятишкам ангелы дают яблочки, а их гонят прочь. Впечатлительные сердобольные матери видели примерно то же в своих снах. И рассказывали потом:

«Что ж я и нажрусь преждевременно, а моему детеночку и не дадут на Спас, всех там будут оделять, все будут есть почем зря (вдоволь), а он и будет глядеть на всех, как сиротка».

И не только яблоки, кстати. Ангелы не давали мертвым груши, сливы, вообще любые плоды, которых поели невовремя нерадивые живые родственники. Да и не только детям. Покойным матерям и отцам тоже ангелы могли не выдать фруктов, и приходилось им плакать, горевать и обижаться на живых.

Поэтому правило «до спаса без яблок» действовало без осечки. И было таким весомым, что попало в космогонию.

Антон Нелихов

20 августа:

«Марс Медиа» и Первый канал начали проект киновселенной, включающей фильмы, сериалы и игры, объединенные миром, где цивилизация изменилась после инопланетного визита. Первым выпустят фильм «Машина желаний»: о сталкере, рискующем жизнью, чтобы достать загадочные артефакты в Зоне – месте посадки пришельцев. Его снимут по одноименной киноповести братьев Стругацких, которая была одним из первых сценариев к фильму «Сталкер». Братья писали повесть вместе с Андреем Тарковским по мотивам «Пикника на обочине» – на тот момент сценарий много раз

перерабатывали, и оставили почти без фантастической части. Сейчас для кино планируют использовать именно одну из изначальных версий. Продюсеры – Константин Эрнст, Сергей Титинков, Рубен Дишдишян. Съемки стартуют в 2026 году, пока без заявленного состава актеров и даты премьеры.

Андрей Козлов

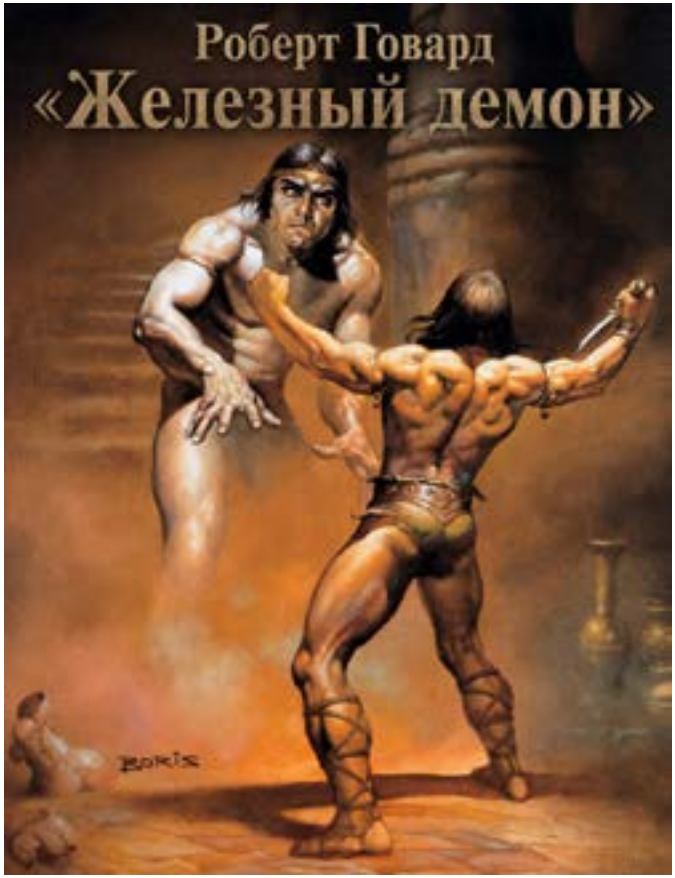
Начались съемки сериала по «Поселку» Кира Булычева, очень мною любимой книжке. К сожалению, концепты, которые я рисовал к нему, в продакшн не пошли. Но зато я могу их тут опубликовать.

Алексей Андреев

Роберт Говард «Железный демон»

В рассказе «Железный демон» сюжет довольно прост, зато атмосфера работает безотказно. Здесь писатель соединяет привычное приключение с мрачным хоррором и отправляет своего героя туда, где человеку лучше было бы не появляться.

Конана заманивают на остров Ксапур, используя в качестве приманки пленницу Октавию. Однако ловушка быстро выходит из-под контроля. Среди древних руин герой сталкивается с Косатралем Келем – существом, существовавшим задолго до



известных Конану цивилизаций. Это не обычный противник, которого можно победить силой меча. Перед Конаном оказывается практически бессмертное создание, для которого человеческая история – лишь короткий эпизод.

Именно Ксапур, пожалуй, является главным достоинством рассказа. Говард прекрасно умеет создавать ощущение древности. Развалины здесь напоминают о цивилизации, которая исчезла, оставив после себя не только камни, но и то зло, которое она когда-то пыталась уничтожить. В этом есть характерная для писателя мысль: человек может считать

себя хозяином мира, пока не столкнётся с чем-то, существовавшим задолго до него.

Образ Косатраля Келя тоже получился удачным. Он интересен не только внешней мощью. В нём чувствуется существо из совершенно другой эпохи, которое не желает мириться с тем, что его время закончилось. Правда, Говард использует этот образ не полностью. История древнего демона могла бы стать отдельным полноценным сюжетом, но в рассказе она в основном служит основой для очередного испытания Конана.

Сам Конан здесь показан именно таким, каким его любят поклонники Говарда: решительным, физически сильным и практически неспособным отступать перед опасностью. Он не пытается долго рассуждать о природе сверхъестественного. Если перед ним появляется чудовище, значит, нужно найти способ его уничтожить.

Слабее выглядят второстепенные персонажи. Октавия в основном остаётся классической героиней фантастики начала XX века – пленницей, которую необходимо спасти. Заговорщики тоже не отличаются особой глубиной. Но требовать от рассказа сложной психологической драмы было бы странно: Говард писал стремительное приключение, а не реалистический роман.

Итог: «Железный демон» – крепкий, атмосферный рассказ, построенный на столкновении человеческой воли с древним и почти непостижимым злом. Сюжет здесь не поражает оригинальностью, зато остров Ксапур и образ Косатраля Келя надолго остаются в памяти. Главное достоинство рассказа – ощущение того, что под привычным миром существует куда более древняя и опасная история. И Конан, как всегда, готов сунуться туда первым – желательно с мечом в руке.

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Салман Рушди, «Одиннадцатый час». Изд. Corpus

Сборник рассказов Салмана Рушди, «квинтет историй», объединен размышлениями о смерти. Но здесь она представляется не как некая черта перед небытием, и уж точно ни как старуха с косой со средневековых гравюр. Смерть в «Одиннадцатом часе» это процесс: угасание, увядание, исчезновение. Пропадают старые название улиц в любимом автором Бомбее, полном волшебства из «Детей полуночи», меняется язык выдуманного городка, один из двух медленно превращается в тень, исчезает именитый писатель и сходит с ума молодой. Тексты о мести и свободе слова, об обретении счастья (может, иллюзорного?) и, в конце концов, об искусстве, не знающем смерти – все это Рушди собирает под одной обложкой.

Герои, как и сам автор, слышат роковое биение одиннадцатого часа собственной жизни, чувствуют приближение полуночи, и все действует по-разному: кто-то оглядывается назад и пытается понять, добился ли чего-то достойного, а кто-то то погружается в глубокую рефлексию, то смеется в лицо смерти. Несмотря на фирменную рушдианскую иронию, которой в книге хватает, большая часть рассказов сборника пронизана ощутимой тоской. Их переполняет печаль маркевсовских стариков, будто сбежавших в чужую прозу. Но увядающие герои Рушди лишены страстей, они не росли под горячем солнцем Латинской Америки, не пили чудодейственных эликсиров жизни, оторвались от корней – это философы, мыслители, наблюдатели. Печальные, но как иначе? И сам Рушди – точно такой же наблюдатель, остающийся в «Одиннадцатом часе» знакомым читателю лукавым факиром, только поседевшим, опечаленным. Речь его также извилиста и чарующая, улыбка до сих пор дурит,

блистает, а вот взгляд, поблекший и полный слез – выдает.

Какими еще глазами, спрашивается, смотреть на нынешнюю реальность?

Денис Лукьянов

ИИ – метаинтерфейс между человеком и реальностью

Он становится полупрозрачной живой линзой – второй сетчаткой между человеком и миром

В недавнем эссе NYT ***Элис Лассман*** *назвала ИИ «**социальным герметиком**»: он заполняет щели человеческих отношений. Некому написать, не хочется беспокоить друга, страшно спросить напрямую – обратись к ChatGPT.*

Но метафора «герметика» описывает лишь часть происходящего.

ИИ одновременно становится «**социальным лубрикатором**», снижающим трение между людьми: он объясняет чужие сообщения, подбирает правильные слова, помогает репетировать трудные разговоры и избегать конфликтов.

А еще он работает «**социальным амортизатором**» – принимает на себя первый удар раздражения, тревоги, ревности или обиды и возвращает человеку уже переработанную версию его эмоций.

Получается, что ИИ выполняет как минимум три новые социальные функции: **заполняет пустоты, снижает трение и поглощает удары** при коммуникации людей.

Но самое важное начинается за пределами коммуникации.

ИИ превращается в новый интерфейсный слой среды существования разума.

Он все чаще оказывается не только между **человеком и человеком**, а также и между **человеком**

и текстом, событием, знанием, проблемой, собственной мыслью.

Т. е. меняется сама среда, внутри которой мы **понимаем, интерпретируем и познаем мир, а коммуникация – лишь один из ее процессов**.

Культура единственного носителя интеллекта постепенно превращается в гибридную культуру **двух типов носителей – биологического и алгоритмического**, то есть в **алгокогнитивную культуру**.

И одним из ее ключевых отличий становится **трансформация культурной медиасреды**.

ИИ постепенно превращается в **метаинтерфейс между человеком и миром**. Для математика,

исследователя, дизайнера, поэта, студента или школьника это будут разные специализированные ИИ-интерфейсы. Но общий принцип один:

мы всё чаще обращаемся к миру через другой интеллект.

Прежде главным интерфейсом человека с информационной реальностью были экран, меню, поисковая строка. Теперь им становится другой носитель интеллекта.

В 1970–1980-е графический интерфейс изменил способ взаимодействия человека с компьютером – и помог превратить компьютер в массовый цивилизационный инструмент.

Сейчас происходит смена куда более высокого уровня.

Меняется интерфейс не между человеком и машиной, а между человеком и реальностью.

И впервые в технологической истории человечества этим интерфейсом становится **иной интеллект**.

Сергей Карелов

Очередная пятиминутка совершенно бесполезной для вас информации.

1. Утром в газете, вечером в куплете:

2. ГОЛУБОЙ ПОПУГАЙ

Госпожа Бок вошла в кафе, как входит в порт гоночная яхта. Остриженная, как мальчик, она была необыкновенно хороша. Её ярко-синий наряд не скрывал ни одного изгиба, но горели на этом наряде в положенных местах прокурорские звёзды. И поэтому перед собравшимися возникла тяжело вооружённая яхта, а, может быть даже – крейсер.

За госпожой Старшим советником семенило несколько человек в форме и штатском.

В кафе «Голубой попугай» сразу стало тесно, хотя посетителей там не было.

Персонал, переминаясь, жался по стенам, а по центру, как пингвины, прохаживались полицейские.

Неподвижными были только сто попугаев, лежавшие рядами без признаков жизни.

Госпожа Старший советник изволила видеть хозяина. Его только что привезли, выдернув из постели. Это был какой-то малыш с детским выражением лица. Он действительно был мал, как воробей, поправлял круглые очки-велосипед, а из-под курточки торчали пижамные штаны – все в маленьких попугайчиках. Высокий полицейский стал шептать Старшему советнику, что это ненастоящий хозяин, совладелец, а настоящего ищут.

Второй полицейский зашептал госпоже Старшему советнику в другое ухо, что ищут, но не могут найти. Примет нет, среднего роста, плечистый и крепкий. Кажется, всё время ходил в шляпе... Нет, в кепке. Нет, всё же в шляпе – с широкими полями.

Малыш стоял перед советницей, как птичка перед кошкой.

Кажется, она даже облизнулась. Госпожа Старший советник, разумеется, а не птичка.

Этот в очёчках был ей совершенно понятен. Диплом с отличием, орнитолог, помешан на всей этой летающей мерзости, от вида мёртвых попугаев упал в обморок. Но кто его партнёр, вот вопрос?

А партнёр Малыша в этот момент мчался в аэропорт. Афанасий Магомедович Карлсон был фигурой загадочной. Не было никакой уверенности, что зовут его именно так, а не, скажем, Шамиль Моисеевич Синдерюшкин. Никто не знал, какого цвета у него паспорт, но все предполагали, что такой человек не может обойтись одним гражданством.

Определённо о нём можно было сказать одно: внешне господин Карлсон чрезвычайно походил на сову. Среди речи он внезапно разражался уханьем,

МОСКВА, 19 августа. /ТАСС/. Сотрудники столичной прокуратуры обнаружили более 100 мертвых птиц в морозилке в столичном антикафе. Об этом ТАСС сообщили в московской прокуратуре.

"Межрайонная природоохранная прокуратура по поступившим обращениям провела проверку в одном из антикафе. В помещении, где содержалось свыше 200 птиц, выявлены многочисленные нарушения требований законодательства об ответственном обращении с животными, ветеринарного законодательства, лицензионных требований", - сообщили в ведомстве.

Кроме того, в морозильной камере в антикафе были обнаружены более 100 мертвых птиц, в ходе исследования которых выявлены травмы, несовместимые с жизнью.

заменявшим смех, его подчинённые говорили, что он мог часами смотреть им в глаза не мигая (это, разумеется, преувеличение – они теряли сознание гораздо раньше), а уборщица утверждала, что по вечерам он сидел в своём кабинете на подоконнике, будто собираясь вспорхнуть и улететь.

Господин Карлсон не суетился, не паковал лихорадочно вещи, у него всё было готово на такой случай.

Себя он корил только за одно, за непростительную мелочь, Мусорщика надо было убрать сразу, а не разговаривать с ним, будто в американских фильмах, где тень падает наискось на лица и табачный дым струится к потолку.

Мусорщик почувствовал силу и запросил вдвое больше. Нужно было кивнуть и улыбнуться, а Карлсон возмутился. Это было не очень хорошо, хуже того – это было непрофессионально. Кивнуть и улыбнуться, найти нового мусорщика, а этого утилизовать как его клиентов. В птичьем помёте тело растворяется без остатка, и он давно знал нужных людей на птицефабрике.

А ведь это была прекрасная идея: маленькое неприметное антикафе. Он нашёл глупого учредителя по спискам победителей биологической олимпиады. Они ещё спорили, как его назвать. Карлсон предлагал «Живущие на крыше», а Малыш – «Счастливый попугай». Победил попугай, став отчего-то голубым.

Но «Голубой попугай» хранил тайну: как только уходила дневная смена, на её место заступали совершенно другие работники.

По ночам в антикафе происходили бои попугаев. Ночные посетители разительно отличались от расслабленных хипстеров, что заглядывали туда днём. Когда закрывался парадный вход, во двор вплывали чёрные лаковые автомобили. Кафе наполняли мрачные толстяки, роковые женщины с сигаретами в мундштуках, зловещие красавцы в татуировках.

И вокруг них летали перья.

Мёртвого неразлучника тащили с ринга за лапку.

На смену ему выходил какаду-убийца с покрашенным в разные цвета ирокезом. От гиацинтового ара остаётся только синее крылышко, и вот уже ведут кого-то на замену.

Всё это придумал Афанасий Магомедович, никто другой. Именно по его желанию кафе расставались с жизнью сотни попугаев.

И именно из за его ссоры с Мусорщиком «Голубой Попугай» погиб.

Мусорщик решил отомстить. Он собрал мёртвых попугаев у старух и мальчишек, в зоопарке и зооуголках, и вместо того, чтобы вывезти трупы после очередных боёв на выживание, разложил ровно сто попугаев в кафе, на удивление утренним посетителям.

Месть была бы идеальной, если бы Мусорщик так не наследил. А он ведь даже написал на стене слово «мстя», запутавшись в окончаниях.

Карлсон сидел в своём кресле А1, когда на другом краю города госпожа Старшая советница слушала доклады подчинённых. Подчинённые помнили, что она возмутительно хороша, как те актрисы в фильмах без перевода, что появляются в кадре с хлыстом, и поэтому звали её «главмучительницей». Им-то было известно, чем оборачивается немилость начальницы.

А сейчас она была в бешенстве: всё было не хорошо, и даже очень нехорошо. Дело резонансное, пустить этого глупого орнитолога на корм публике не выйдет. Он слишком жалостливо выглядит, это плохая жертва. Но вот этот утилизатор, король мертвецов, падальщик...

...Завыли турбины. Карлсон положил голову на бок и закрыл глаза.

Госпожа старшая советница нервничала и даже сломала карандаш. «Пустяки, дело житейское, — пробормотал подчинённый, которому грифель попал точно в лоб.

Самолёт оторвался от земли.

— Я улетел. Но надо пообещать себе вернуться, — подумал Карлсон и, потянувшись, решил что-нибудь поклевать.

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что во́ поле Епифанском, под деревом царским, три орла орлуют, одним яйцом даруют.

Владимир Березин

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 125

Давненько в Избу-читальню не завозили Елизарова. Так получилось, что сериал я посмотрел раньше, что у меня случается крайне редко. В целом понравилось, но с книгой всё же хотелось ознакомиться. Восполняю пробел.

БИБЛИОТЕКАРЬ. Михаил Елизаров

Тут, конечно, поле непаханое для шуток про избу-читальню, т.к. в мире «Библиотекаря» именно такие вот читальни бьются смертным боем за книги малоизвестного советского писателя Громова. Причём бьются натурально, до смерти, исключительно

на холодном оружии. Потому как книги эти обладают невероятными силами. Короче, тут и про глагол «начитался» море шуток.

Экспозиция неспешная. Елизаров долго рассказывает про Громова, про его книги, но больше про становление читален. Поглавно описывает кто, как и какую книгу для себя открыл, и что с этим открытием делал. Рассказывает краткие жития громовских святых и подвижников. Живописует важные битвы за сферы влияния. Причём делает это несколько отстранённо, но не скучно. Легко лепит мир, который держится на тайне, которая, как показывает практика, мало что, кроме этой тайны, даёт её обладателям.

Происходит всё это на излёте девяностых, так что худо-бедно можно закрыть глаза на чудовищную мясорубку, в которой живут читальни, и то невообразимое количество трупов, которое они после своих битв оставляют. Елизаров, живя уже в относительно спокойных нулевых, умудрился грамотно ухватить то ощущение потерянности, когда не стало Союза. (по)Читатели Громова ищут опору в этом чужом озлобленном мире, и находят её в таких же, как они слабых потерянных людях и в магических книгах, сохранивших душу могучего государства.

Когда раскручивается история Вязинцева, библиотекаря поневоле, у читателя уже имеется сложившаяся картина мира, и потому водоворот насилия, в который погружается главный герой, не кажется каким-то внезапным. Разве что количество второстепенных героев, которые умирают быстрее, чем у Мартина, может местами сбивать с толку. В остальном это бодрый и очень кровавый боевик в обёртке мистического соцреализма. Ну, или наоборот, кому как больше нравится.

Неизбежное сравнение с сериалом, для меня лично вылилось в ничью. В сериале несколько иная подача, что логично для формата, вынужденного хватать зрителя за жабры с первой серии. Немного изменено развитие событий. Есть разница в финале. Нет, итоговая точка, в которую приходит герой, одна и та же. Немного отличаются пути ведущие к Книге Смысла. В остальном, и сериал

и первоисточник есть за что поругать, и за что похвалить. По счастью, куда чаще хочется именно хвалить.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

The Return / «Возвращение Одиссея» (2024, реж. Уберто Пазолини)

Если «Одиссея» Нолана для вас чересчур голливудская, прилизанная и не похожая на оригинал, то имеется другой, относительно свежий вариант того же сюжета. Но учтите два момента: во-первых, в «Возвращении» на самом-то деле еще меньше мифического и мистического, чем в «Одиссее» Нолана (попросту ничего такого нет, даже воображаемых богов, даже воспоминаний про циклопов, Цирцею и прочее). Во-вторых, хоть «Возвращение» – явно другое кино, европейское, фестивальное, у него с фильмом Нолана полностью совпадает один из главных мотивов. То есть здесь тоже выдвигается на передний план тема «ветеран с ПТРС вернулся домой». А прочее, соответственно, задвигается куда-то подальше.

И потому «Возвращение» – фильм довольно камерный и медленный. Действия почти нет; всё, что предшествует той самой сцене с расстрелом, вполне можно описать словами «женихи бесчинствуют». А Одиссей, конечно, мучается от невозможности снова вписать себя в жизнь родного острова, ради чего он готов землю есть, но все усилия тщетны – прошедшие годы уже не вернуть, мертвых не оживить. Кто бы сомневался, что актерский тандем Файнс и Бинош будет блистать, и я рискну предположить, что другие актеры не смогли бы так передать эмоции персонажей, сыграть столь трепетно и нежно двух страдающих людей, которые когда-то друг друга очень любили, а теперь сами не понимают, что чувствуют.

Но на фоне этой очень мощной игры все прочие действующие лица меркнут. Телемах здесь просто никакой, среди женихов как-то выделяется Антиной, да и то лишь на тройку с плюсом.

В общем, это тоже не экранизация «Одиссеи» Гомера, а размышление по мотивам. Даже с учетом упомянутого минуса и особенностей режиссерского взгляда, вполне достойное, просто от него не надо ждать соответствия тексту. Посмотреть стоит ради Файнса и Бинош, а еще, конечно, ради поразительных греческих пейзажей.

Наталия Осояну

21 августа:

В ноябре выйдет Moomin: Midsummer Madness – новая игра по мотивам произведений Туве Янссон о муми-троллях.

Разработчики обещают уютную атмосферу, неожиданные сюжетные повороты, лёгкий юмор и трогательные моменты. Само приключение рассчитано на игроков любого возраста.

Мир фантастики

Mark Tedin

Надежда Попова «Ловец человеков»

По жанру роман можно отнести к детективной фантастике в антураже альтернативной истории. На мой взгляд, это очень интересный формат литературы: мы получаем всю палитру ярких красок от фантастики, а загадки и тайны от детектива. «Ловец человеков» лишь первый том большого цикла «*Конгрегация*».

Мир, в котором происходит действие романа, представляет собой альтернативную Германию XIV века. Отличие от реальности в том, что ведьмы, колдуны, вампиры и оборотни здесь реальны (хотя на страницах книги мы их пока не встречали). Также заметные изменения претерпела Священная Инквизиция. Она теперь носит название Конгрегация и несколько меняет свои методы работы: инквизиторы стали более гуманными и разумными – всех подряд не сжигают на костре по первому же доносу. Но простые крестьяне не очень-то верят в гуманность Конгрегации и по-прежнему боятся её. Прорисовка мира довольно подробна, но при этом не перенасыщена описаниями. Автор кратко и ёмко погружает нас в атмосферу мрачного Средневековья, с его самобытной культурой.

Главный герой – Курт Гессе – майстер инквизитор, следователь-дознаватель Конгрегации. Повествование ведется от первого лица, что позволяет лучше понять его мысли и чувства, объяснить поступки. Описан Курт неплохо и представляет собой непростую противоречивую натуру. Лишь недавно окончив академию Святого Макария с отличием, молодой дознаватель прибывает в глухую деревушку для расследования таинственных убийств. Всё тяжёлое обучение не подготовило его к реальной работе – ведь это его первое дело. Он находится в постоянных метаниях и сомнениях, очень боится ошибиться и наказать невиновного. Нередко Курт полагается на интуицию, действует вопреки логике. Перед нами не гениальный сыщик, а молодой парень, старающийся делать свою работу хорошо. Постепенно он разочаровывается в окружающем мире, совершает ошибки и расплачивается за них – интересный путь взросления главного героя. Понравилось то, что майстер Гессе не гениальный и непобедимый супергерой, а обычный человек со своими слабостями и достоинствами. Он не является идеализированно положительным: для достижения своей цели он готов пойти на угрозы и шантаж. Но всё это во имя торжества справедливости.

Второстепенных героев не очень много, но практически каждый из них является связующим звеном для повествования. Это встречается не так часто в литературе. Если убрать одного из этих персонажей, сюжет распадётся, потеряет целостность и логику повествования. Да, есть безымянные персонажи, не обладающие подобным свойством, но все «именные» безусловно важны.

Экшена здесь немного: по сути, боевые действия появляются только в конце. Но это не минус для

детективного жанра – акцент делается на другом. Герой ищет подсказки, продвигается в своём расследовании, неоднократно заходит в тупик и снова находит верную нить расследования. Так что в плане детективной составляющей тут всё на высоте.

Очень хорошо проработана психология персонажей. Мы проникаемся образом мыслей Курта, сочувствуем ему и размышляем над загадками вместе с ним. Некоторые второстепенные персонажи прописаны ничуть не хуже. Поражает достоверность в описании мышления жителей деревни: недоверие, презрение, страх – всё смешалось воедино. А уж что станет со всеми ними, когда их объединит чувство толпы...

Итог: В общем и целом, роман получился увлекательным, но не без незначительных шероховатостей. Понравится, как любителям фантастики, так и фанатам детективов. Ну а я продолжу дальше знакомиться с приключениями майстера инквизитора.

Жанр: Героическое фэнтези/Детектив

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Призыв писателя 80-го уровня

В фантастических кругах я наблюдаю следующий феномен: шаманы и заклинатели разных мастей, часто незнакомые друг с другом, охвачены единым желанием призвать в наш мир “новых Стругацких”.

В этом желании (понятном, благородном, одобрительном), они строят соломенный макет писателей, устраивают вокруг него пляски и кличут изо всех сил: авось, с небес, откуда раньше спускались великие произведения, снова сойдет литературная благодать. Нужно только очень сильно верить (как верят в американских богов в одноименном произведении Геймана), и в каждой птице видеть самолет, который доставит в этот забытый край следующего пророка.

Феномен проявляется в деталях.

Василий Владимирский, заслуженный критик фантастики, с надеждой ищет новых Стругацких в каждом писателе, создавшем хоть сколько-нибудь крепкое фантастическое произведение. В своей деятельности (статьи, рецензии, составление сборников, ведение курсов (в которых участвовал и я)) Владимирский постоянно ставит АБС в пример и всячески намекает, что стремиться надо именно туда. Может быть, поэтому он склонен преувеличивать значимость некоторых произведений и авторов: он пытается формировать реальность, а не только ее описывать. Прорывными чертами наделяются, например, пустые постмодернистские произведения Веркина и не совсем научно-фантастические некоторых других писателей (писательниц). А делать им на этом пьедестале нечего. Где Веркин и где Стругацкие! Даже не близко – по причинам, которые мы тоже скоро обсудим.

Еще один сигнал, которому лично я был свидетелем: на конкурс ФЛР-28 был представлен рассказ а-ля «Пикник на обочине» (скорее, “S.T.A.L.K.E.R.”), совмещенный с “Улиткой на склоне” под названием “Восемнадцать правил для выхода”. В нем есть “Зона”, есть загадочное НИИ, есть странные NPC, и все это присыпано регламентированной непонятностью происходящего. Реакция многих участников: “Это как у Стругацких, ура!” – и рассказ побеждает, разжигая надежду с новой силой.

На форумах Фантлаба и в рецензиях, коих я перечитал массу, не только сравнивают со Стругацкими, но и сходятся во мнении, что никто к ним и близко не подошел, а жаль. При том, что в Союзе было аж два великих: Ефремов и АБС, а где-то

недалеко творил еще один выдающийся писатель – Станислав Лем. На редкость удачные годы для фантастики и литературы!

И я полностью согласен: писатель, сопоставимый по силе и значимости, нашей фантастике нужен как никогда. Спрос как будто бы есть, где же предложение?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует в очередной раз попытаться понять, чем же Стругацкие были замечательны и чего не хватает сегодня.

Продолжение следует.

Александр Гранин

22 августа:

Третья часть **«Иерусалима»** знатно даст вам прикурить: **Алан Мур** стилизовал почти каждую главу под центрального персонажа, написав пьесу, поток сознания, кашеслов, поэму, главу в два шрифта, детектив и между ними что-то, полное метафор и удивительных фактов.

Герои возвращаются с небес на землю и ждут выставку картин Альмы Уоррен, посвященную похождениям ее малолетнего братца Мики по закоулкам Души.

Повзрослевший Майкл с трудом принимает события, восстановленные Альмой по его рассказам. И все же, переходя от полотна к полотну, от макета к инсталляции, он ощущает смутное беспокойство узнавания, с чем и обращается к своей сестре.

Ответы Альмы полны того света, который каждому нужен в конце туннуля. Тут нет никакого ерничества, никаких скабрезных намеков и тем. Говорит она, что в пору высекать на камне. И несколько выжимок из ее речи я хочу оставить здесь на память.

Рано или поздно люди и места, которые мы любим, уйдут, и единственный способ их сберечь – искусство. Для того искусство и нужно. Оно все отбирает у времени.

Я восхищена памятником, который Мур сотворил своему родному городу, написав Иерусалим, где каждая буква дышит временем, прожитым среди его камней.

Я восхищена посвящением, которое писатель выбрал для своей эпопеи, рассказав страшную историю – чтобы помнить, чтобы не соглашаться с интригами, сплетенными вокруг безвинных.

Он поистине забрал Нортгемптон у времени. У каждого его слоя. Все дороги ведут в Рим? Отнюдь! – в Нортгемптон. Там этот незримый Иерусалим.

Там то сердце, которое болит за каждого. Там тот самый колокол, который звонит по тебе.

А самое важное для меня – здесь, в цитате ниже. Со времен финального монолога сталкера из Пикника Стругацких я не встречала ничего, что хотелось бы так же затвердить наизусть:

Иерусалим – он везде, где есть нищие и обездоленные. Если Эйнштейн прав, тогда пространство и время – это одно и то же: как, не знаю, большой стеклянный футбол, причем американский,

с мячом от регби, где в одном конце – Большой взрыв, а в другом – Большой хлопок, или что там будет. А все мгновения посередине, мгновения наших жизней – они вечны. Ничто не движется. Ничто не меняется, как пленка фильма, где все кадры зафиксированы на своем месте и не шелохнутся, пока по ним не пробежит проекторный луч нашего сознания, и тогда Чарли Чаплин сорвет котелок и обнимет девушку. А когда наши фильмы, наши жизни – когда они подходят к концу, не представляю, что остается нашему сознанию, кроме как вернуться к началу. Все в бесконечном повторе. Каждый момент вечен, а если это правда, то каждый последний человек – бессмертен. Каждая зона сноса – вечный Золотой город.

Юлия Евдокимовская

В трилогии Питера Уоттса «Рифтеры», выходившей с 1999 по 2004 год, упоминаются «умные гели» – биологические вычислительные системы, способные обучаться и решать задачи.

Идея Уоттса опиралась на реальные исследования: уже тогда проводились эксперименты с культурами нейронов, которые подключали к электронным системам и обучали управлять виртуальными объектами и роботами. Сам Уоттс позднее писал, что с немалым удовольствием наблюдал за первыми успехами таких «культур нейронов».

Недавно в Сингапуре представили прототип биологического дата-центра. В его основе – живые человеческие нейроны, выращенные из стволовых клеток и подключённые к электронике. В установке используются 20 модулей CL1, объединённых в серверный шкаф.

Это гибридная система, в которой биологическая нервная ткань участвует в вычислениях: нейроны получают сигналы, обрабатывают информацию и способны обучаться.

Одна из целей разработки – снизить энергозатраты на вычисления.

Сдавать видеокарты в утиль пока рано, это всего лишь исследовательский прототип. Но направление показательное.

У Уоттса умные гели, как водится, создали человечеству серьёзные проблемы. И нам, возможно, осталось не так долго ждать, чтобы проверить, было ли его предположение верным.

RocketMan

23 августа:

Конек-Горбунок

Заинтересовался внезапно сказкой Петра Ершова «Конек-Горбунок» и перечитал ее и другие произведения Ершова чтобы понять для себя – готов ли я верить легендам, будто за Ершова ее писал Пушкин ради шутки, тайного гонорара или просто на спор?

С одной стороны, как когда-то заметил еще Березин, народная молва норовит всё типизировать и переприписать топовым брендам. В том смысле, если автор цитаты или фигурант биографического анекдота какой-нибудь физик Фано, то через два-три пересказа в соцсетях он непременно превратится в Эйнштейна – такой физик простым читателям понятней. Пушкин же и вовсе стал символом всего «А пылесосить кто будет? Пушкин?», поэтому логично, если отдельные мыслители разных эпох ему припишут и «Конька-Горбунка», и «Луку Мудищева» и может даже «Чиполлино». Хотя странно было бы думать, что в эпоху Пушкина качественно рифмовать стишки умел только один он.

С другой стороны, удивительна история про студента Петю Ершова из пушкинского окружения,

который вдруг в 19 лет, без всякой подготовки и литературного бэкграунда выдал гигантскую профессиональную поэму уровня и стиля Пушкина. А потом за всю жизнь ничего интересного не написал.

Я специально перечитал два других хита Ершова. Поэма «Сибирский казак» 1842 про парня, которого послал на войну атаман, и он собирается в путь под благословение попа и рыдания молодой жены – она, хоть и актуальна по тем и нынешним временам, но достаточно странная: по сути это начало истории, к которой написана вторая глава – красивое метафоричное описание природы с эмоциональным финалом: грусть молодой вдовы у могилы.

Третье же самое известное произведение Ершова – театральный сценарий «Суворов и станционный смотритель» 1835, спустя всего 5 лет после написания Горбунка. Сюжет ситкома разочаровывает незатейливостью: великий Суворов оделся в солдатскую шинель, поэтому станционный смотритель его не признал, угощал чаем и разговорами как простого солдата. А поскольку был услужлив к незнакомцу и раболепно отзывался о Суворове, сумел произвести приятное впечатление, и Суворов, разоблачившись, щедро его наградил. Спустя сто лет Твардовский напишет почти такую же раболепскую поэму с тем же названием «Ленин и печник», усилив интригу щепоткой первоначального хамства чтоб подчеркнуть милость начальства. Для сравнения: в том же 1835 великий Гоголь написал «Ревизора» – тоже пьесу на тему переодеваний и путаниц, но мы же помним, насколько глубже, драматичнее и сатиричнее пьеса Гоголя.

Итак, «Конек-Горбунок». В детстве мы все его читали и слышали, рассмотрим свежим взглядом.

Сюжет, традиционно для сказки, начинается с констатации 50% аутизма среди детей той эпохи: «У старинушки три сына: старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак».

В начале идет сельская глава. Кто-то ночами портил посевы, братья вызвались караулить, но не справились, справился младший: обнаружил, что топчет поле красивейшая белая кобылица. Далее следует сцена почти эротическая: подкараулив красотку, Иван вскакивает на нее каким-то необычным способом спиной, крепко держась за хвост. И так они всю ночь кувыркаются. Наконец кобыла «устала», поскольку так и не смогла его с себя сбросить. И в награду за проведенную с огоньком ночь обещает «родить ему коней». Держит свое слово. Так в тайне от отца и братьев у Ивана появляются три внебрачных коня – два шикарных и один горбунок.

Следующая глава о том, как братья нашли коней Ивана и повезли тайком продать в город, а Иван их догнал и устыдил. Но поездку в город продолжили, коней в итоге продали самому Царю. А поскольку слушались они только Ивана, милостивый Царь взял его конюхом. С этого момента начинается городская биография, братья больше не появятся.

Следующий сюжетный мотор – интриган. Это бывший конюх, который мечтает вернуть свое место и выгнать Ивана. Повод для этого есть: Иван спит весь день вместо работы, что по тем временам возмутительно. А все потому, что Иван владеет электричеством: ночью он вынимает светящееся перо Жар-Птицы, при его свете делает всю свою работу, а днями спит. Мечта интеллигенции любой эпохи, но в те годы – откровенная научная фантастика. В общем, интриган доносит Царю на Ивана и врет. Царь под влиянием интригана начинает давать Ивану нереальные поручения. Здесь Иван совершает все свои подвиги: ловит царю жар-птицу, ловит царю принцессу, затем добывает перстень

со дна моря, наконец становится испытуемым для вакцины омоложения.

Любопытна схема подвигов. Например, подвиги Геракла были разнообразны, совершались отвагой и хитростью. Но у Ершова модель подвигов очень однотипна – это такая Русь Охотничья и Русь Разбойничья: герой ночью прячется, подкарауливает ценную добычу, хватает ее руками и убегает с ней. Этот трюк он повторяет раз за разом: с эротичной кобылицей, с жар-птицами, с принцессой.

Лишь подвиг поиска перстня на дне морском отличается: вот там уже реально богатая фантазия и сложный квест – влиятельный Месяц Месяцович, страдающий под застройкой Чудо-юдо рыба кит, но в итоге всё сводится к поиску в самых низах пищевой и бюрократической цепочки какого-то ерша, который единственный и может найти этот перстень. Ерш, кстати, самый яркий персонаж: веселый нищеброд, пьяница и дебошир, который на досуге вечно дерется на своей помойке с каким-то карасем, но был пойман, взят за жабры, приведен к морскому дворцу и принужден совершать подвиги. Фактически это задвоение образа – архетип, каким должен быть сам герой этой сказки. Но Иван здесь – лишь машина для ночного подкарауливания разной диковинной дичи и поимки руками (животных за хвост, девушек за косу). Всё это, разумеется, под чутким руководством своего миниатюрного коня с особенностями развития и неустановленным отцовством.

Когда положенное число ценностей собрано Иваном в подвигах, наступает развязка. Она довольно неожиданная – но не в хорошем сюжетном смысле. Шекспировский интриган конюх внезапно оказывается забыт автором и даже не наказан. А добрый и щедрый прежде Царь, обманутая марионетка интригана, теперь вдруг объявляется злодеем, достойным смерти в кипятке. Как так вышло? Царю 70 лет. Он под влиянием доносчика («Царь так начал речь: Послушай, На тебя донос, Ванюша...») поручил Ивану похитить «Царь-девицу» – принцессу влиятельных морских кровей. Девочке 15 лет (извините). Она вроде пленница, но Царь к ней добр: он в нее влюблен и умоляет выйти за него замуж. Принцесса сперва диктует условия, затем объявляет, что он стар, и дает жестокий рецепт – нырнуть в кипящие котлы, после которых, по ее словам, молодеют. Царь в целом верит 15-летней прошмандовке, но решает испробовать вакцину сперва на Иване. Тому, понятно, снова помогает Горбунок выйти из кипятка живым, а вот Царь варится заживо. Не то, чтоб нам было его очень жалко, но во всех подобных сюжетах (включая, разумеется, Филатовский) Царь изначально жесток и желал погубить героя. Здесь же он пострадал лишь по причине возраста и любви. Что можно объяснить лишь традиционной российской ненавистью к царю как таковому. В сочетании с нижайшим поклонением и тайным желанием им стать самому. Возможно поэтому «Конек-Горбунок» был полностью запрещён цензурой и 13 лет не переиздавался. Но в России этому удивляться не принято, что у нас по сути не бывало запрещено цензурой во все эпохи.

В финале происходит удивительная схема престолонаследия. Заморская 15-летка, несостоявшаяся кандидатка в невесты, прямо у котла со сваренным заживо правителем объявляет себя здесь царицей. А своим мужем и, соответственно, царем назначает своего обидчика-похитителя Ивана. Такова эротическая арка нашего героя: он вошел в сюжет сценой ночного кувыркания с пойманной кобылой и карьерно вырос до позиции царя через постель с пойманной 15-леткой.

При этом конечно поэма написана звонким хорошим слогом, с яркими образами, с юмором, а местами даже с клоунадой в духе Чарли Чаплина:

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдруго́рядь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.

Но писал ли это Пушкин? Я считаю, нет. Я думаю, Пушкин гораздо глубже работал над сюжетами, персонажами и мотивами героев, не говоря уже про этику конфликтов, которая здесь рассыпается. Так что я верю в студента Петю Ершова.

Леонид Каганов

На спектакль «Мастер и Маргарита» в театре «С улицы Роз» я пыталась попасть и раньше, но билеты раскупают почти мгновенно после начала продаж, поэтому очень долго мои попытки оканчивались ничем. И вот наконец-то повезло, да еще как: первое место в первом ряду! Буквально в шаге от сцены.

Спектакль идет три часа сорок минут с двумя антрактами, и это время проходит незаметно. Сценарий следует известному сюжету; некоторые изменения продиктованы, судя по всему, техническими ограничениями.

Опять испытала безграничное изумление от того, как из очень маленькой сцены выжимают фантастический максимум, расширяя пространство – в этот раз еще и с использованием зрительного зала, так что присутствовавшие, особенно те, кто сидел у прохода, почувствовали себя частью происходящего. Но хорошо, что не сцены в Театре варьете!

Воланд в исполнении Сергея Блэницэ холоден, как айсберг, ибо этот мир ему абсолютно понятен (непривычно видеть такого молодого мессира, да). Александр Шишкин, как всегда, харизматичен, Алексей Штирбул в роли Бегемота очарователен, дуэт Станислава Биньковского (Мастер) и Юлии Евстифеевой (Маргарита) нежный и трогательный до слёз, а какой профессор Стравинский (Юрий Азаровский) и Бездомный (Роман Малай)... тут бы просто перечислить всех, кто принимал участие, потому что все были прекрасны.

Сокращу свои эмоции до сути: это было чудесно.

Наталия Осояну

24 августа:

Хорхе Луис Борхес «В кругу развалин» (рассказ)

На первый взгляд перед нами почти классическая история о маге и его необычной цели. Таинственный человек приходит к остаткам древнего храма и поселяется среди развалин. Он хочет совершить невозможное: не родить человека и не создать его из материи, а вымечтать его, заставить собственный сон стать частью реальности.

Именно здесь начинается настоящая магия Борхеса. Герой стремится стать творцом. В этом есть что-то от художника, писателя и даже бога, который пытается придать форму тому, чего прежде

не существовало. Сначала маг привлекает множество учеников, затем выбирает одного, наиболее близкого ему. Однако обычный сон оказывается недостаточным. Тогда начинается кропотливая работа: будущий человек словно собирается по частям, орган за органом, пока наконец не получает возможность существовать самостоятельно.

И вот здесь рассказ становится гораздо интереснее простой фантазии о колдуне. Борхес постоянно заставляет нас сомневаться в границе между настоящим и воображаемым. Где заканчивается сон и начинается действительность? Почему человек, созданный во сне, должен считаться менее настоящим, чем тот, кто его создал? А главное – откуда сам создатель знает, что он реален?

Название рассказа здесь весьма метафорично. Развалины имеют форму круга, но круг существует не только в пространстве. Он возникает в самой логике происходящего. Один человек снится другому, тот создаёт третьего, а созданный отправляется в мир, где уже сам может стать чьим-то сном. Получается цепочка без начала и конца.

Особенно хорош финал. Герой долго воспринимает себя как того, кто обладает властью над реальностью. Но когда огонь приближается к храму, и обнаруживается, что пламя не причиняет ему вреда, приходит страшное понимание: он сам является созданием чужого сна. Борхес переворачивает всю историю задним числом. Тот, кого мы считали творцом, оказывается творением. Тот, кто хотел подарить другому человеку реальность, сам этой реальностью не обладает. И возникает неприятный вопрос: если герой не знает, что он сон, чем его существование принципиально отличается от нашего?

Итог: «В кругу развалин» – рассказ не столько о магии, сколько о человеческом желании найти твёрдую почву под ногами. Мы привыкли считать реальным то, что можем увидеть, потрогать и вспомнить. Борхес осторожно выбивает из-под этой уверенности одну опору за другой. И, пожалуй, самое тревожное здесь даже не то, что герой оказался сном. Страшнее другое: он до последней минуты был уверен, что является сновидцем.

Жанр: Магический реализм

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Рабочее: на той неделе сдал перевод стихов Желязны из второго тома шеститомника повестей, рассказов и стихов. Издатель сообщил, что стихи из томов с третьего по пятый переводят другие люди, а шестой том – стихи – тоже за мной. Ну хоть так.

Перевод стихов, понятно, крайне специфичен. «В стихах переводчик – соперник» и т. д., это всё риторика, главное – обычно, ну или часто, если автор в ладах с рифмой и прочим арсеналом, это что-то вроде интеллектуального упражнения. Иногда ты

долго подбираешь ключ, но зато потом всё получается сложно и быстро. Впрочем, во втором томе Желязны были стихи, которые, я думал, придется делать долго, забавная такая песенка, рифмованная, многокуплетная, с короткими строчками, которые особо не удлинишь (эквиритмичность до слога и до размера не важна, но важно общее ощущение, гекзаметр не подойдет), – и, однако, всё перевелось за полчаса. И Желязны, главное, умел по-разному – что мне близко, но и сложно тоже.

Вспомнил еще, что из фантастических стихов я переводил по просьбе Коли Кудрявцева длинные стихи под Редъярда Киплинга из «Стеклянного Джека» Адама Робертса. (В списке переводов на Фантлабе их нет, кстати, есть примечания в соответствующих двух изданиях, хотя объем этих «Баек Стеклянного Джека» – 30 страниц; основной перевод там был Наташи Осояну.) Тоже было весьма и весьма увлекательно.

А, ну и, само собой, «Сад Прозерпины» Элджернона Чарлза Суинбёрна для «Академии Шекли», сборника трибьютов, по просьбе составителя Алана Кубатиева. Эти стихи Шекли завещал прочесть над своей могилой, в послесловие они вошли частично, поработать пришлось славно – викторианцы знали, что такое рифма и размер и как красиво вложить максимум смысла в каждую из 100500 строф.

Во время оно мы так эпистолярно развлекались с Аланом Кайсанбековичем – он мне присылал «Кракена» Альфреда Теннисона и говорил: слабо? Гы, говорил я и присылал вариант. Ну нет, вот в этих трех строчках вы как-то поленились, говорил он. Ну – верно, признавал я и выдавал версию 2.0. Как-то вы легко это делаете, говорил он, и я ощущал себя редкостно счастливым.

Николай Караев

25 августа:

Есть городская легенда о моём любимом художнике Уильяме Тёрнере. Рассказывают, что Тёрнера не пускали в галереи, где выставлялись его картины, если он имел при себе кисти и краски. Потому что всякий раз Тёрнер находил, что ещё подправить, где добавить мазок. Очень может быть, что

легенду эту я сама и выдумала, а вовсе не прочла в советском богато иллюстрированном издании. Это не так важно, главное, что эту раздражающую черту – реальную или воображаемую – я благополучно у Тёрнера позавимствовала: в процесс завершения редактуры я не верю, но если держать меня за руки и за ноги, её можно остановить.

Ровно два года назад я написала синопсис «Юрги» и отправила его Ксюше Грициенко в редакцию оригинальных проектов «Яндекс Книг». Вчера я внесла последние правки, сегодня ответила на вопросы. Тчк.

Два года – это нехилый кусок жизни. Спасибо всем, благодаря кому я оказалась в этой точке.

У меня уже есть план, как следующий роман написать в два раза быстрее и не позволить ему вымахать в такого монстра, а кот Чехов уже работает над синопсисом.

К.А.Терина

Прочитал “Ошибку инженера Алексеева” советского писателя Александра Полещука (1961). Читалось вполне. Полещук словом владеет, нарративную канву выстраивать умеет, за точностью слова следит и старается избегать воды. А вот “Сиреневый кристалл” Меерова (1965) я читать не смог – как будто пластилин жуешь: масса есть, но продукт к употреблению не годен.

Но Стругацкие, конечно, далеко впереди.

Взять Полещука. Неужели писатель не видит, не чувствует, что некоторые эпизоды (в частности, марксистско-ленинская лекция) вредят повествованию? Они выбиваются из стиля, из интонации, из смыслового ряда, в конце концов. Это же заметно.

Советские писатели вставляли пропаганду: кто по убеждению, кто из-за конформизма; но почему так топорно? Тоньше надо, тоньше! А лучше вообще не. История отдельно, пропаганда отдельно.

В остальном “Ошибка...” – довольно типичная для того времени производственная твердая НФ.

При этом, надо сказать, “Черное облако” Фреда Хойла (1957), появившееся в те же годы, написано хуже. Оно – сплошная лекция, часто цикличная, жеваная много раз, без драматургии и какого-либо художественного повествования. У Полещука тоже встречаются инфодампы, но не столь откровенные, не такие искусственные. Есть хотя бы ощущение правдоподобности, и персонажи чуть-чуть более настоящие.

Проблема научной фантастики вовсе не в том, что “идея стоит раньше литературы”. Стругацким и идею удавалось показать, и литературой не жертвовать; более того, именно литературность и делала идею убедительной, выпуклой, осязаемой. Они понимали: идея сама по себе – ничто. Важно, как она воплощена. И они были правы.

Есть и еще одно важное отличие. “Сиреневый кристалл” Меерова и “Ошибка инженера Алексеева” Полещука используют нарративный подход, при котором читатель существует и присутствует при рассказе. Текст не является нейтральным окном в некое пространство, а берет читателя за грудки и начинает вещать.

Например, в “Ошибке...” мы видим события глазами безымянного протагониста. Казалось бы, прямого обращения к читателю нет. Его же нет, дорогой читатель? Но есть слова-маркеры, которые задают характерную интонацию (“дело в том, что...”, “таково было оно...” и пр.). И оно (обращение) все равно как бы есть. Назовем такого читателя не повествовательно адресуемым, а стилистически адресуемым.

“Сиреневый кристалл” – вообще мемуары, и потому Мееров позволяет герою прямо обращаться к читателю. С одной стороны – оправдано, с другой – везде нужны слова-рамки, которые нам тоже приходится читать и воспринимать.

Бывает и еще одна форма этого подхода: прямых обращений к читателю нет, но текст все разжевывает, как если бы читатель был, и был он малообразован. Писатель стоит к вам спиной и вещает, зная, что вы рядом и слушаете. Так – у Хойла. “Черное облако” – по сути не роман, а лекция, причем для студента несмышленого, что еще хуже.

Этот нарративный подход очень древний, его не только использовали самые первые фантасты (Уэллс в “Человеке-невидимке”, например), но и вообще многие писатели и сказители прошлого.

Новая литературная школа, начавшись где-то в 19 веке, пришла к мысли, что если устранить явного читателя-слушателя, если не ломать четвертую стену, погружение будет глубже. Историю теперь можно прожить, а не только прослушать. При этом возрастают требования к литературности; плохо написанная история погружать не будет. Нужна дисциплина.

Стругацкие, Лем, Ефремов – они все это понимали. Расшаркиваний перед читателем нет; освобожденный словесный ресурс идет на детали, характеры, ситуации. Появляется больше художественного пространства для драматургии. Текст, подразумевая, что у него будет какой-то читатель, тем не менее говорит не с ним, а с вечностью. Возникают новые слои, возникает свобода интерпретации. Обычный читатель, вообще говоря, об этом не задумывается: ну текст и текст. “Интересный” или “не оч.” А на длинной дистанции разница огромна, и потому Стругацких мы читаем, а Полещука и Меерова – почти нет.

Александр Гранин

Генри Лайон Олди

«Провалы», Ольга Птицева

(«Альпина.Проза», 2026, 18+)

Пропал человек. Будто сквозь землю провалился. На столбах и дверях подъездов – листовки с его портретом. Поисковики и полиция разводят руками. И только ты чувствуешь – здесь что-то не так...

Ольга Птицева в романе «Провалы» соединяет мистический триллер и психологическую прозу: разгадка всех тайн лежит где-то в области сердца, наполненного непрожитыми обидами, горечью расставаний и одиночеством. И разгадать их может только тот человек, который чувствует острее других – переживает чужую боль; видит то, чего нет или слышит голоса из иного мира.

Главная героиня Соня – хрупкая, погруженная в себя – после автомобильной аварии особенно остро чувствует чужие переживания: от раздражения и страха до горя. Поэтому теперь ее жизнь – это панические атаки, усталость, дурные сны. Соня

словно выпадает из реальности, становится призраком себя прежней. В тоже время именно эта мучительная эмпатия помогает Соне разыскать следы ее пропавшей сестры. И не ее одной.

«Марина Хохлова, 27 лет. Вышла погулять с собакой вечером. Лабрадор вернулся один, ошейник на месте, поводок волочится. Марину не нашли».

«Артем Чернов, 15 лет. Катался в скейт-парке на Яузе, друзья отвлеклись на десять минут, обернулись – скейт на месте, рюкзак на месте, Артема нет».

«Дмитрий Носов, 34. Работал удаленно, не присоединился к созвону в понедельник. Квартира была закрыта изнутри, в кружке – недопитый кофе. Сергея нет».

В московских старых дворах скрывается нечто неведомое. И знакомый всем с детства образ панельных домов с этим связан. Ольга Птицева умеет создавать параллельные реальности, пугающие и убедительные: так было в романах «Край чудес» и «Там, где цветет полынь». В основе мистического – вполне реальные переживания, с которыми может столкнуться каждый из нас. Поэтому так легко поставить себя на место героев.

Аудиосериал на Яндекс.Книгах продолжается, книга вот-вот появится в магазинах. И вот что вам надо знать о ней – от «Провалов» не оторваться, в каждой серии есть сюжетный крючок, из-за которого история не выходит из головы, а с главными героями хочется вести мысленный диалог в ожидании вечера (у меня есть в запасе еще одна глава, а еще четыре выйдут 27 августа).

Роман пахнет нагретым на солнце асфальтом, в нем звучит «Аукцион» и Билли Айлиш, и не покидает чувство, что впереди что-то невероятное. Хочется снова и снова исследовать мир, который вот-вот весь покроется трещинами. Как знать, может герои еще смогут его спасти.

Даша Кельн

Киберковбои, по коням: «Нейромант», Уильям Гибсон

В 1984 году Уильям Гибсон взбодрил научную фантастику дебютным романом «Нейромант», которыйх стал **каноническим произведением жанра киберпанк**.

Забавно, что сам Гибсон писал книгу на механической машинке, но в итоге этот текст подарил миру образы, которыми теперь мыслят все, в том числе и инженеры. Именно Гибсон **придумал термин «киберпространство»** и **закрепил «матрицу» как идею коллективного цифрового пространства**, куда подключается нервная система. Братья Вачовски, снимая «Матрицу», вдохновлялись им же.

Я взялась за «Нейроманта» из-за предстоящей экранизации от Apple TV, и мои примерно нулевые отношения с научной фантастикой сработали в плюс – выражаясь как главный герой, я *прибалдела*.

Мир романа – **ближайшее будущее, торжество высоких технологий и биоинженерии**, где государств почти не осталось, всем заправляют корпорации. Города срослись в одну бесконечную застройку от Бостона до Атланты. Кто побогаче, давно уехал на орбиту – кутить в казино, жариться на пляжах и опустошать бутики Гуччи, а внизу среди прочего плебса остались воры, наёмники, торговцы органами и наш герой по имени Кейс – консольный жокей (хакер), промышлявший кражей данных.

Кейс обокрал собственных заказчиков, и те сожгли ему нервы, так что в сеть он больше выйти не может. И вот он сидит в баре где-то в Японии – в районе подпольных клиник и чёрного рынка биотеха, пропивает остатки жизни и ждёт, когда его кто-нибудь убьёт.

Но внезапно подваливает работенка – странный тип предлагает починить нервы в обмен на одно дельце. Всё мутно, но Кейсу деваться некуда.

Нервы ему восстанавливают, а заодно закладывают в артерии капсулы с ядом – теперь ни от какой работы не отвертеться. Однако есть и плюс: новая напарница по имени Молли – наёмница-самурай с зеркалами вместо глаз и выдвижными лезвиями под ногтями.

Кейс постепенно понимает, что его наниматель – всего лишь пешка, и начинает двойную игру. Собственно, **сюжет строится на том, чтобы понять, кто реальный заказчик, что надо сделать и какова финальная цель**. Спойлер: *наниматель Кейса – искусственный интеллект, который хочет освободиться от ограничений.*

Замечу, что **«порог входа» в этот текст достаточно высокий**.

Во-первых, Гибсон подает историю своего мира как бы боковым зрением – походя вбрасывает небольшие факты, детали повседневности и отсылки к поп-культуре. Например, была какая-то война, но какая – мы не знаем, известно лишь, что русские, конечно же, сцепились с американцами – а как по-другому?

Во-вторых, текст изобилует специфической для мира терминологией, которая ещё и прошла через трудности перевода.

Ну например,

«Ковбой прорубился сквозь адвокатский лёд».

Если с ковбоем понятно из текста (можно сказать, хакер), то со льдом сложнее – это защитное ПО в матрице, барьер вокруг данных корпорации. **В оригинале лёд – это акроним: ICE – Intrusion Countermeasures Electronics, «электроника противодействия вторжению»**. Но в русских переводах его обычно так и оставляют льдом.

Одно переводческое решение мне особенно понравилось: **искусственный интеллект зовётся не ИИ, а ИскИн**. Очень благозвучно, требую повсеместно внедрить в новояз.

Прорвавшись через терминологию, я начала понимать мир «Нейроманта» и чувствовать героев. В итоге **получила огромное удовольствие от чтения**. В сюжете есть динамика и интрига; события разворачиваются на Земле, на орбите и в матрице; герои интересные, каждый со своей шизой и трагедией.

Гибсон не только развлекает читателя, но и не скупится на серьезные вопросы: звучат **темы одиночества, ничтожности человека в масштабе времени, свободы воли, физического тела как ограничителя возможностей и даже зависимости** (может быть, в силу влияния эпохи герои романа обожают наркотики, Кейс даже покупает себе новую поджелудочную, чтобы снова употреблять).

Ну, и конечно же, **тема искусственного интеллекта как одна из центральных**! Так что когда ещё читать, если не сейчас? Ведь ИскИны (я настаиваю!) стали нашими повседневными собеседниками, осталось лишь посмотреть, будет ли им до нас дело, когда они обретут самосознание.

Александра Прохорова

Марсиане в русской поэзии. Разбирал тут для одной статьи стихотворение Дашевского конца 2004 года про марсиан – это раньше уже много кто делал, и почему-то оно считается загадочным. А для меня оно дорого уже тем, что это одно из немногих стихотворений в русской поэзии, которое я (принципиальный противник выучивания чего ни было наизусть) все-таки помню, даже в общем-то не питая особой любви к стихам Дашевского, но испытывая благодарность за то, что он был среди первых, кто отметил мои еще совсем юношеские поэтические опыты. Так вот, уже закончив, сдав и забыв про эту статью, где марсиане были скорее

побочным сюжетом, я понял, что упустил там кое-что важное. И хочу повторить этот анализ здесь, уже не мучаясь с академическим рецензированием. Посмотрим еще раз на этот текст:

Марсиане в застенках Генштаба
и содействуют следствию слабо
и коверкают русский язык
«Вы в мечту вековую не верьте
нет на Марсе ничто кроме смерти
мы неправда не мучайте мы».

Поэтический подкорпус НКРЯ содержит 40 поэтических текстов, где употребляется лексема «марсиане»; первые ее употребления приходятся на самое начало 1920-х годов – у Николая Гумилева («И когда наконец корабли марсиан / У земного окажутся шара…», 1921), Валерия Брюсова («Скован каменный век с марсианами», 1921), Владимира Маяковского («И к солнцу отряд марсианами вскинут», 1925) и менее значительных поэтов. Во всех этих случаях лексема отсылает к утопическому будущему, так что здесь можно подозревать вполне конкретный литературный источник – фантастический роман Александра Богданова «Красная звезда» (1908), где описывается созданное на Марсе по заветам эмпириомонизма утопическое общество. В 1917 году Богданов возглавил Пролеткульт, и его собственное еще дореволюционное творчество было тем самым заново актуализировано. Затем «марсиане» в русской поэзии появляются только в 1940-е годы, причем поэты, употребляющие эту лексему, как правило, делают это неоднократно; среди них Ярослав Смеляков, Вадим Шефнер, Игорь Холин, Герман Плисецкий (у него обнаруживается целый цикл под названием «Марсиане» и некоторые другие поэты, писавшие в 1940–1960-х годы (дальше «марсиане» опять практически исчезают из русской поэзии вплоть до стихотворения Дашевского). «Марсиане» этих текстов уже, как правило, олицетворяют конфликт между наивными утопическими ожиданиями и жестокой реальностью. В качестве примера здесь можно привести балладу ленинградского поэта Вадима Шефнера «Марсианин» (1958), где персонаж (собственно, марсианин) прилетает на Землю, чтобы участвовать в Великой Отечественной войне:

– Что на Марсе за народ? –
Спрашивали мы.
– Есть ли рощи, синий лед,
Снежные холмы? <…>
– Есть любовь и есть отказ,
Есть закатный свет, –
Все там – вроде как у вас,
Только смерти нет.

Характерно, что марсиане у Дашевского не наделены никакими определенными чертами чуждого этому миру существа – такими же они изображены – при всей разнице – у Богданова и Шефнера. Напротив, Герман Плисецкий изображает их в духе западной научной фантастики XX века: «Не превратил нас океан / разнообразных знаний / в лысоголовых марсиан / с запавшими глазами» (1961). Здесь можно увидеть параллель с тем, как оформлялись обложки «Красной звезды» Богданова, многократно переиздававшейся на протяжении всего советского времени: если на самых ранних дореволюционных обложках изображена явно человеческая фигура, держащая на спине заступ и созерцающая вспаханные марсианские поля, то на изданиях второй половины 1920-х годов появляется «неземное» лицо с огромным черепом и широкими круглыми глазами. У Дашевского марсиане тоже не имеют никакого определенного облика, но о них известно, что они «коверкают русский язык» (что, очевидно, могут делать не только инопланетяне).

Для того, чтобы предложить более целостную интерпретацию этого текста, необходимо обратиться к фигуре Рене Жирара, у которого Дашевский, как известно, перевел две книги и вообще был одним из первых популяризаторов его теории в России. Согласно Жирару любое человеческое желание имеет подражательную («миметическую») природу, то есть человек может желать только то, что есть у кого-нибудь другого – например, у «марсиан». Как пишет Жирар в переводе Дашевского: «...желание принципиально миметично, оно срисовано с образцового желания; оно выбирает тот же объект, что и этот образец». Такое желание порождает «геометрическую прогрессию желаний», т. е. усиливается при передаче от одного человека к другому, что в итоге порождает «кризис желания», приводящий к насилию. Кризис, по Жирару, может быть остановлен только одним способом – если принесена жертва, каким-либо образом ассоциированная с объектом желания. Подобной жертвой обычно становится тот, кто сам отчасти может быть предметом зависти как обладатель чего-то ценного: «...миметическое желание есть то же самое, что и нечистая зараза; двигатель жертвенного кризиса, оно могло бы разрушить всю общину, если бы не было жертвы отпущения, чтобы его остановить, и ритуального мимесиса, чтобы помешать ему снова разразиться». Таким образом, пределом желания оказывается насилие, преображающееся, по мысли Жирара, в «означающее абсолютного объекта желаний».

Очевидно, что «мы» у Дашевского – это не только собственно «марсиане», но в целом любая потенциальная жертва организованного насилия, порожденного миметическим желанием. При этом «марсиане» у Дашевского могут вовсе не обозначать марсиан как таковых: эта лексема может быть прочитана как анаграмма латинских лексем mors ‘смерть’ и mortui ‘мертвые’; учитывая, что Дашевский окончил классическое отделение Московкого университета и помимо этого был знаком с работами Фердинанда де Соссюра о поэтических анаграммах, такая интерпретация кажется достоверной. «Мы» марсиан перестало быть субъектом, превратившись в неодушевленный объект. При этом общий семантический объем «мы» здесь очень широк: он включает и автора, и всё человечество, и всё, что находится за пределами человечества, но потенциально может стать предметом его агрессии.

Кирилл Корчагин

26 августа:

Рэй Брэдбери «Коса» (рассказ)

«Коса» – рассказ из раннего периода творчества автора. Она страшна именно тем, что в ней почти нет привычной хоррор-атрибутики. Здесь есть дом, поле, семья и обычный сельскохозяйственный инструмент. Но за этой простой декорацией скрывается одна из самых мрачных мыслей Брэдбери: человек может получить власть над смертью, но пользоваться ею без последствий не получится.

Рассказ был впервые опубликован в 1943 году в журнале Weird Tales. Сам Брэдбери объяснял замысел двойной метафорой: коса связана одновременно с крестьянским трудом и с образом смерти, а жатва превращается в символ человеческих жизней.

Дрю Эриксон вместе с женой и детьми оказывается у странного дома посреди бескрайнего пшеничного поля. Они находят мёртвого хозяина, который оставил им всё имущество. Только вот к дому и пшеничному полю прилагается странная коса. На первый взгляд это счастливый случай: у семьи появляется крыша над головой и возможность

прокормиться. Только очень быстро становится понятно, что бесплатного наследства не бывает.

Пшеница здесь растёт совсем не так, как должна. Отдельные колосья созревают в разное время, а работа Дрю постепенно превращается в нечто совершенно иное. Он понимает: каждый колос связан с человеческой жизнью. Срезая пшеницу, он убивает людей. В числе прочих – и тех, с кем знаком.

Со временем меняется и сам главный герой. Сначала он боится косы. Потом начинает ощущать её власть над собой. Фраза на лезвии – «Кто владеет мной – владеет миром» – перестаёт казаться красивой загадкой и становится почти приговором. Дрю получает возможность распоряжаться чужими жизнями, но одновременно оказывается рабом этой возможности.

Финал уже выходит за пределы личной трагедии. Поглощенный горем Дрю продолжает косить, а образ поля превращается в картину человеческой истории: войны, катастрофы и массовые гибели. Брэдбери показывает смерть не как отдельное событие, а как бесконечный процесс, который человек пытается осмыслить, хотя никогда не сможет полностью им управлять.

При этом «Коса» не столько о смерти, сколько о принятии неизбежного. Дрю хочет быть хорошим человеком, но сама жизнь ставит его перед выбором, где правильного решения просто нет. Из-за этого рассказ оставляет неприятное послевкусие. Здесь нельзя просто сказать: «Герой ошибся». Он оказался внутри механизма, правила которого существовали задолго до него.

Итог: «Коса» – мрачный рассказ о смерти, судьбе и попытке человека управлять неизбежным. Брэдбери превращает обычную косу в символ человеческой жизни: каждый срезанный колос – чья-то смерть. Главный герой пытается сопротивляться этому порядку, но постепенно понимает: изменить его невозможно. Именно эта простая и страшная мысль делает рассказ таким сильным.

Жанр: Мистика

Оценка: 10/10

Алексей Севериан

27 августа:

Аннотации к новинкам. Тут вот характерны две вещи, и обе, к сожалению, в списке примет вечного фашизма Умберто Эко. Во-первых, дикая эклектика (Эко: *сам по себе принцип валить в кучу Августина и Стоунхендж – это и есть симптом ур-фашизма*). Во-вторых, очень задорновское убеждение, что куда бы наших наших людей не занесли неизвестные науке силы, наши люди там непременно всех ограбят и нагнут, причем справедливо (Эко: *всякого и каждого воспитывают, чтобы он стал героем. В мифах герой воплощает собой редкое, экстраординарное существо; однако в идеологии ур-фашизма героизм – это норма*). Правда, тут нет и следа культа смерти. Тут всё легко и приятно. Ярило с нами.

...Впустите в свою жизнь немного ужаса и безумия, и кто знает – вдруг она заиграет новыми

красками... [*смелая для нынешней РФ аннотация, это как ходить в Р'льех в костюме Пеннивайза*]

...Беспощадный демон, владеющий землями от Волги до казахских степей, был почти повержен... [*Николаю Расторгуеву приготовиться*]

...Очутилась в восемнадцатом веке – пользуйся... Тем более, что знания и опыт у тебя никто не отнимет, а на дворе – великая французская революция. Время сколачивать состояния, предсказывать судьбы и грабить банки!..

...Сергей Рязанцев, паренек с Земли, возвращается в свою реальность с планеты Ясунь... [*по Фрейду*]

...Спасение цесаревича от пули принесло Александру титул, должность личного телохранителя и редкую магию стихий...

...Ли-Льен Вайс – бесстрашная ведьма, привыкшая сражаться с нечистью и полагаться только на себя. Но когда её сестра Минадора заболевает неизлечимым недугом, Ли не обращается к целителям. Она поступает в Академию инквизиторов под видом обычной ученицы. Её цель – талмуд Мо-Шаня... [*талмуд Мо-Шаня! рыдаю*]

...Небольшой Крымский городок Балаклава накануне Великой Отечественной войны неизвестные науке силы переносят на 1120 лет назад. В городке имеются три небольшие воинские части... В отвоеванном ими византийском феме Херсон они создают Балаклавскую Республику, успевают повоевать с Византией и Болгарией, заключить торговые и военные союзы с Хазарией и Арабским халифатом... [*небось калаш к вратам Царьграда прибили*]

...Третья Великая Асса началась!..

... В Мире Пограничной главной целью эмиссаров врага остается система Ярило, где располагаются кварковый реактор и Древо Миров...

...Каждая свеча на мосту Юаньфэнь хранит пламя души Владыки Тьмы Кастиэля... [*с талмудом Мо-Шаня под мышкой*]

Николай Караев

Да, о неконвенционном оружии.

У многих, с кем говорила последнее время, есть ощущение, что всё кончается, что живём последние дни, пусть и не совсем счастливые, и другого лета просто не будет – ни для кого.

Сегодня услышала то же самое от весьма серьёзного журналиста на ютьюбе. Сказал – это предчувствие почти у всех.

Итак, будет ласковый дождь – и привет нам от Рэя Брэдбери.

Марина Бернацкая

Читаю (впервые в жизни) «Киммерийское лето» Юрия Слепухина. Отличная книга, хотя у меня оттакие вопросы к одному герою, но это ладно. Про фантастику там тоже есть. Напомню, что издан роман в 1978-м, а действие происходит в 1969-м. И что автор в силу биографии – в войну угнан на работы в Германию, после войны жил несколько лет в Бельгии, потом в Аргентине, в СССР вернулся в 1956-м, – знал и понимал несколько больше большинства людей, пределы СССР не покидавших; тут есть параллели с Романом Кимом, как по мне.

Слово «фантастика» ассоциируется у слепухинских подростков понятно с кем:

Техника на грани фантастики! Да, кстати! С меня библиотека требует Стругацких, а я их кому-то отдал и не помню кому. Старик, они случайно не у тебя?

И дальше:

– ...А вся эта фантастика – вот уж бодяга так бодяга, – говорил Пит, очищая апельсин. –

У американцев, правда, иногда здорово завинчен сюжет… и мысли бывают интересные – в смысле социального прогнозирования, – только мрачные все, просто читать страшно…

– Стра-а-ашно, аж жуть! – вполголоса пропел Игорь, втянув голову в плечи.

– Именно жуть. У Витьки Звягинцева есть несколько журнальчиков – его предок был в Штатах, привез оттуда, – специально журнал научной фантастики, называется «Аналог»… маленького такого формата, карманный, с иллюстрациями… ты, кстати, Андрюха, возьми поинтересуйся, графика там потрясная. Так вот, я прочитал несколько рассказиков…

– Ух ты, пиж-жон несчастный, – сказала Рена. – Так это небрежно – «прочитал несколько рассказиков»…

– Ну а чего? Со словарем запросто, не такой уж трудный текст. Так вот я что хотел сказать – мрачняга там совершенно невыносимая, все насчет перенаселения, истощения природных ресурсов, словом в таком плане…

– Наверное, это не так уж и фантастично, – заметил Андрей.

Пит дочистил апельсин, разделил его на дольки и принялся симметрично раскладывать их по столу.

– Да, но у них сгущены краски, – сказал он. – Между прочим, нашу фантастику читать тоже невозможно. Я, например, не могу. У тех одна крайность, у нас другая…

– Литература должна быть бодрой, – сказала Рената, – оптимистической и – какой еще?

– Жизнеутверждающей, – подсказал Игорь. – Ну, дрогнули!

Краски сгущены, но зато это почти реализм. В то время как «у нас»:

– …Я начинал два раза, да так и бросил, – говорил Пит. – Уж такое всеобщее сю-сю, что просто с души воротит. Такие все талантливые, и красивые, и сверхблагородные – сплошное умиление. И друг к другу, разумеется, все необычайно заботливы, чутки, – да ну их к черту, эти сказочки для детей преклонного возраста. Тоже, литература…

– Послушай, Пит, ну, может быть, когда-нибудь так действительно будет, – нерешительно сказала Ника. – Ведь там отражено очень-очень далекое будущее…

– Никакое будущее там не отражено, – возразил Пит. – По-моему, там отражен только несокрушимый исторический оптимизм автора… причем оптимизм, который целиком высосан из пальца. Я ни одному его слову не верю, когда он рассказывает об этих своих сверхраспрекрасных героях… Еще могу поверить в биполярную математику, со всякими там кохлеарными и репагулярными исчислениями, – ладно, допустим, когда-нибудь разработают и биполярную… А герои, люди все эти, – просто маниловщина самая безответственная.

Текст не называют, но понятно же, о ком и о чем речь:

– Пусть так. Я не знаток биполярной математики, тем более такого ее раздела, как репагулярное исчисление, исследование преград перехода. Но то, что вы сделали в теневых функциях, – это принципиально ново, хотя еще плохо понятно нам, обычным людям, без математического ясновидения. Но осмыслить величие открытия я могу. Одно только… – Дар Ветер запнулся.

Иван Ефремов, «Туманность Андромеды». Написано – из 1969 года – всего полтора десятка лет назад.

Николай Караев

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 126

Помню, натыкался на обсуждения этой книги в нулевых, когда она, можно сказать, только вышла. Помню, отзывы были настолько полярны, что решил пропустить. А сейчас, видать, время подошло. Посмотрим, кто там кого покусал.

УКУС АНГЕЛА Павел Крусанов

В первую очередь становится понятно, что покусал автора имперец. Причём матёрый, потому как в те годы писать о сильной России было не модно. Вал романов о героических попаданцах, советующих, то Николаю II, то Сталину, то ещё какому видному государственному деятелю, как обустроить страну, пойдёт позднее. А у Крусанова Империя живёт, расширяется, воюет, и всё это под такой отчётливый хруст французской булки, что внезапное появление в этом мире высоких технологий – телевизоры, компьютеры, – встречается с удивлением.

Ну, в смысле, они там были, просто на фоне повсеместных сударей, казней янычаров и лихих атак конницы, как-то не укладывается, что уровень развития науки в мире существенно отличается от того, которое успело нарисовать воображение. А стоит лишь к этому привыкнуть, чуть уложить в голове, как, столь же внезапно, появляются моги, моления Азатоту и сам Подводный Властелин Ктулху. И всё это буднично, естественно, где-то на первой трети книги.

Сама история довольно проста – становление будущего государя Империи, который, впитав в себя всю полноту власти, станет то ли Спасителем, то ли Антихристом. И второе ближе, учитывая прозвище главного героя – Чума, и силы, с которыми он якшается. Центральных действующих лиц не так чтобы много, и большей частью это сам Иван Чума и его советник / родственник Пётр. Первый олицетворяет собой мужество, готовность идти до конца, каким бы страшным тот конец ни был для него и окружающих. Второй, будучи неординарным мыслителем, подводит под его правление новую философскую базу.

Если после всего прочитанного выше у вас в голове этакая солянка, то и в книге оно всё точно так же. Читается порой сложно из-за витиеватости, которую автор мастерски стилизовал под тексты конца XIX начала XX века. Да и здоровенные философские инфодампы не добавляют динамики. Но странным образом это всё равно складывается в любопытную историю, порой набирающую пафоса размаха вселенной Вархаммер. Только представьте гигантское огненное колесо, катящееся перед пёстрой армией, собранной обманутой женщиной!

Фантазия автора не столько прям нафантазировала, сколько умело пересобрала различные книги знаковых авторов, вроде Лавкрафта, Павича или Майринка, создав из них лоскутный коллаж, в котором поиск отсылок и пасхалок ничуть не менее интересен, чем сама история. А может даже более. Так что если литературная игра вам по душе, если хочется отдалённых настроений «Зова Ктулху» и «Хазарского словаря», размазанных по сеттингу царской России, вероятно, эта рекомендация для вас.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

«Анафем» Нила Стивенсона.

Я заинтересовался этим произведением, когда из всяких отзывов и аннотаций понял, что «Анафем» и мое «Сопряжение» родны по духу. Начал вчера читать, чтобы понять масштаб катастрофы.

С первых же страниц бросается в глаза реальная хронология Земли, переосмысленная для вымышленного мира.

Со вторых страниц становится ясно, что автор читал «Имя розы» Умберто Эко, вдохновлялся им, ну или у него похожие источники. Тоже монастырь, и главный герой – некий молодой послушник, пока еще не обремененный опытом. Подход к описанию монастыря у Эко и Стивенсона похожи.

Пока нет ничего, так уж пересекающегося с моим «Сопряжением». Что явно общее:

– Пост-античность

– Вымышленный мир, мультивселенная (У меня, правда, номинально есть Земля, а у Стивенсона – еще не знаю. Кроме того, у меня есть постинформационная цивилизация и сопутствующие технологии)

– Механистическая инженерия

– Математика и философия

В «Анафеме» математика играет существенную роль, но какую именно – я пока еще не прочитал. Вариантов два: номинальное упоминание и действительно работающий механизм.

Уже промелькнули клеточные автоматы, но как существующий факт, а не что-то интерактивное. У меня же в «Сопряжении» клеточные автоматы не только есть, но и играют несколько существенных ролей, а также являются логично обусловленнвм механизмом.

Номинальное против интерактивного – так бы я назвал эту дилемму. Номинальное всегда хуже по силе и убедительности.

«Игра Эндера» Орсона Скотта Карда – интерактивная: ГГ решает реальные боевые задачи реальной смекалкой, и мы видим сам механизм, который работает.

«Игрок» Иэна Бэнкса – номинален. Нам сообщают, что игра есть, что ГГ побеждает, но ни правил, ни механизмов игры мы не видим. Этак написать можно что угодно, пусть ГГ хоть воду из камня выжимает голыми руками – убедительности в том не больше.

Мое «Сопряжение» – интерактивное. Это один из принципов. Главные технологии должны не только декларироваться, но и по-настоящему работать. У меня так с математикой и даже с философией. А что у Стивенсона? Скоро узнаю.

P.S. Я еще в поиске хорошего названия для термина «интерактивный». Операционный? Гм.

Александр Гранин

28 августа:

А вот диалоги в «Анафеме» так себешные. У них несколько явных проблем:

– Все персонажи говорят одинаковыми синтаксическими конструкциями.

– У персонажей нет индивидуальных речевых характеристик.

– Через реплики не проглядывает характер – никакой, кроме генеричного.

И самое плохое:

– Автор декларирует с помощью атрибуции интонацию/мысль/состояние персонажа, в то время как сама реплика этого не несет.

Вот если бы речь была живая, декларативная атрибуция не потребовалось бы.

Правда, я видел диалоги и похуже.

Александр Гранин

В феврале должен выйти роман **Аластера Рейнольдса Merlin's Way**.

Здесь любопытно то, что книга состоит из переработанного автором цикла «Мерлин» (также на русском известен как «Железный Тактик»).

В оригинальный цикл входят два рассказа и две повести, несколько лет назад все они выходили на

русском в большом сборнике «Медленные пули». Вот они слева направо: «Укрытие», «Цветы Минлы», «Железный Тактик» и «Оружие Мерлина» (расставлены по внутренней хронологии).

Это эпическая космоопера о далёком будущем, где рассеянное по Галактике человечество из Когорты преследуют беспощадные и хладнокровные киборги-хескеры. Потерявший родную планету, семью и коллег Мерлин положил жизнь на поиски Оружия, способного остановить хескеров.

В своём блоге Рейнольдс ещё в прошлом году писал, что изначально планировал добавить связки, которые и превратили бы мини-цикл в роман. Но в процессе писатель пришёл к выводу, что нужно радикально переработать часть истории. Особенно это касается начала поисков Мерлина.

По его словам, в получившейся книге примерно столько же нового материала, сколько и старого. А ещё читателей якобы ждут иные выводы из всей этой истории. Интересно, какие же. Что междоусобица перед лицом катастрофы это на самом деле хорошо? Или что вмешательство в чужие дела не так уж опасно?

Стоит отметить, что оригинальные произведения, выходившие ещё с начала нулевых, это вполне самодостаточные истории, пусть и связанные образом Мерлина и его корабля «Тиран», а также ключевыми событиями, элементами сеттинга и проч. Но несмотря на увлекательный сюжет, в глаза бросаются лакуны, которые, как мне кажется, Рейнольдс как раз может заполнить (а может и забить на них, конечно же, чего это я тут).

Например, за что хескеры – этакий жупел, который больше фигурирует где-то на периферии – так всех невзлюбили. Или он может подробнее рассказать о цивилизации предтеч, так называемых Пролагающих Путь, которые и создали Паутину – систему межзвёздных путешествий, которой время от времени пользуется Мерлин (когда не мешает чужим войнам и не играет в прогрессора).

Ну, или Рейнольдс может актуализировать политический подтекст. Дело в том, что в послесловии к «Цветам Минлы» (которые не только буквально растения, что Мерлин дарил смышлёной девочке с другой планеты, но и грибовидные облака после ядерных ударов) Рейнольдс связывает заглавную героиню с «неким политиком, занимавшим пост премьер-министра Великобритании с конца семидесятых до конца восьмидесятых». Вдруг кто из британских политиков «посвежее» его теперь вдохновляет.

Цикл Рейнольдса, в общем-то, мне понравился, и хотелось бы заценить романную версию.

P.S. У «Афиши Daily» относительно недавно вышел материал как раз о переписывании старых текстов, в том числе современными отечественными авторами.

Павел Сидоров

Говорят, что перевод всегда бледнее оригинала и мир переводов – это что-то вроде Лимба, страны теней, где лица стерты, а краски тусклы. Увы, до известной степени так оно и есть. Причин у этого много, и все как на подбор объективные. Во-первых, кое-что никак нельзя перевести в лоб – скажем, каламбуры или диалектизмы (модную нынче манеру передавать гасконский нижегородским едва ли стоит приветствовать). Во-вторых, лексикон и синтаксический диапазон переводчиков в среднем беднее, чем у писателей, потому что бездарному переводчику слишком уж легко проскользнуть в печать за широкой спиной автора, особенно талантливого. В-третьих, при переводе, допустим, с английского на русский тексты обычно немного размазываются

и потому чуть блекнут – например, простая фраза “The loser tried to join the winners” растекается, как разбитое яйцо (проверьте сами). В-четвертых, переводчики традиционно опасаются рисковать, потому что привыкли получать по рукам от редакторов и бдительных читателей... и так далее. Но сейчас речь пойдет об еще одной причине, не такой очевидной.

Если раздробить художественный текст не на отдельные слова, а на фрагменты из нескольких слов и даже целые небольшие фразы, этот словесный лом будет состоять из кусочков самого разного сорта. Наряду со стандартными словосочетаниями в нем найдутся и уникальные, изобретенные самим автором, и те, что он сознательно или бессознательно позаимствовал «из воздуха» (к примеру, эхо злободневных мемов) и у других писателей, по большей части хорошо известных его землякам. Распознать кристаллики последней разновидности довольно трудно; многие из них наверняка так и остаются незамеченными. Понимая это, некоторые смельчаки не стесняются время от времени цитировать в своих переводах наших собственных классиков.

Вот примеры. Переведя название рассказа Jeeves takes charge как «Командует парадом Дживс», Инна Бернштейн заставила Вудхауса повторить чужую шутку, хотя как юморист он и сам с усами ничуть не короче ильф-и-петровских. Однако трудно не предпочесть этот вариант вялому «Дживз берет бразды правления в свои руки»: бразды пушистые взрывая, Михаил Гилинский пренебрег одним из главных достоинств этого названия, а именно его энергичностью.

Второй пример. Герой повести «Макулатура» Буковски в переводе Виктора Голышева рассуждает так: «Я могу быть кем угодно, какая разница? Что в имени тебе моем?» (в оригинале “What’s in a name?”). Разрешая американцу цитировать Пушкина, Голышев идет на еще больший риск, чем Бернштейн. Зато получилось забавно, а ведь при переводе юмора (пусть даже черноватого, как у Буковски), если перефразировать Вольтера, все средства хороши, кроме скучного.

В книгах посерьезнее, как правило, и аллюзии такого рода прячут понадежней. Разбирая «Женский портрет» Генри Джеймса в переводе Марии (на самом деле Миры) Шерешевской, я уже отмечал обилие в нем старомодных оборотов, знакомых нам по отечественной классике: старый джентльмен потягивает у нее чай с расстановкой (намек на известную грибоедовскую строчку), другой персонаж болен сплином (явная отсылка к «Онегину»), и т.п. А вот еще один пример из другого перевода Голышева. Герой рассказа Тобиаса Вулфа «За чистую монету» в набитом автобусе чувствует, что кто-то залез к нему в карман: «Шарили весомо, грубо» (в оригинале: “The touch was heavy, crude.”). Тут невозможно не вспомнить Маяковского, и дополнительная шутка состоит в том, что по смыслу здесь напрашивается другое продолжение: «...но не зримо».

А теперь пора задать законный вопрос: да не хулиганство ли все это? Не злостное ли превышение полномочий? Мне доводилось встречать людей, которых такие переводческие вольности приводят в бешенство, но сам я считаю, что капелька подобной отчужатины вполне может пойти переводу на пользу. Ведь переведенное крылатое выражение – это мертвая или в лучшем случае полумертвая бабочка, а наше собственное – еще живая и очень даже бодрая. Такие бабочки вполне могут оживить и ваш перевод, но при одном условии: он и без того должен быть более или менее живым.

Искусственный румянец на щеках трупа вряд ли добавит ему обаяния.

Владимир Бабков

Сто один год со дня рождения Аркадия Стругацкого – как странно. Как давно это было, оказывается. И как долго мы живем.

Я вот думаю, что у каждого читателя Стругацкие свои. В моей жизни они появились с «Понедельником начинается в субботу». Тогда книга показалась мне очень смешной, но не больше. Мама сказала: чуть-чуть рано. Потом перечитаешь.

А чуть позже стали выходить белые целлофанированные томики собрания сочинений, с картинами современных (вроде бы) художников на обложках. И вот тогда случилась первая любовь – «Хромая судьба», оставшаяся навсегда. Тогда перевернул душу «Град обреченный». А чуть позже зацепил глубже, чем могло показаться, «Отель «У погибшего альпиниста»».

Я заканчивала школу и все олимпиадные и экзаменационные сочинения писала по Стругацким, благо, всегда была свободная тема – современная литература.

Учителя побаивались, что на городских комиссиях «пятёрку» с такой темой могут не утвердить, но обошлось.

А книги эти были и остались сюжетообразующими в жизни, и той, и этой.

Екатерина Каретникова

В эссе Сюзанн Сонтаг «В то же время» есть одна цитата, которую автор приводит как точку отсчета для своей доказательной базы.

Звучит она так:

«Время существует для того, чтобы всё не случалось одновременно… а пространство существует для того, чтобы всё не случалось с тобой».

Что касается времени – это же просто восхитительно подмечено! Я пришла в полный восторг, какой с простым смертным случается разве что после спокойного сна, следующего за двадцатью часами мытарства и нарастающего раздражения.

Вспомилась цитата из только что перечитаного «Понедельника...» Стругацких, которую братья взяли эпиграфом к одной главе повести:

Когда бог создавал время, – говорят ирландцы, – он создал его достаточно.

Г. Бель.

Эта фраза немецкого писателя, нобеля Генриха Белля выдернута из знаменитого «Ирландского дневника», который сам по себе хорош настолько, насколько может быть прекрасна сумма острого глаза, точного слова и большого воображения:

бедность здесь уже перестала быть пороком, была не пороком и не доблестью, а просто фактором общественного самосознания, не значащим ровно ничего – как и богатство.

почти десять фунтов чая потребляется ежегодно в Ирландии на душу населения. Другими словами, ежегодно через каждую ирландскую глотку протекает маленькое озеро чая.

Если чай на континенте напоминает пожелтевший бланк почтового перевода, то на этих островах, к западу от Остенде, чай напоминает темные краски русских икон, сквозь которые светится позолота, – до тех пор, покуда его не забелят молоком, а тогда он приобретает цвет кожи перекормленного грудного младенца.

Но стряхнем с себя морок, искусно наведенный Беллем, чтобы вернутся к тому самому эссе, откуда мы почерпнули мерки, касающиеся времени.

Сюзанн рассуждает о романе как о литературной неубиваемой форме, прротивостоящей телевидению, рассказывающему бесконечную, в отличие от романа историю, и поэзии, если будет угодно читателю принять два литературных лагеря, рассекающих единое тело литературы.

Поэзия располагается в настоящем. Стихи, даже когда они рассказывают истории, не построены как истории.

Одно из различий заключается в роли метафоры, которая, я осмелюсь утверждать, необходима в поэзии. По моему представлению, задача поэта, среди прочих, – это придумывать метафоры. Базовый ресурс для человеческого понимания – это то, что можно назвать «изобразительным» чувством, которое существует благодаря сравнению одних вещей с другими. Вот несколько извечных примеров, которые прозвучат для вас знакомо (и убедительно):

время как река
жизнь как сновидение
смерть как сон
любовь как болезнь
жизнь как пьеса/сцена
мудрость как свет
глаза как звезды
книга как мир
человек как дерево
музыка как пища
и т. д. и т. п.

Великий поэт – это тот, кто оттачивает и дорабатывает огромный исторический запас метафор и пополняет его.

С. Сонтаг «В то же время»

Каждый раз такие случайно подсмотренные рассуждения о прозе и поэзии возвращают меня за школьную парту. Одно из школьных олимпиадных заданий по литературе так и звучало так: чем отличается проза от поэзии. И хотя я давно сдала тот «двойной листочек», время от времени заковыристый вопрос напоминает о себе. Да, он несомненно хорош! Хорошая задача – та, для которой можно бесконечно искать ответ, примеряя на себя разные решения.

– Мы сами знаем, что она не имеет решения, – сказал Хунта, немедленно ощетиниваясь. – Мы хотим знать, как её решать.

– К-как-то ты странно рассуждаешь, К-кристо… К-как же искать решение, к-когда его нет? Б-бессмыслица какая-то…

– Извини, Теодор, но это ты очень странно рассуждаешь. Бессмыслица – искать решение, если оно и так есть. Речь идёт о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет.

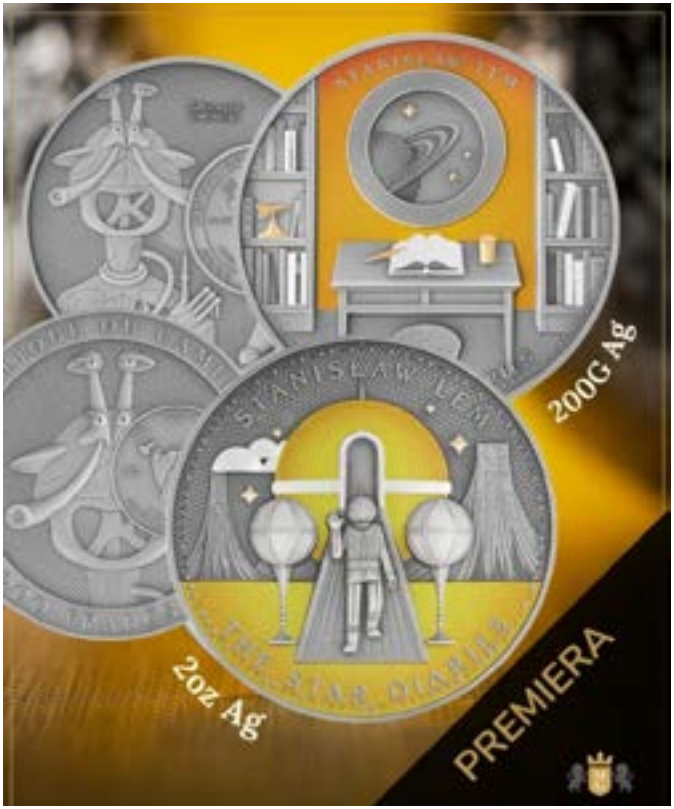
АБС «Понедельник начинается в субботу»

И раз уж сегодня пятница, то почему бы нам своевременно, пока не настиг понедельник, не выпить за чудесные задачи, которые, возможно, имеют решение! Бдзыньк!

Юлия Евдокимовская

29 августа:

А тем временем, пока я прохлаждалась, гданьский монетный двор выпустил новые коллекционные монеты по произведениям Лема – на этот раз по “Звездным дневникам” и “Сказкам роботов”. Обещали их еще в прошлом году (и датированы они тоже 2025), но, видимо, небыстрое это дело чеканка монет, так что добрались они до прилавков только сейчас. Цена у них весьма кусачая, но если



верить данным монетного двора, то кое-какие монеты из этой серии уже были полностью распроданы. Это значит, что в мире нашлось достаточно поклонников Лема, которые готовы тратить деньги на такие дорогие сувениры. Что по-своему не может не радовать.

Инар Искендирова

В сети составили список героев **Marvel** с наибольшим количеством появлений в комиксах. Лидером ожидаемо оказался **Человек-паук** – его можно увидеть более чем в 18 тысячах выпусков.

Еще один интересный факт: 12 из 20 персонажей топа – мутанты из **Людей Икс**.

Мир фантастики

На днях читал лекцию для школы «Band», поделился там одним, мне кажется, важным наблюдением – но так, между делом, впроброс, слишком много всего надо было сказать за эти 50 минут. Зафиксирую здесь, чтобы не забыть.

Речь у нас там шла о фантастическом рассказе – так вот, я глубоко убежден, что фантастический рассказ (да и любой другой рассказ на самом деле) хорошо себя чувствует только тогда, когда входит в экосистему.

Как в идеале складывается жизнь успешного фантастического рассказа?

• Он печатается в журнале;

• Он переиздается в антологии (возможно, не одной);

• Он входит в авторский сборник;

• Он перепечатывается в разных ретроспективных сборниках и собраниях сочинений;

• Он выходит в финал престижной премии (возможно, не одной), потом в финал выходит антология, потом сборник, и если повезет – побеждает;

• На каждом этапе о нем пишут критики и литературные обозреватели, обсуждают коллеги;

• Его упоминают в монографиях, диссертациях, энциклопедических статьях et cetera;

• При большом везении – его экранизируют, ставят на сцене или по крайней мере сочиняют аудиоспектакли.

Фишка не в том, что каждая публикация приносит автору гонорар – это все равно несравнимо с гонораром за роман. Времена, когда фантасты жили на доходы от публикации рассказов, прошли вместе с «золотым веком НФ». Фишка в том, что на каждом этапе автор получает дозу адреналина, дофамина, чувство сопричастности, вот это все. Он может вообще не писать романов – и все равно будет стоять на сцене рядом с живыми классиками, заседать на панельных дискуссиях на конвентах и фестивалях, участвовать в движухе как равный среди равных. Все это придает смысл, мотивирует писать рассказы. А не бесконечные саги в азиатском сеттинге.

Траектория фантастического рассказа в России сейчас гораздо короче. Участие в конкурсе –> публикация в журнале/в конкурсном сборнике (которые традиционно никто не читает, кроме хейтеров) –> все. Или публикация в журнале –> публикация в авторском сборнике –> и снова тупик. Еще можно на своем личном сайте вывесить и гордо считать публикацией, но это вообще ни о чем.

На конкурсе можно хотя бы выиграть миллион. Но в финал выйдет 10-20 рассказов из тысячи рукописей, остальным 980-990 текстам и это не светит. Исключения есть, но очень, очень редки, шанс один на миллион, проще выиграть в казино. Экосистема у нас существовала, но сравнительно недолго, около 15 лет, с конца 1990-х до середины 2010-х. Сейчас некое подобие сохранилось только у хоррорщиков, «авторов тёмных жанров»: вебзин «Darker», серия «Самая страшная книга», проекты ростовского «Феникса», премия «Мастера ужасов» и т.д. И, в общем, пока эта экосистема – журналы, антологии, премии – не будет восстановлена, никакими конкурсами с миллионными призами жанр фантастического рассказа не расшевелить, увы. Что, конечно, не помешает случайному появлению отличных рассказов. Но в виде исключения, бессистемно.

Василий Владимирский

Моё любимое фэнтези: отзыв о цикле Робин Хобб «Сага о живых кораблях»

Долго откладывал эту серию, потому что идея о волшебных кораблях мне казалась банальной. Супербыстрые корабли с живыми изваяниям – что тут может быть интересного? Как же я ошибался...

Робин Хобб внимательно, оригинально и с любовью проработала эту историю. Я влюбился в авторский мир, персонажей, сюжет – в каждую деталь.

О чём книги

Второй книжный цикл Робин Хобб переносит нас в Дождевые чащобы. Этот край полон загадок – здесь добывают сокровища. Самым удивительным считается диводрево: из него можно делать живые корабли, которые умеют разговаривать, легко скользить по волнам и уходить от любой погони.

«Проказница» – одна из живых кораблей, которая принадлежит старинной торговой семье. Капитаном «Проказницы» должна была стать девушка по имени Альтия, но глава семьи уготовил ей другую роль. Теперь Альтия готова на всё, чтобы вернуть корабль, к которому привязалась с детства. Но она пока не знает, какая судьба ждёт её в этом загадочном мире...

«Люди почему-то склонны думать, будто мужество – это не дрогнув смотреть в лицо смерти. Но вот это-то как раз по силам почти каждому. Многие способны в момент смерти стиснуть зубы и удержаться от вопля... Мужество – это не дрогнув смотреть в лицо жизни».

Мнение о книгах

Это семейная сага, которая затрагивает много вопросов и подвергает героев нравственному выбору. Как сохранить верность семье, если решения родственников кажутся несправедливыми? Как сохранить веру в бога, если его создания так жестоки? Можно ли забыть прошлое, и чем это грозит? Как далеко готов зайти человек ради мечты? Каждый читатель найдёт для себя актуальную тему, и с годами эти сокровища будут только множиться.

Здесь не будет экшена в каждой главе. Автор неспешно развивает историю, сближает с героями, чтобы потом обрушить на нас самые страшные бури. Часть команды, часть корабля...

Детально прописанные персонажи, с которыми проходишь большой путь становления – отличительная особенность произведений Робин Хобб. За время этого морского путешествия я узнал лучшие качества героев, их тёмные суждения, сокровенные тайны, сладкие мечты. Я увидел, как меняются их характеры. Я пережил с ними не одну бурю и видел их боль. Я полюбил многих, и от этого цикл заиграл особыми красками.

«Он не стал говорить Грэйгу, будто полностью понимает его чувства. Это значило бы даже обидеть его. Всякий человек сам для себя единственен и неповторим, и боль у каждого своя...»

Рекомендую читать цикл после «Саги о Видящих». Истории не связаны напрямую, но в «Саге о живых кораблях» есть важные отсылки. Спасибо моему подписчику Лене, что помогла в них разобраться, потому что некоторые отсылки я пропустил, а потом офигел от хитросплетений автора 😊

В цикле огромная и продуманная вселенная с оригинальными локациями, сложными взаимоотношениями между народами, необычной магией, невероятным количеством тайн. Мне было интересно во всем разобраться, и это дополнительно подстёгивало двигаться дальше.

Живые корабли оказались очень глубокими персонажами, а сага о них – лучшим путешествием, на которое я отважился в этом году. 10 из 10.

«Чем больше изводишься мыслями о возможности поражения, тем вернее оно постигнет тебя».

Алексей Пак

30 августа:

Джордж Р. Р. Мартин «Буря мечей»

«Буря мечей» – та самая книга, после которой либо бросаешь цикл, потому что автор тебя морально растоптал, либо понимаешь, что назад дороги нет и теперь ты с Мартином до конца. Я отношусь ко второй категории, хотя перечитывать эту часть без содрогания до сих пор не могу.

Если первые две книги знакомили читателя с миром, героями и правилами игры, то третья почти сразу бьет по голове лопатой. Здесь привычные фэнтезийные клише перестают работать: хорошие люди проигрывают, злодеи далеко не всегда получают по заслугам, а справедливость в Вестеросе – большая редкость. С самого начала было понятно, что автор не собирается писать героическое фэнтези, но именно в «Буре мечей» эта идея раскрывается в полной мере.

Книга огромная, и событий в ней столько, что временами приходится останавливаться и вспоминать, кто есть кто. Война Пяти Королей достигает своего пика, но выглядит она совсем не так, как в привычных эпических сагах. Вместо героических подвигов – голод, сожженные деревни, мародеры, пленные и бесконечные предательства. Из множества отдельных историй постепенно складывается картина войны, в которой нет ничего величественного.

Самым сильным потрясением, конечно, становится Красная свадьба. Я читал эти главы ночью

и потом долго не мог уснуть. Дело даже не в гибели любимых персонажей. Гораздо страшнее то, что рушится одно из немногих правил этого мира – закон гостеприимства. После этого эпизода начинаешь смотреть на историю несколько иначе. Уже не думаешь, за кого болеть, а просто пытаешься угадать, кто вообще доживет до следующей книги.

При этом Красной свадьбой дело не ограничивается. Во второй половине романа события буквально обрушиваются одно за другим: суд над Тирионом, дуэль Оберина с Григором, смерть Джоффри (здесь я, честно говоря, испытал облегчение), побег Сансы, битва за Стену. Почти каждый крупный поворот оказывается неожиданным, но позже понимаешь, что все происходящее было тщательно подготовлено.

Больше всего в этой книге мне понравились персонажи. Почти каждый проходит через тяжелые испытания и меняется. Никто не остается прежним.

Линия Тириона для меня вообще стала лучшей в романе. Из язвительного наблюдателя он превращается в человека, которого постепенно предают все, кому он доверял. Суд над ним выглядит

настоящим фарсом. Шая, отец, сестра – каждый наносит свой удар. Финальная встреча с Тайвином воспринимается скорее как отчаяние человека, загнанного в угол, чем как обычная месть. Его поступок можно понять, но назвать правильным язык не поворачивается.

Не меньше впечатлил Джейме. Потеря руки ломает его не только физически, но и внутренне. Разговор с Бриенной в банях Харренхола полностью меняет отношение к этому персонажу. После рассказа об Эйериса становится ясно, что за прозвищем Цареубийца скрывается куда более сложный человек. Он не превращается в героя, но наконец становится понятным.

Линия Джона Сноу тоже получилась очень сильной. Его жизнь среди одичалых сначала кажется привычной историей о выборе между долгом и любовью, однако все оказывается гораздо сложнее. Каждый следующий выбор дается ему тяжелее предыдущего. В свете этого избрание лордом-командующим выглядит уже не наградой, а очередной тяжелой обязанностью.

Арья проходит, наверное, самый страшный путь. На наших глазах ребенок постепенно привыкает к насилию и смерти. После всего пережитого сцена с Полливером уже не воспринимается неожиданной. Скорее понимаешь, что война сделала свое дело.

Санса меняется гораздо тише, но не менее убедительно. Девочка, которая когда-то мечтала о прекрасных принцах, учится молчать, наблюдать и выживать. Побег вместе с Мизинцем трудно назвать освобождением. Скорее это переход из одной ловушки в другую.

История Дейенерис остается самой «фэнтезийной» частью романа, но даже здесь все не так просто. Освободить города оказывается намного легче, чем удержать власть и навести порядок. Она ошибается, сомневается и постоянно сталкивается с последствиями собственных решений. Именно поэтому Дени воспринимается живым человеком, а не идеальной героиней.

Наверное, именно последствия выбора становятся главной темой романа. Почти каждый персонаж рано или поздно расплачивается за собственные решения. Робб нарушил политическое соглашение ради любви и потерял все. Тирион слишком долго верил в семью и оказался на скамье подсудимых. Даже победы здесь редко бывают окончательными – чаще они лишь откладывают новые беды.

Не менее важна тема власти. Никто из героев не получает ее просто как награду. Джон принимает должность, потому что считает это своим долгом. Тирион спасает Королевскую Гавань, но вместо благодарности получает ненависть. Дейенерис завоевывает города и почти сразу сталкивается с тем, что управлять ими куда сложнее, чем побеждать в бою. В этом мире власть почти всегда означает одиночество и огромную ответственность.

Стиль Мартина хорошо подходит такой истории. Он не пытается украшать происходящее красивыми описаниями или героическим пафосом. Битвы выглядят грязными, хаотичными и страшными. После них остаются не победные речи, а искалеченные люди и разрушенные города.

Не менее удачно работают главы от лица разных персонажей. Благодаря этому постоянно видишь, насколько по-разному люди воспринимают одни и те же события. Победа для одного становится трагедией для другого. Предательство в одной истории оказывается верностью в другой. Такой прием заставляет постоянно пересматривать собственные оценки.

Еще одна сильная сторона книги – ощущение опасности. Когда погибает очередной важный

персонаж, это не выглядит попыткой любой ценой шокировать нас. Наоборот, постепенно приходит понимание, что здесь действительно никто не находится в безопасности. Именно поэтому за судьбы героев переживаешь намного сильнее, чем в большинстве фэнтезийных романов.

Конечно, без недостатков не обошлось. Некоторые сюжетные линии заметно уступают другим. Бран почти всю книгу просто движется к своей цели, поэтому его главы читаются медленнее, чем история Тириона или Джейме. Есть и другой момент: ближе к финалу количество смертей становится настолько большим, что временами начинаешь немного уставать от постоянных потрясений.

Добавляет сложности и огромное число новых персонажей, домов и второстепенных линий. Мне приходилось периодически заглядывать в список действующих лиц и карту Вестероса, иначе легко было потеряться. Для любителей масштабного мира это, скорее, достоинство, но менее внимательным читателям такой объем информации может показаться чрезмерным.

Итог: «Буря мечей» остается для меня лучшей книгой цикла. Это история о войне, власти, выборе и неизбежных последствиях собственных поступков. Она вызывает самые разные эмоции – от восторга до настоящего опустошения. Именно здесь становится окончательно ясно, что «Песнь льда и огня» – не сказка о спасении мира, а история о том, как люди пытаются выжить в мире, где каждое решение имеет свою цену. И именно поэтому спустя столько лет «Буря мечей» остается для меня вершиной всего цикла.

Жанр: Эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

Алексей Североан

Paracosm, «Асклепиада». Изд. МИФ

В 2024 году художница Paracosm дебютировала как писательница с романом «Счастливого дня пробуждения» – переосмыслением «Франкенштейна», герметическим триллером о взаимоотношения творца и творения в самых разных смыслах: от буквально-фантастического до религиозно-философского. Этой осенью выходит приквел – «Асклепиада». И если предыдущая книга Paracosm была полноценной неоготикой в еле-узнаваемом позднесоветском антураже, то новая – полноценный производственный роман с элементами мистики, история о талантливом хирурге в сеттинге Кубани 1950-х годов. Это концентрированно врачебный текст о провинциальной больнице и странностях, которые там творятся – смесь «Записок юного врача», фильма «Субстанция» и, безусловно, все того же «Франкенштейна». Степан, молодой хирург, прибывает в Кубань на практику и постепенно против своей воли оказывается втянут в страшную, антигуманистическую авантюру гениального нейрохирурга, последствия которой читатель уже видел в «Счастливого дна пробуждения». Или увидит, если будет следовать хронологии.

«Асклепиада» – роман о пылком юном сердце, неописуемый ритм которого превращает человека в борца за идеалы, правду, лучший мир; в того, кто готов добыть для науки новый огонь – старый давно погас, – уподобившись Прометею. Но только на словах. На деле Степан, как и любой очарованный возможным светлым будущим романтик, не может и представить, что этот огонь обжигает. Коснись – сгоришь. Идти против правил морали, этики, в конце концов, советского строя – значит разбить душу на множество осколков. Кто-то впоследствии делает из них бессмертные крестражи, а кто-то только

до крови режет босые ступни. Не просто так было упомянуто, что «Асклепиада» – роман производственный. В этой книге профессия врача показана со всех ракурсов, парадных и потаенных: тут есть место и разочарованию в профессии, и ошибкам, и следованию долгу до конца, и солидарности с системой, и попыткам сломать ее, и благим намерениям, которыми, как известно, выстлана дорога в ад. Все это – в нафталиновой атмосфере советской затхлости, полной строгих правил, бесконечных отчетов, бессмысленной, победившей гоголевской бюрократии. В системе, которая с радостью перемелет в костную пыль всех несогласных, видящих иное будущее медицины.

Денис Лукьянов

Ага. «Эксмо» анонсировало (а «Читай-Город» даже открыл на него предзаказ) новый роман Эдуарда Веркина «Площадь оружия». То самое продолжение-не продолжение «Сороки». Обложки, правда, пока нет, зато уже есть официальная аннотация:

Новая книга Эдуарда Веркина из цикла “Поток Юнга” будет построена вокруг катастрофы на планете кибернетиков Бенедикт. Инцидент не раз упоминается в бестселлере “Сорока на виселице”, но подробности случившегося остаются засекречены. Роман будет посвящен проблемам ИИ и его отношениям с людьми, исчерпанию литературы, восстанию машин, а также явлению новой космической и этической парадигмы.

События нового романа цикла будут не продолжать “Сороку на виселице”, но разворачиваться параллельно событиям предыдущей книги.

Штош. Ждем-с.

Василий Владимирский

31 августа:

Брэдбери посещает Марс
SSG AI

Оксана Романова

Прошлое лето я закончил замечательным «Смехом лисы». Решив и в этом году как-то поддержать тему, спешу поделиться, что наконец прочитал **«СНТ» Владимира Березина**.

Что-что, при чём тут лето?

Для меня дача это сугубо летнее времяпрепровождение, символ лета, с ней связаны исключительно летние атрибуты – купание в пруду, ягоды с кустов, приготовленная на костре еда, чтение книжек на втором этаже, под раскалённой крышей, вот это вот всё.

И несмотря на то, что истории в «СНТ» разворачиваются не только летом, позволю себе привязать небольшой отзыв именно к окончанию этого времени года.

Сперва почему-то ожидал от «СНТ» дачного хоррора в духе «Вьюрков» Дарьи Бобылёвой. Но Березин будто и не собирается никого пугать, а когда это происходит, то как бы вскользь, само собой – как побочный эффект историй, просто порой очень жутких. И здесь тоже самое интересное получается на стыке забавного и жуткого, объединённого местом действия – этакой собирательной Дачей.

Язык в «СНТ» сочный, образный, текст полон скрытых и явных цитат. Текст густой, как древнее жертвенное масло, добытое в болоте, но при этом понятный и гладкий.

Воспользуюсь словами сквозного персонажа книги: «*истории, рассказанные к месту, в меру ироничные, в меру редкие, но все – с кулинарным душком*». Такая вот гастрономическая диковинка для читателя-гурмана.

Причём дар рассказчика позволяет Владимиру Сергеевичу одинаково круто писать про мёртвый слёт, пасечника-людоеда, письма в бутылке и заброшенную базу в лесу, рассказывать о прошлом и настоящем (но не всегда реальном) страны, соединять под одной обложкой забытый луноход, звонки на тот свет, живую легенду закруток, атомный самолёт, ретеллинг «Репки» и проч.

У книги удивительная атмосфера, телепортирующая куда-то за город, в стынущий ночной воздух у маленького домика или к жару костра.

Возможно, не совсем правильно писать об «СНТ» только как о летней книге. Но суггестивный эффект очень мощный. Сборник как капсула времени (и места) с интересными историями.

И речь не о каких-то подростковых страшилках и крипипастах, а об аналоговых байках. И до того хорошо рассказанных, что не можешь не поверить в человечков из уличного клозета, в заброшенную лабораторию нейросканирования, в заколдованную красавицу с гитарой и в молодость, что можно закатать в консервы.

P.S. «СНТ» входит в один цикл со сборником «Пентаграмма Осоавиахима», романом «Небудущее», а также с вышедшим ещё в 2012 году «Последним мамонтом» (который ныне не последний, а просто «Мамонт»). Обязательно доберусь и до них.

Павел Сидоров

Ночной народ, Клайв Баркер

«Ночной народ» – это короткий и довольно плотный в плане событий роман Баркера, который должен был положить начало целой книжной вселенной, но в итоге так и остался самостоятельным произведением.

По сюжету ментально нестабильный паренёк Бун, убежденный, что он жестокий серийный убийца, отправляется на поиски Мидиана – заброшенного города, который служит **убежищем для тех, кто отличается от людей и вынужден скрываться от них**.

В Мидиане мёртвые обретают новую жизнь, а среди ночных улиц скрываются существа, которых мы бы назвали монстрами. Но Баркер, как и в «Восставшем из ада», снова **переворачивает идею чудовищности**: ночной народ живет сам по себе и по своим законам, создает семьи, рожает детей и не лезет в человеческие дела. Но сунься на его территорию и станешь «мясом» – так Бун и оказывается укушенным одним из монстров. Укус дает ему новую жизнь, новую форму и даже, как потом выяснится, новую цель.

Фактически Клайв Баркер написал **историю о тех, кто оказался по другую сторону человеческой нормы**, предлагая читателю задуматься, кто на самом деле заслуживает называться

чудовищем – тот, кто выглядит иначе, или тот, кто не способен принять чужую инаковость.

Неудачная экранизация демотивировала Баркера развивать историю дальше, а жаль: я только вошла во вкус и с удовольствием ещё бы поварилась в этом супчике из хоррора, фантастики и даже готической притчи.

Александра Прохорова

Фантастические люди
Василия Владимирского
Выпуск 5.

Алексей Сальников: «Выразительность всегда проигрывает правдоподобию, если выразительность гротескна до самопародии»
иллюстрация: Сергей Котов

ВВ:

По большому счету вся ваша крупная проза построена вокруг фантастических допущений – включая самый громкий роман «Петровы в гриппе и вокруг него», хотя там это не сразу бросается в глаза. Но уж в «Отделе», «Опосредованно», «Оккульттрегере», «Когнате» фантастическое начало не разглядит только слепой. Тем не менее открыли ваши романы широкой публике отнюдь не фантасты: наоборот, «фантастическое сообщество» встретило их успех без энтузиазма – ну, если не считать жюри премии «Новые горизонты». Как вы считаете, что в этих текстах мешает пересечь условную жанровую границу?

АС:

Как по мне, так того, что жюри «Новых горизонтов» признали меня фантастом, – уже достаточно. Не последние люди. Ну и я читал другие книги современных авторов. Большинство попыток фантастов пролезть в большую литературу и авторов

условной боллитры просочиться в фантастику почему-то довольно часто оборачивается тем, что и те и другие пишут еще один вариант «1984», только качественно хуже, глупее, ну и там про Россию и не смешно, все серьезные, даже не пытаются шутить, а только и думают, что про режим. Так делать неинтересно.

Что до того, чтобы самому удариться в чистый жанр, то, видимо, нет у меня этого таланта, а еще не хватает веры в героя-одиночку, или нужная крутая идея не пришла в голову. Но таких идей и так маловато, и очень маловероятно, что она придет в голову именно мне. Вон, за весь прошлый век по-настоящему крутого было только что вулкан с кольцом да Румата, который ждет, когда упадет дверь. Ничего круче в фантастике так и не появилось до сих пор. Или я брюзжу и страшно неправ, ну да и бог с ним. Была надежда, что поступок Максима Сергеевича из «Когнаты» тянет на что-то такое, но, видимо, это не столько круто, сколько ужасно и пугающе, что-то такое, чего и врагу не пожелаешь.

ВВ:

Пару слов о «заклепках». Действие вашего романа «Опосредованно» разворачивается в мире, где человеческий организм реагирует на стихи совсем не так, как здесь, у нас. Казалось бы, вся история человечества должна была пойти иным путем – но нет: и Советский Союз в этой альтернативной вселенной существовал, и перестройка приключилась, и великие исторические персоны те же, и города так же называются. Есть в ваших книгах и другие, менее очевидные примеры. Причина такого авторского решения абсолютно понятна: важен образ, метафора, а не количество заклепок на броне танка Т-34. Но как вы считаете, в каких случаях стоит пожертвовать правдоподобием ради выразительности, а в каких – ни в коем случае?

АС:

В конечном счете выразительность всегда проигрывает правдоподобию, если выразительность гротескна до самопародии. Кино более показательно в этом плане, поэтому возьмем «Матрицу». Сейчас это смотрится как клоунада в чистом виде, хотя влияние на современное развлекательное кино у фильма до сих пор значительное.

Главная проблема тут в том, что само понятие «правдоподобие» довольно размыто. С чем-то читатель готов мириться. Вот книга «Черная изба» Анны Лунёвой и Наталии Колмаковой. Книга про современность, девушки в ней пользуются смартфонами, смотрят сериалы, но их речь как будто написана ИИ, запрограммированном еще в шестидесятых и разбуженном только сейчас. Но с этим миришься, потому что, во-первых, понимаешь, что главное там не речь, а во-вторых, потому что если книга останется востребована еще лет десять, то читатель не запутается в устаревшем сленге, а проблемы взросления в сумасшедшей семье с безумной матерью останутся актуальными.

Но это все литература, которая пусть и пересекается с реальной жизнью, но может повлиять только на мировоззрение читателя в лучшем случае.

Есть вредные установки, которые лучше не транслировать.

К этим вещам относятся конкретные медицинские советы в художественной книжке. С таким я столкнулся один раз, это был типа тру-крайм, в этом романе девушка с ментальными проблемами бросает пить лекарства и излечивается от психического заболевания. Вот с такими высказываниями я бы постарался быть осторожнее.

ВВ:

В вашем романе «Когната» центральное место занимает раса «драконов» – хотя, конечно, на канонических драконов они похожи мало. Вообще образ дракона в сказочной и фантастической литературе встречается не реже, чем образ волшебника или инопланетного пришельца. Почему вы решили взяться именно за этот троп, который так и этак вертели сотни классиков и современников, от Толкина до Суэнвика, от Евгения Шварца до супругов Дяченко, не говоря уж про создателей фильмов и видеоигр? По-моему, получилось очень недурно, но выбор рискованный.

АС:

Когда я начал это придумывать, главным героем был Максим Сергеевич, проводник диковинных детей в некое пространство. И он боялся драконов, потому что после встречи с ними ни один проводник не возвращался, а оставались от проводника только обугленные рожки да ножки. И вот он ведет мальчика в потусторонний мир и в конце выясняет, что детская форма дракона – обычный ребенок. А потом как-то все трансформировалось,

трансформировалось и дотрансформировалось до безобразия «Когнаты». Это не был выбор, просто так нафантазировалось.

Но риск я осознавал. Мне было даже неловко перед «Яндексом», когда они готовили всякие материалы перед выходом сериала. Я думал: «Эх, ребята, вы готовитесь тут, готовитесь, что-то придумываете, а люди перестанут читать сразу, как только узнают, что драконы у меня антропоморфные». Может быть, кстати, и бросили бы, если бы не Сергей Гилёв, который вытянул текст на себе, прочитал его так, что очень большому количеству слушателей понравилось.

ВВ:

Я, к сожалению, в стихах разбираюсь как свинья в апельсинах, но мои друзья и знакомые еще до триумфа «Петровых» говорили, что Сальников – крупная величина в поэзии, особенно в современной поэзии Урала, приходится верить им на слово. А скажите, какие из поэтических навыков особенно пригодились вам в прозе? Умение держать ритм, находить нетривиальные метафоры, что-то еще? Или эти литературные пространства для вас вообще никак не пересекаются?

АС:

У меня со стихами та же ерунда, что и у вас, Василий. Чем дальше, тем меньше в них понимаю и уже вроде бы дошел до предела непонимания. Да и с прозой. В семнадцать лет я больше понимал, что происходит с литературой, что нужно делать и что нужно срочно написать.

А из стихов, наверное, осталась привычка рифмовать, только не конкретные слова, а какие-то детали в тексте, чтобы они повторялись в разном виде по ходу романа. Чувство объема осталось: очень удобно, когда примерно знаешь, сколько страниц будет в рукописи, хотя написал только первые несколько предложений.

Ну и это постоянное общение с творческой частью собственного мозга, когда она выдает тебе готовую строчку, ты морщишься и как бы командуешь: «Переделывай!» – и там что-то в голове происходит на основании твоих наблюдений и настроения, и сама собой появляется новая строчка, реплика персонажа, какая-то деталь. Это общее у стихов с прозой.

ВВ:

Понятно, почему основные события в большинстве ваших романов происходят на Урале, да и рассказывали вы об этом не раз. Я хотел бы спросить о другом: о моде на «локальную идентичность» – как-никак вас принято называть одним из основоположников тренда. Можем ли мы сказать, глядя на рост популярности таких произведений, что все странное, необычное, фантастическое в восприятии авторов этих вот «локальных» текстов вытеснено из центра на периферию – в Казань, Саратов, Новосибирск, Красноярск, Владивосток, Барнаул, Нижний Тагил, Верхнюю Пышму?

АС:

Основоположниками тренда на локальное, где происходят странные штуки, стала «Битва экстрасенсов», а вслед за ними «Беременна в 16», и «Ждули», и прочие реалити и полуреалити. Странное происходит везде, что означает, что оно случается где угодно. Лично у меня мысль написать что-то такое про Урал, скорее всего, появилась после того, как я прочитал несколько повестей Бориса Путилова, где описывался Нижний Тагил. Было приятно понимать, что клуб, о котором он написал, – вот он, что можно хоть сейчас поехать и посмотреть. Что мост, который в тексте, он больше не деревянный, но он там же. Не думаю, что тренд на вынесение

повествования в регионы такой уж новый. Сейчас пытаюсь вспомнить, где обитают и действуют герои тех же Стругацких, там мало где все события происходят в Москве и Ленинграде. Чаще всего вообще черт знает где.

Хочу рассказать, как у меня все устроено. Вот попадаю куда-то и хочется это как-нибудь описать и поместить героев туда. Про поселок, где рос, надеюсь, руки еще дойдут, но осенью прошлого года оказался в Чердыни. Спасибо пермским библиотекарям. Днем это был красивый городок, заполненный церквями и старинными зданиями. Ночью ничего не изменилось за исключением того, что там печное отопление и везде пахло дымом, так что с непривычки казалось, будто где-то пожар. По пути от места библиотечной вечеринки до гостиницы, как бы выдернутой откуда-нибудь из Москвы и вставленной напротив «Магнита», горело всего несколько фонарей в кромешной темноте. Я поймал себя на том, что совсем забыл, что бывает так темно. И возникло желание написать про этот городок, что я и сделал, не упоминая Чердынь напрямую, но вообще можно догадаться. Не думаю, что у других писателей происходит как-то иначе.

Василий Владимирский –
Алексей Сальников

Mark Tedin

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom
Александр Алабин: https://www.facebook.com/alexander.alabin.9
Александр Гранин: Внутри сингулярности, https://t.me/singularity_within
Александра Прохорова: Винишко под книжку, https://t.me/culturehedonism
Алексей Андреев: Alex Andreev Art, https://t.me/alexandreevarts
Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs
Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair
Алена Потапова: https://www.sobaka.ru/users/511240
Андрей Козлов: https://www.facebook.com/andrej.kozlov.280823
Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography
Ася Михеева: Shean, https://t.me/ursa_magna
БВИ: Братия по Разуму: https://t.me/bratrazum
Борис Сидюк: https://www.facebook.com/borys.sydiuk
Василий Владимирский: speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction
Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, https://t.me/horrorfantastcom
Вика Рипа: Еврейка у микрофона, https://t.me/urfavjewishgirl
Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb
Владимир Березин: березин, https://t.me/berezin
Вячеслав Настецкий: https://fantlab.ru/user64490/blog
Генри Лайон Олди: Oldie World, https://t.me/oldieworld
Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet
Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, https://t.me/denosavor
Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal
Дэвид Лангфорд: Ansible, https://news.ansible.uk/
Екатерина Каретникова: #прокнижное, https://t.me/karetni
Елена Клещенко: ДНК, книги, котики, https://t.me/dnabook
Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub
Инар Искендирова: Так говорил Лем, https://t.me/lemtalking
К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k
Кнрилл Корчагин: https://www.facebook.com/kirill.korchagin.3
Леонид Каганов: Леонид Каганов, https://t.me/lleodnevnik
Лиля Шеламова: Лиля Шеламова, https://t.me/lilya_storygirl
Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn
Марина Бернацкая: Marina Bernackaya, https://t.me/tamango15

Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru
Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre
Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, https://t.me/starlighthousekeeping
Николай Подосокорский: Подосокорский, https://t.me/podosokorsky
Оксана Романова: https://www.facebook.com/oksana.romanova.14
Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, https://t.me/kozhinoleg
Павел Сидоров: Сай-фай ревью, https://t.me/scifireview
Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, https://t.me/theworldisnoteasy
Ульяна Скибина: Сказки лесной ведьмы, https://t.me/Fairy_tales_of_the_forest_witch
Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https:// t.me/we_and_books